372
С-17
74488

Включено
в
каталог
1941
91

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

I – 5536

342.4

Г-5536

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
ПО НАЧАЛЬНОМУ НАРОДНОМУ
ОБРАЗОВАНІЮ
С.П.Б. О-ВА ГРАМОТНОСТИ
Театральн. ул. 5.

В. А. Самсоновъ.

Инв. 74488

МЕТОДИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО
КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ
и
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ БЕСѢДЪ

въ городскихъ четырехклассныхъ училищахъ, въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и во второмъ классѣ двухклассныхъ народныхъ школъ.

Цѣна 1 р. 20 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Проверено 1965 г.
80
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА ПО НАЧАЛЬНОМУ НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ. С. П. Б. О-во ГРАМОТНОСТИ Театральн. ул. 5.
372
С17
Инв. 74488
ПРОВЕРЕНО 1939 г.
1953
987

В. А. Самсоновъ.

МЕТОДИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ БЕСѢДЪ

въ городскихъ четырехклассныхъ училищахъ, въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и во второмъ классѣ двухклассныхъ народныхъ школъ.

ПРОВЕРЕНО
СПЕЦФОНД

Цѣна 1 р. 20 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Типографія Монтвида. Спб. Гончарная ул. д. № 7.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій курсъ литературнаго чтенія является лишь однимъ изъ педагогическихъ плановъ современной школы. На ряду съ нимъ существуютъ и другіе учебные планы, съ инымъ выборомъ и съ иной группировкой литературнаго матеріала, но описаніе ихъ не входитъ въ задачу этой методики, требуя отдѣльной работы.

Данный курсъ охватываетъ собою вторую ступень обученія, т. е. четырехклассное городское училище, первые четыре класса средняго учебнаго заведенія, второй классъ двухклассной народной школы и т. п. Но ближе всего онъ подходитъ къ городскому четырехклассному училищу, какъ къ наиболѣе чистому типу общеобразовательной школы второй ступени обученія.

Приспособляя его къ четыремъ младшимъ классамъ средняго учебнаго заведенія, пришлось бы исключить изъ этого плана образцы до-Петровской литературы, введенные сюда лишь для законченности курса второй ступени, и два—три наиболѣе сложныхъ произведенія Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, перенеся ихъ въ старшіе классы. Приспособляя описанный курсъ къ потребностямъ двухклассной народной школы, также необходимо внести въ него сокращенія, примѣнительно къ возрасту учащихся и къ числу

уроковъ училища, причемъ эти сокращенія опять таки падутъ на наиболѣе сложныя произведенія русскихъ писателей. Однако общій планъ курса какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ можетъ остаться безъ измѣненія.

Предлагаемый курсъ распадается на два концентра. Первый изъ нихъ, охватывающій два младшіе класса общеобразовательной школы, опирается на литературный матеріалъ хрестоматіи „Жизнь и Слово", составленной Л. Э. Зевигъ, М. П. Лопыревой, В. А. Самсоновымъ, Е. Е. Соловьевой, Н. А. и С. А. Тамамшевыми и Е. И. и Л. И. Тихѣевыми, причемъ въ педагогическій планъ внесены измѣненія примѣнительно къ характеру второго изданія хрестоматіи. Второй концентръ соотвѣтствуетъ фактическому курсу литературнаго чтенія въ двухъ старшихъ классахъ четырехкласснаго городского училища. Полное примѣненіе его въ тѣхъ же классахъ средняго учебнаго заведенія потребовало бы реформы преподаванія теоріи словесности въ смыслѣ замѣны ея, какъ цѣльнаго курса, пропедевтикой русской литературы, что, повидимому, и является лишь вопросомъ времени.

В. Самсоновъ.

Основныя задачи литературнаго чтенія.

Курсъ литературнаго чтенія въ общеобразовательной школѣ второй ступени обученія, особенно если такая школа представляетъ собою не часть учебнаго заведенія, а имѣетъ вполнѣ законченный характеръ, долженъ преслѣдовать не подготовительныя задачи, а совершенно самостоятельныя. Разъ дѣти заканчиваютъ свое образованіе школой второй ступени, то тѣмъ самымъ такой самостоятельный курсъ становится необходимымъ и неизбѣжнымъ. Однако самостоятельность и цѣльность курса литературнаго чтенія не можетъ мѣшать дальнѣйшему образованію, въ старшихъ классахъ средняго учебнаго заведенія. Будучи построенъ на твердыхъ психологическихъ основаніяхъ въ выборѣ литературнаго матеріала и въ примѣненіи цѣлесообразныхъ методовъ обученія, такой курсъ вполнѣ примѣнимъ и въ тѣхъ училищахъ, гдѣ вторая ступень непосредственно соединена съ третьей, какъ напримѣръ въ существующихъ среднихъ школахъ.

Самымъ главнымъ психологическимъ основаніемъ для выбора литературнаго матеріала служитъ интересъ учащихся, направленный почти исключительно на содержаніе литературныхъ произведеній.

Другія стороны литературы, какъ напримѣръ художественныя, культурныя, историческія и стилистическія, сами по себѣ не останавливаютъ дѣтскаго вниманія. Но онѣ могутъ и должны быть использованы учителемъ для все-

сторонняго развитія учащихся, хотя ихъ и нельзя класть въ основаніе курса литературнаго чтенія.

Такимъ образомъ, въ основаніе курса литературнаго чтенія слѣдуетъ положить содержаніе литературныхъ произведеній. А міровая литература, при всемъ разнообразіи своихъ направленій, даетъ отраженіе жизни, реальной или фантастической, какъ она претворяется въ воображеніи писателей.

Полагая, что ознакомленіе учащихся съ чередованіемъ литературныхъ направленій можетъ имѣть мѣсто лишь въ болѣе старшемъ возрастѣ, при болѣе основательной литературной подготовкѣ, приходится остановиться лишь на литературѣ, отражающей реальную жизнь, и на ней строить курсъ чтенія. Изъ иныхъ направленій возможно брать лишь только отдѣльныя сочиненія, удовлетворяющія художественности, если, при томъ, содержаніе ихъ доступно дѣтскому пониманію.

Содержаніе литературныхъ произведеній знакомитъ учащихся съ жизнью, а это конечная цѣль гуманитарнаго образованія, тѣмъ болѣе что жизнь сама по себѣ вырабатываетъ въ людяхъ лучшія чувствованія, если конечно наблюдать естественное воспитаніе человѣка на протяженіи значительныхъ періодовъ времени.

Но образовательныя задачи при такомъ планѣ литературныхъ занятій будутъ осуществлены не только въ результатахъ школьнаго обученія, а и въ самомъ процессѣ его, такъ какъ въ настоящее время педагогика располагаетъ пріемами, дѣлающими такія занятія глубоко образовательными.

Реальная жизнь раскроетъ передъ дѣтьми свои лучшія стороны, покажетъ развитіе ихъ въ разныхъ условіяхъ быта и, наконецъ, не утаитъ тѣ или другія отклоненія, которыя создаются нарушеніемъ гармоніи. Не слѣдуетъ чуждаться темныхъ сторонъ, но онѣ станутъ понятны дѣтямъ, какъ общественная болѣзнь, какъ личное страданіе на фонѣ

счастья и красоты. Однако было бы неправильно навязывать дѣтямъ свой собственный взглядъ на существованіе; жизнь нужно изучать, разныя явленія сопоставлять, разбираться въ причинной зависимости и синтезировать обобщающее представленіе о бытовыхъ условіяхъ каждой группы людей, каждаго ихъ положенія, въ условіяхъ труда, возраста, воспитанія и проявленія тѣхъ или другихъ чувствованій.

Необходимо показать дѣтямъ ту самую жизнь, которая совершается повседневно вокругъ ихъ самихъ, но проходитъ мимо и не останавливаетъ на себѣ вниманія, если не направить дѣтскаго вниманія на разныя ея проявленія. Дѣти видятъ разные предметы и явленія, но не всегда отдаютъ себѣ отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ; длительность впечатлѣній иногда бываетъ слишкомъ ничтожна; впечатлѣнія часто воспринимаются лишь пассивно, безъ участія воли и сознанія. Все это конечно не можетъ содѣйствовать развитію человѣка, а потому необходимо научить дѣтей наблюденію жизни.

Такую задачу должно взять на себя литературное чтеніе, какъ потому что литература – художественное отраженіе жизни, такъ и потому, что именно на литературныхъ образцахъ лучше всего дѣлать первые шаги такого наблюденія.

Въ самомъ дѣлѣ, непосредственная жизнь слишкомъ сложна и непонятна дѣтямъ, брать изъ нея тѣ или иные обрывки не слѣдуетъ по причинамъ педагогическаго характера; находить въ ней отдѣльные случаи, простые, яркіе и типичные, не такъ то легко, да и не всегда возможно; слѣдовательно, остается единственно доступный и безусловно правильный путь изученія жизни при помощи изящной литературы.

Доступность этого способа усиливается тѣмъ, что въ зависимости отъ построенія курса преподаватель можетъ подобрать цѣлый рядъ необходимыхъ картинъ, эпизодовъ и

образовъ, чтобы разсмотрѣть ихъ, каждый въ отдѣльности, и изъ всѣхъ вмѣстѣ создать опредѣленное цѣлое. Только изящная литература даетъ намъ яркіе примѣры для наблюденія, раскрывая передъ нами типы людей и типическіе случаи отношеній, что въ жизни переплетено съ другими моментами и понятно лишь опытному наблюдателю.

Выдѣляя среди основныхъ задачъ литературнаго чтенія изученіе жизни, мы придаемъ школѣ тотъ общеобразовательно-жизненный характеръ, котораго она долгое время была лишена, особенно въ годы развитія формальныхъ задачъ просвѣщенія. До сихъ поръ изученіе бытовой жизни и соприкасающейся съ нею жизни человѣческаго духа, жизни цѣлаго міра, не входило опредѣленно и ясно въ кругъ школьныхъ занятій. Выдвигая эти стороны въ настоящее время, возможно связать общій планъ школьныхъ занятій съ изученіемъ человѣка, какъ складывается его духовно-бытовая жизнь въ условіяхъ семьи, въ соприкосновеніи съ природой, съ ея животнымъ царствомъ, съ фантастическимъ кругомъ народныхъ воззрѣній, отразившихся въ мірѣ сказокъ и легендъ, въ соприкосновеніи съ искусствомъ и его замѣчательными творцами, а также въ соприкосновеніи и съ другими героями труда и мысли, вложившими въ сокровищницу общемировой работы свое горячее сердце и замѣчательный умъ; возможно связать общій планъ школьныхъ занятій съ изученіемъ человѣка въ различныхъ условіяхъ его труда, какъ земледѣльца, рабочаго, какъ труженика на другихъ поприщахъ, разсмотрѣть теченіе труда въ условіяхъ существующей жизни крестьянина и показать, какъ бытовыя условія вліяютъ разными сторонами на трудъ; и надъ всѣми частностями жизни человѣка вознести его душу, его мысли, чувства и настроенія, независимо отъ принадлежности къ той или иной общественной группѣ.

Такимъ образомъ возможно изучать человѣка, возможно

изучать его сказочную и фантастическую жизнь, указать на взаимодѣйствіе между духовнымъ и матеріальнымъ міромъ, показать мѣсто человѣка въ природѣ, какъ работника, творца, мыслителя, художника...

Къ такому преобладанію человѣческой личности въ курсѣ литературнаго чтенія приводитъ самое содержаніе литературы, выдвигающее на первый планъ не искусство, не форму, не знаніе языка, не историко-литературныя задачи, а самого человѣка.

Искусство, литературная форма, языкъ, историко-литературная часть—все это лишь сфера отраженія человѣческой личности; поэтому они не могутъ быть центромъ разбираемаго школьнаго курса, хотя и должны однако составлять весьма существенную часть въ его построеніи.

До сихъ поръ изученіе искусства въ русской литературѣ сводилось, обыкновенно, къ курсу теоріи словесности. Но едва ли это можетъ замѣнить собою поэзію. Конечно, искусство слѣдуетъ не только воспринимать, а и изучать, но такое изученіе нельзя основывать на расчлененіи различнаго рода видовъ поэзіи и опредѣленіи категорій. Изученіе изящнаго искусства, поскольку оно выражается въ поэзіи, должно основываться на историческомъ развитіи его содержанія, что едва ли доступно дѣтскому возрасту. А потому болѣе цѣлесообразно было бы въ общеобразовательной школѣ второй ступени обученія вводить въ курсъ литературнаго чтенія поэзію лишь для непосредственнаго воздѣйствія ея на духовный міръ человѣка.

Съ этой точки зрѣнія должны быть выбраны соотвѣтствующіе разсказы и вся остальная литература. Тотъ же принципъ нужно внести въ техническую сторону составленія хрестоматій или другихъ книгъ для чтенія. Сюда относится иллюстрація картинами изъ великихъ художниковъ, а также широкое пользованіе художественными оригиналами въ общемъ планѣ эстетическаго развитія.

Литературная форма имѣетъ громадное значеніе для выраженія мысли, а потому учащимся необходимо раскрыть ея законы, такъ какъ это можетъ и должно служить основаніемъ для развитія ихъ письменной рѣчи. Съ этой точки зрѣнія съ областью литературнаго чтенія слѣдуетъ поставить въ тѣсную связь законченный курсъ стилистики, какъ основаніе теоретическихъ и практическихъ занятій въ кругу сочиненій.

Знаніе языка, не формъ, а содержанія понятій должно быть основано на изученіи литературы, потому что только въ связи съ духомъ литературнаго произведенія, въ связи съ цѣлой мыслью, можно усвоить тѣ или другіе оттѣнки понятій и все богатство живого слова.

Приходя въ соприкосновеніе съ другими словами, являясь частицей въ общемъ процессѣ человѣческой мысли, слово отражаетъ всѣ индивидуальныя особенности писателя, человѣка, и проникнуться его духомъ возможно только въ кругу идей, принадлежащихъ его творцу. Поэтому знакомить съ характеромъ родной рѣчи слѣдуетъ не на отдѣльныхъ примѣрахъ, а на цѣльныхъ сочиненіяхъ, входящихъ въ курсъ литературнаго чтенія съ такимъ расчетомъ, чтобы въ немъ нашли свое мѣсто всѣ тѣ писатели, у которыхъ въ выраженіи мысли есть индивидуальныя черты.

Историко-литературныя задачи, какъ воспроизведенія культурно-бытовой жизни прошлаго, въ которой нашелъ свое отраженіе человѣческій духъ, не могутъ имѣть самостоятельнаго мѣста въ общеобразовательной школѣ второй ступени обученія, и возможны лишь какъ обобщающій моментъ, для того чтобы курсъ литературнаго чтенія возможно было связать съ дальнѣйшими занятіями по исторіи русской литературы, или для того чтобы сообщить этому курсу законченность по выясненію роли каждаго писателя въ общей суммѣ литературнаго богатства.

Съ этой цѣлью желательна и возможна группировка

литературныхъ произведеній, съ которыми дѣти знакомились въ теченіе всего курса, вокругъ личности писателей, поставленныхъ въ преемственно-историческую связь на фонѣ исторической жизни.

Наконецъ можно было бы указать еще одну задачу литературнаго чтенія въ общеобразовательной школѣ второй ступени обученія, это умѣнье читать съ полнымъ пониманіемъ. Но едва ли возможно отдѣлить такія задачи отъ усвоенія литературнаго матеріала, отъ изученія литературнаго образца въ художественномъ, стилистическомъ, историко-литературномъ отношеніи, или отъ особенностей его рѣчи Поэтому и не приходится отдѣльно говорить о развитіи навыковъ правильнаго и сознательнаго чтенія. Это входитъ въ область методики, а не въ задачи курса; безъ умѣлаго чтенія и невозможно было бы знакомить учащихся съ литературой, невозможно было бы поставить въ школѣ и курсъ литературнаго чтенія.

Теперь остается разсмотрѣть образовательное значеніе литературнаго чтенія, какъ опредѣленнаго курса. Прежде всего, описанный курсъ будетъ способствовать умственному развитію учащихся. Въ самомъ дѣлѣ, главной задачей его ставится изученіе жизни, а къ этому ведетъ ребенка и юношу вся школа, со всѣми ея учебными предметами и работами. Но недостаточно знать только одну внѣшнюю жизнь, безъ человѣка, безъ его духовнаго міра, безъ отраженія этого міра въ окружающей человѣка природѣ, въ его дѣлѣ. Нужно понимать не только все это, а также и отраженіе естественныхъ условій жизни въ духовномъ мірѣ человѣка и въ его матеріальномъ быту. Установить такое соотношеніе, познакомиться съ человѣкомъ во всѣхъ этихъ положеніяхъ, стать ближе къ его внутренней жизни—значитъ узнать много того, что не даетъ научная книга или научный опытъ. Между тѣмъ, умъ наблюдателя при этомъ работаетъ напряженно, путемъ всесторонняго изученія разныхъ явленій,

выясненія ихъ закономѣрности и внутренней связи. Все это дѣлаетъ литературное чтеніе образовательнымъ, способствующимъ не только обогащенію молодыхъ людей новымъ запасомъ знаній, а и содѣйствующимъ формальному развитію мысли.

На ряду съ этимъ литературное чтеніе, благодаря содержанію курса и художественнымъ достоинствамъ матеріала, пріобрѣтаетъ глубокое воспитательное значеніе. Система чтенія воспитываетъ систему мысли, а содержаніе литературы вызываетъ различнаго рода движенія чувствъ. Литература можетъ культивировать лучшія чувства человѣка, развивать его альтруистическія черты, какъ при помощи положительныхъ сторонъ отраженной въ ней жизни, такъ и путемъ контраста на явленіяхъ отрицательнаго типа, напримѣръ, въ сочиненіяхъ Гоголя.

При выборѣ матеріала, конечно, слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы намѣченный кругъ чтенія не былъ мрачнымъ по существу, но воспитательное вліяніе окажетъ безусловно каждая хорошая вещь, будетъ ли она жизнерадостной или мрачной. Очень часто бываетъ, что на разныхъ людей одна и та же вещь производитъ различное впечатлѣніе, а потому, говоря въ общихъ чертахъ о значеніи воспитательнаго чтенія, приходится имѣть ввиду лишь основное направленіе его, а не тѣ или другія индивидуальныя черты. Дѣйствительно, литература способствуетъ воспитанію добраго сердца, искренности, правдивости, чуткости и участія къ человѣку. Не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе вопроса, отчего это происходитъ: отъ художественныхъ ли сторонъ литературы, или отъ того, что это естественный путь жизни, получившей свое отраженіе у наиболѣе крупныхъ выразителей мірового порядка— все равно фактъ остается самимъ собой.

Воспитательное вліяніе литературы затрагиваетъ двѣ чрезвычайно важныя области человѣческаго духа: религіозную и эстетическую. При разрѣшеніи разнаго рода вопро-

совъ нравственнаго порядка, особенно когда настроеніе зиждется на этическомъ основаніи, религіозное чувство дѣтей получаетъ свое развитіе въ кругу обычныхъ отношеній, въ связи съ обыденной жизнью. И это обстоятельство очень важно, потому что религіозное чувство замыкается часто исключительно въ спеціальную сферу и отъ жизни бываетъ оторвано.

На воспитаніе чувства красоты литературное чтеніе оказываетъ опять-таки неизмѣримое вліяніе. Въ стихахъ или художественной прозѣ читателю-юношѣ могутъ звучать и напѣвы тѣхъ настроеній, которыя сообщаетъ красота человѣку, и удивительные звуки природы, и прекрасныя движенія великой души; можетъ почувствоваться и красота отношеній, въ тѣхъ случаяхъ, когда на первое мѣсто человѣкъ выдвигаетъ удовлетвореніе своихъ духовныхъ потребностей.

Наконецъ, литературное чтеніе даетъ не только знаніе языка, пониманіе стиля и историческаго развитія литературной мысли, о чемъ уже было сказано выше, оно воспитываетъ любовь къ родной рѣчи, къ своему народу, къ историческому прошлому и культурѣ. Понятно поэтому, что именно великій писатель, хорошо понимавшій литературу, человѣкъ съ благороднымъ сердцемъ и отзывчивой душой, въ восторгѣ говоритъ про народное достояніе: „О великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ“!

Такимъ образомъ, мы опредѣлили основныя задачи литературнаго чтенія въ курсѣ общеобразовательной школы второй ступени обученія и указали вліяніе литературы на общее развитіе человѣка, развитіе его умственныхъ силъ и духовнаго міра. Теперь необходимо выяснить, въ какой постепенности слѣдуетъ осуществлять поставленныя задачи, т. е. разсмотрѣть общій планъ построенія курса.

Общій планъ построенія курса.

Общеобразовательная школа второй ступени обученія въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ 4-хъ классовъ.

Таковы городскія училища. Къ нимъ приближаются въ той или другой степени многочисленные виды учебныхъ заведеній: двухклассныя народныя школы, торговыя, духовныя, сельскохозяйственныя, первые четыре класса среднихъ учебныхъ заведеній и т. п.

Разсматривая общій планъ занятій на второй ступени обученія, мы будемъ имѣть ввиду наиболѣе чистый типъ общеобразовательной школы, какимъ въ настоящее время является 4-хъ классное городское училище. Но само собой разумѣется, сказанное будетъ относиться въ значительной степени и къ первымъ 4-мъ классамъ всякой общеобразовательной школы, а также и къ другимъ разновидностямъ этого основного типа.

Прежде всего нужно сказать, что ученики двухъ младшихъ классовъ 4-хъ классной образовательной школы съ одной стороны, и двухъ старшихъ—съ другой, рѣзко разнятся другъ отъ друга по характеру своихъ переживаній.

Въ первыхъ классахъ, гдѣ преобладаетъ возрастъ отъ 11—12 до 13—14 лѣтъ, это еще совсѣмъ дѣти. Въ старшихъ двухъ классахъ у нихъ уже замѣтно развитіе критической мысли и болѣе глубокій интересъ къ знанію. Возрастъ учащихся въ этихъ классахъ отъ 13—14 до 15—16 лѣтъ. Въ это время въ работахъ и самостоятельномъ чтеніи юноши ищутъ уже отвѣта на вопросъ: почему, и тѣмъ самымъ входятъ въ область изслѣдованія, критики. На основаніи этого курсъ литературнаго чтенія въ первыхъ двухъ классахъ долженъ существенно отличаться въ своемъ содержаніи и въ методическихъ пріемахъ отъ занятій съ болѣе старшими учащимися.

По своему возрасту и психологическимъ переживаніямъ ученики перваго и второго классовъ мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга, а потому задачи литературнаго чтенія въ первые два года обученія расчленить было бы затруднительно. Правильно также объединеніе задачъ литературнаго чтенія и въ двухъ старшихъ классахъ училища. Тѣмъ самымъ создается два главныхъ концентра въ курсѣ литературнаго чтенія.

Въ первомъ концентрѣ, когда дѣтскій интересъ выражается по преимуществу въ наблюденіи, слѣдуетъ сосредоточить главное вниманіе на бытовой сторонѣ жизни, а во второмъ концентрѣ, когда замѣчается пробужденіе критической мысли, на психологіи человѣка. Этимъ конечно ставятся лишь наиболѣе рѣзкія различія въ курсахъ, и было бы ошибочно думать, что изъ литературнаго матеріала для первыхъ двухъ лѣтъ обученія слѣдуетъ совершенно удалить психологію человѣка, а изъ матеріала старшихъ классовъ — бытовую жизнь.

Итакъ, главное содержаніе первыхъ двухъ лѣтъ обученія во время уроковъ литературнаго чтенія составитъ человѣческій бытъ. Изъ внутренняго міра самого человѣка, какъ самостоятельнаго предмета, а не частицы бытовой жизни, можно было бы присоединить къ курсу лишь наиболѣе яркія и въ тоже время наименѣе сложныя чувствованія, какъ, напримѣръ, любовь къ родинѣ, религіозное чувство и т. п.

Естественно начинать изученіе быта людей съ моментовъ, наиболѣе близкихъ для самого ребенка, т. е. съ изученія дѣтскаго міра, но не такъ, какъ этотъ міръ стали бы изучать взрослые, а какъ стали бы наблюдать его сами дѣти. Хорошо будетъ, если одновременно съ этимъ дѣти перенесутъ свои наблюденія и на повседневную жизнь, въ которой они сами участвуютъ. Это будетъ первый шагъ сознательнаго существованія.

Дѣтскій міръ прежде всего, въ представленіи взрослыхъ и даже самихъ дѣтей, связывается съ ласками матери и ея заботами. Поэтому для чтенія необходимо выбрать такія статьи, гдѣ была бы выражена материнская любовь, заботы о дѣтяхъ, любовь дѣтей, ихъ горе и радости, со всѣмъ этимъ связанныя. Дальше идутъ годы ученья, когда въ сотрудники матери и отцу приглашается воспитатель, или учитель, когда дѣти поступаютъ въ учебное заведеніе.

На литературномъ чтеніи необходимо отмѣтить этотъ моментъ и расширить его тѣми интересами, какіе появляются у дѣтей на школьной скамьѣ. Сюда можетъ относиться, напримѣръ, страсть къ путешествію, получающая иногда такое своеобразное развитіе, могутъ относиться дѣтскія игры, товарищеская среда, работа и другія занятія.

Дѣти такъ любятъ животныхъ. Рѣдко кто изъ нихъ не возится съ курами, съ кошкой, собакой. Слѣдуетъ поощрять такую любовь, тѣмъ болѣе что помимо упражненія чувства, близкая жизнь съ животными открываетъ широкій просторъ наблюденію. Животныя доставляютъ дѣтямъ радость и горе. И чтобы сдѣлать понятнымъ все это, чтобы дѣти могли въ себѣ замѣчать такія чувствованія, слѣдуетъ остановить ихъ вниманіе на литературныхъ разсказахъ, преимущественно конечно изъ круга изящной словесности, гдѣ отражены подходящія настроенія.

Къ дѣтскому міру близко стоятъ многія сочиненія изъ народной поэзіи, граничащія въ свою очередь съ болѣе широкимъ кругомъ сказочной и легендарной жизни. Ввести все это въ курсъ литературнаго чтенія безусловно необходимо, чтобы осмыслить тѣ случайныя знанія, которыя сами собой пріобрѣтаются дѣтьми изъ этой области. Необходимо это также и для того, чтобы сблизить подрастающее поколѣніе съ прошлымъ, чтобы въ немъ искать объясненій для многихъ явленій современности, чтобы показать богатство народной мысли и творчества. Но недостаточно оста-

новиться здѣсь только на народной словесности; слѣдуетъ брать образцы и изъ художественной письменности, такъ какъ лучшіе творцы отечественной и иностранной литературы разрабатывали народную поэзію въ своихъ сочиненіяхъ и вводили въ ихъ содержаніе идеалы народа и его представленія. Пушкинъ, Гоголь, Жуковскій и другіе художники даютъ для этого достаточно матеріала.

Въ сказочной и легендарной поэзіи человѣкъ часто становится лицомъ къ лицу съ природой. Поэтому, говоря о народныхъ воззрѣніяхъ на міръ, придется близко подойти къ той великой связи, которая существуетъ между человѣкомъ и вселенной. Необходимо прочитать съ дѣтьми цѣлый рядъ художественныхъ сочиненій, затронуть преимущественно съ эстетической стороны окружающую природу, чтобы ребенокъ задумался надъ своимъ отношеніемъ къ ней, почувствовалъ любовь и привязанность къ густому лѣсу, который укрывалъ его отъ знойныхъ лучей палящаго солнца, къ прохладнымъ струямъ многоводной рѣки, къ синему морю, къ безпредѣльному пространству широкой степи, къ могучимъ горамъ, вершины которыхъ теряются высоко въ облакахъ, или неясно высятся среди царственнаго простора звѣзднаго неба.

Часто человѣкъ не сознаетъ въ себѣ свои чувства. Онъ безсознательно можетъ любить природу, но несознанная любовь не принесетъ ему наивысшаго количества радостей и блаженства. И если на художественныхъ образцахъ литературы остановить вниманіе ребенка, можно тѣснѣе сблизить человѣческую душу съ красотами міра. Природа всегда была источникомъ вдохновенія для величайшихъ людей, въ единеніи съ нею зарождаются смѣлыя думы, крѣпнетъ воля, въ душѣ пробуждаются новыя силы, хочется работать и жить. Страданіе здѣсь утихаетъ, энергія возрастаетъ, несчастье позабывается, усталость проходитъ. И тѣмъ большее вліяніе будетъ производить на человѣка

природа, чѣмъ выше въ его глазахъ станетъ ея могучій образъ. Поэтому надобно воспринимать художественные образы поэзіи и сближать ихъ съ окружающимъ міромъ, который тысячами нитей соединяетъ съ собой человѣка и живетъ съ нимъ въ сущности одной жизнью. Пусть ребенокъ полюбитъ эту жизнь, полную красоты и поэзіи, и тогда онъ узнаетъ счастье.

Рядомъ съ природой стоитъ искусство, и природа его источникъ. Музыка, краски, формы...—все это лишь талантливое, а часто и геніальное воспроизведеніе тѣхъ впечатлѣній, которыя навѣваетъ на человѣка природа, или въ видѣ отдѣльныхъ мелодій, или въ видѣ художественныхъ пьесъ, будетъ ли это музыка, живопись или мраморъ. Искусство однородно съ природой въ своемъ вліяніи на человѣка.

Поэтому на урокахъ литературы нужно показать дѣтямъ всю силу его вліянія на человѣческую душу. Въ распоряженіи учителя будетъ цѣлый рядъ художественныхъ разсказовъ и стихотвореній, откуда видно, чѣмъ для поэта служитъ поэзія, для музыканта — музыка, для артиста — сцена.

Вмѣстѣ съ этимъ нужно познакомить дѣтей съ наиболѣе талантливыми выразителями искусства, раскрыть передъ ними хотя нѣкоторые штрихи ихъ жизни и тѣмъ самымъ сблизить человѣка съ его твореніемъ.

Параллельно съ литературными образцами, гдѣ преимущественно замѣчаются темы, затрагивающія внутреннія переживанія человѣка, слѣдуетъ остановиться на такихъ картинахъ бытовой жизни, которыя своимъ содержаніемъ могли бы слить его настроеніе съ мотивами этихъ картинъ.

Напримѣръ, религіозное чувство развивается многими стихами Лермонтова, разсказами Л. Толстого, Тургенева, Виктора Гюго и др. Любовь къ родинѣ находитъ свое отраженіе въ многочисленныхъ элегіяхъ цѣлаго ряда писателей. Чаще всего это чувство соединено съ легкимъ от-

тѣнкомъ грусти, что и понятно: любовь къ родинѣ начинаетъ говорить о себѣ или когда мы далеко на чужбинѣ, или когда какая-нибудь неприглядная картина напоминаетъ намъ наши обязанности гражданина и человѣка.

Слѣдуетъ развивать въ дѣтяхъ участіе къ чужому горю и потому необходимо показать имъ наиболѣе сильныя проявленія этого чувства, что съ поразительной выпуклостью выступаетъ въ неволѣ, когда человѣкъ лишенъ самаго цѣннаго блага—свободы.

Въ противовѣсъ мрачному настроенію, которое можетъ подавлять духовный міръ человѣка, необходимо создать такое же сильное впечатлѣніе путемъ противоположныхъ настроеній отъ личной свободы и счастья.

Покажите эти чувства на разныхъ случаяхъ жизни, но особенно старайтесь выбрать такіе изъ нихъ, когда человѣкъ могъ бы дѣйствительно обнажить свою душу и раскрыть свои настроенія со всею силой. Наиболѣе подходящимъ моментомъ для этого является война. Здѣсь можно наблюдать геройство и трусость, благородство и низость, высокія качества человѣколюбія и наиболѣе дикія проявленія звѣрства; здѣсь видны личныя и массовыя страданія и радость. Правда, большинство литературныхъ произведеній рисуетъ отрицательную сторону войны, но все же кое что можно найти и изъ такихъ настроеній, когда отрицательныя черты позабывались въ увлеченіи осуществить при помощи войны большія задачи.

Показавъ наиболѣе яркія черты быта на фонѣ перечисленныхъ выше переживаній, остается перейти къ положенію человѣка, какъ представителя опредѣленнаго труда опредѣленной общественной группы. Наиболѣе яркими и наиболѣе близкими для учащихся низшихъ школъ являются двѣ такихъ группы: рабочіе и крестьяне. Поэтому на нихъ слѣдуетъ и сосредоточить вниманіе. А такъ какъ въ условіяхъ спеціальнаго труда, характеризующаго опре-

дѣленную общественную группу, человѣкъ остается всегда человѣкомъ, со всѣми его достоинствами и недостатками, то такое изученіе крайне полезно рѣшительно для всѣхъ дѣтей, независимо отъ типа учебнаго заведенія и ихъ состоянія.

Изучать крестьянскую жизнь можно въ историческомъ прошломъ, которое однако еще такъ живо въ памяти, и въ настоящемъ. Недавнее прошлое такъ чудно отражено въ Запискахъ охотника, гдѣ раскрыты необъятныя возможности совершающагося роста духовныхъ цѣнностей. А поэзія земледѣльческаго труда Микулы Селяниновича, художественные гимны труду у Кольцова—все это создаетъ удивительно бодрое настроеніе. При такихъ условіяхъ мрачныя картины того же труда, будетъ ли то случайное бѣдствіе, или естественный распадъ подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ формъ, невольно разсматриваются какъ преходящія, за которыми идетъ свѣтлая жизнь, полная поэзіи и довольства.

И какъ бы для контраста съ этой жизнью, тѣсно связанной многочисленными нитями съ матерью-природой, приходится остановиться на другой жизни, жизни рабочаго города, гдѣ тоже завязываются прочныя нити, но соединяютъ они человѣка уже не съ природой, а съ машиной или рабочимъ станкомъ. Здѣсь нѣтъ того вѣкового приспособленія, которое мы видѣли въ крестьянскомъ быту, здѣсь еще только вырабатывается свой собственный, своеобразный укладъ; но указать на него подрастающему поколѣнію тѣмъ болѣе необходимо, что на ихъ же глазахъ, а можетъ быть даже и при участіи, этотъ укладъ будетъ расти и перерабатываться. Современная литература отмѣтила уже нарожденіе этой формы промышленнаго труда и отразила нѣкоторыя особенности новаго быта.

Такимъ образомъ, въ первыхъ двухъ классахъ общеобразовательной школы путемъ литературнаго чтенія можно содѣйствовать развитію у дѣтей внимательнаго отношенія

къ окружающей жизни, выражающейся какъ во внѣшнихъ проявленіяхъ человѣка, такъ и въ его переживаніяхъ. Но изучать внутреннія переживанія, ихъ развитіе и характеръ, возможно лишь въ дальнѣйшіе годы занятій.

Третій и четвертый годъ обученія слѣдуетъ наполнить именно такими работами, тѣмъ болѣе что первые два класса могутъ дать, и несомнѣнно дадутъ, нѣкоторую подготовку въ этомъ отношеніи. Изученіе человѣка слѣдуетъ производить на сочиненіяхъ лучшихъ писателей, а потому Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ... должны занять исключительное мѣсто на этой ступени.

Во второй половинѣ послѣдняго года необходимо было бы завершить описанный курсъ литературнаго чтенія и тѣмъ придать ему законченный видъ. Для этого слѣдуетъ сгруппировать прочитанный матеріалъ вокругъ личности писателей и познакомить учащихся съ біографіями наиболѣе выдающихся классиковъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Для большей законченности пришлось бы на основаніи предыдущихъ свѣдѣній, частью дополненныхъ въ курсѣ четвертаго класса, дать общую характеристику народной словесности, первыхъ письменныхъ памятниковъ древней Руси и вообще допетровской литературы. Новую литературу возможно было бы начать съ Ломоносова и Державина, продолжить Фонвизинымъ и Жуковскимъ и затѣмъ остановиться на очеркахъ литературы Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Кольцова, Тургенева, а также познакомить учащихся съ Никитинымъ и А. Толстымъ.

Конечно, перечисленными писателями не можетъ быть исчерпано ознакомленіе учащихся съ русской литературой. Необходимо читать съ ними Л. Толстого, Аксакова, Короленко, Чехова, Успенскаго, Горькаго, Андреева и многихъ другихъ писателей, но по нашему плану доступныя возрасту сочиненія этихъ писателей войдутъ въ курсъ первыхъ

классовъ. Послѣдніе же годы слѣдуетъ посвятить немногимъ избраннымъ писателямъ съ такимъ расчетомъ, чтобы изученіе ихъ происходило съ возможной полнотой и научностью, поскольку то возможно осуществить путемъ примѣненія психологическаго метода. Историко-литературный методъ для разъясненія русской литературы въ четвертомъ классѣ не примѣнимъ, потому что дѣти въ этомъ возрастѣ еще не могутъ понять человѣка, какъ равнодѣйствующую разныхъ культурно-историческихъ силъ, но это не значитъ, что учитель въ своихъ объясненіяхъ не долженъ дѣлать экскурсій въ область исторіи. Психологическій методъ позволитъ поставить въ связь творенія писателя съ его личностью и глубже понять эту послѣднюю на основаніи разобраннаго уже литературнаго матеріала.

Такимъ образомъ, эпизодическому курсу русской литературы не слѣдуетъ придавать самостоятельнаго характера. Это лишь завершеніе литературныхъ знаній, полученныхъ на протяженіи четырехлѣтняго курса, что можетъ служить первымъ законченнымъ концертомъ въ системѣ средняго образованія. Изучать курсъ русской литературы въ старшихъ классахъ средняго учебнаго заведенія въ такомъ случаѣ уже не составитъ труда, и главное—онъ будетъ базироваться на твердомъ фундаментѣ.

Выше изложенъ общій планъ занятій литературнымъ чтеніемъ въ 4-хъ классномъ общеобразовательномъ училищѣ. Теперь остается подробно разсмотрѣть матеріалъ и сдѣлать нѣсколько указаній о методическихъ пріемахъ преподаванія.

Курсъ перваго и второго классовъ.

Литературный матеріалъ для перваго и второго классовъ раздѣленъ нами на нѣсколько отдѣловъ, состоящихъ изъ цѣльныхъ статей или законченныхъ отрывковъ. Чтобы избѣжать необходимости перепечатывать на страницахъ

настоящей книги разбираемые отрывки, придется указать, что въ дальнѣйшемъ будетъ итти рѣчь именно о тѣхъ сокращеніяхъ или извлеченіяхъ изъ литературнаго матеріала, которыя даны въ хрестоматіи „Жизнь и Слово“.

Предлагая учащимся литературный матеріалъ, мы считаемъ вполнѣ установленнымъ то положеніе, что наибольшее воспитательное воздѣйствіе оказываютъ или цѣльныя статьи, или отрывки, настолько законченные, что являются вполнѣ самостоятельнымъ образомъ.

Литературный матеріалъ для первыхъ двухъ классовъ можно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы: дѣтскій міръ, человѣкъ и животныя, изъ міра сказокъ и легендъ, человѣкъ и природа, искусство, изъ жизни замѣчательныхъ людей; человѣкъ, его мысли чувства и настроенія; изъ быта крестьянъ и помѣщиковъ во времена крѣпостного права, изъ жизни деревни, изъ жизни рабочихъ.

Дѣтскій міръ.

Въ этотъ отдѣлъ можно помѣстить: отрывки изъ дѣтства и отрочества, Л. Толстого—дѣтство, maman, разлука съ матерью, смерть матери, поѣздка на долгихъ; изъ романа Обламовъ—дѣтство Обламова, жизнь Илюши дома, ученіе Илюши, воспитаніе Штольца; Кало, камердинеръ дяди Герцена; въ барскомъ пансіонѣ, Достоевскаго; къ дѣтямъ, стих. Хомякова; казачья колыбельная пѣсня, Лермонтова; мать, стих. Надсона; гимназія, соч. Аксакова; дѣтство Ѳомы Гордѣева, соч. Горькаго—у крестнаго отца, у отца, ученье Ѳомы, Ѳома на Волгѣ, Ѳома въ школѣ, въ гостяхъ у товарища Смолина; маленькій флорентійскій писарь, Де-Амичисъ; Илья Луневъ, М. Горькаго; изъ дѣтства Тёмы: Жучка, Гарина; у Илюшиной постельки, Достоевскаго; школьникъ, стих. Некрасова; по теченію, Гусева-Оренбургскаго.

Отдѣлъ посвящается разработкѣ вопросовъ, объединяющихся понятіемъ дѣтскаго міра. Сюда входитъ ран-

нее дѣтство, первые шаги сознательной жизни и школьные годы. На фонѣ этихъ періодовъ раскрываются передъ читателемъ различныя дѣтскія настроенія, интересы и чувствованія. Передъ глазами проходитъ цѣлый рядъ интересныхъ лицъ: Николенька изъ Дѣтства и Отрочества, Илюша Обломовъ и Андрей Штольцъ, случайный воспитанникъ барскаго пансіона (изъ Достоевскаго); сирота, живущій во снѣ мечтами о матери (изъ Надсона), Сережа Аксаковъ (изъ Семейной Хроники), Ѳома Гордѣевъ, Джуліо (изъ Амичиса), Илья Луневъ, Тёма (изъ Гарина), Коля Красоткинъ, школьникъ (изъ Некрасова), Свѣча и Егоша (изъ Гусева-Оренбургскаго).

Николенька—сынъ богатыхъ родителей, весь укладъ жизни которыхъ дышетъ довольствомъ и счастьемъ. Обезпеченное существованіе позволяетъ отцу и матери сосредоточить свое вниманіе на развитіи умственныхъ и духовныхъ силъ мальчика, и ребенокъ живетъ въ обстановкѣ, способствующей проявленію лучшихъ душевныхъ чувствованій. Онъ окруженъ любовью. Передъ глазами Николеньки проходятъ картины родительской ласки и постоянныхъ заботъ. И вотъ, въ душѣ его созрѣваетъ могучее чувство любви, которое готово распространиться и на несчастнаго Карла Ивановича, единственнаго человѣка, котораго онъ зналъ несчастнымъ, и на любимую фарфоровую игрушку—зайчика или собачку—и на всѣхъ людей. И желанія счастья этимъ людямъ переплетаются съ другими желаніями, напримѣръ, что бы завтра была хорошая погода. Такъ все просто и естественно въ этой чистой душѣ. Можно представить себѣ горе Николеньки, когда онъ впервые разставался со своей матерью на долгое время. Это искреннее горе способно всколыхнуть даже черствое сердце читателя, а дальнѣйшее описаніе величайшаго изъ міровыхъ моментовъ—смерти, и притомъ самаго близкаго человѣка, какимъ была для Николеньки его мама, такое описаніе, въ высшей степени простое, сообразно съ

величіемъ минуты, можетъ только способствовать росту человѣческой любви и привязанности. Однако живыя силы должны брать верхъ надъ унынiемъ и печалью. И вотъ мы видимъ уже, какъ во время поѣздки на долгихъ Николенька возвращается къ интересамъ окружающей жизни, которая постепенно овладѣваетъ его вниманiемъ и заполняетъ своими интересами пытливый умъ.

Илюша Обломовъ живетъ въ другой обстановкѣ. Здѣсь нѣтъ той интеллигентности среды, тѣхъ заботъ о духовномъ мірѣ и умственныхъ интересахъ, которыми окруженъ былъ Николенька.

Илюша живетъ среди омертвѣвшей деревни, которая можетъ наложить на него только такое же клеймо. Родительская ласка не носитъ того глубокаго, разумнаго начала, которое мы видимъ у Николеньки; отсутствiе умственнаго труда, исключительныя заботы о пищѣ, устраненiе всякой работы, покровительство лѣни...—все это не могло создать въ мальчикѣ ту живую любовь, которой было переполнено сердце Николеньки.

Эта параллель между Николенькой и Илюшей напрашивается сама собой. Оба мальчика принадлежатъ къ обезпеченному классу, гдѣ чаще всего можно искать образованныхъ людей, а между тѣмъ какая громадная разница между тѣмъ и другимъ. Одинъ носитъ въ себѣ начало смерти, а другой жизни; одинъ уже успѣлъ устранить интересъ къ обычнымъ явленiямъ окружающаго мiра, у него уже глохнутъ чувства, а другой проявляетъ этотъ интересъ даже въ наиболѣе тяжелое время, непосредственно послѣ смерти горячо любимой мамаши; чувства его находятъ дальнѣйшее развитiе и такимъ образомъ для него обезпеченъ дальнѣйшiй ростъ личности.

Андрей Штольцъ, конечно, не имѣетъ самостоятельнаго значенiя въ отрывкахъ изъ Обломова. Онъ является лишь

только противоположностью своему сверстнику и служитъ главнымъ образомъ для уясненія его отличительныхъ чертъ.

Прекраснымъ дополненіемъ къ жизни образованной барской семьи можетъ служить небольшой эпизодъ изъ дѣтскихъ лѣтъ Герцена, связанный съ личностью Кало. Этотъ кроткій, мягкій человѣкъ, служившій камердинеромъ у дяди мальчика, сосредоточилъ всю свою привязанность на ребенкѣ, и ко дню именинъ послѣдняго готовилъ обыкновенно прекрасный подарокъ: или пышный транспарантъ съ вензелемъ, или кукольную комедію, или другое что. И во все это вкладывалось столько любви и увлеченія, что тѣ же чувства невольно зарождались и въ душѣ мальчика.

Такую же глубину переживаній можно видѣть и у Сережи Аксакова (изъ Семейной Хроники). Этотъ мальчикъ—дитя лѣсовъ и полей—выросъ подъ вліяніемъ образованной матери, которая горячо любила своего ребенка. Поэтому мы находимъ въ немъ непосредственность чувства, съ одной стороны, и благородную гордость человѣка, желающаго быть достойнымъ своего близкаго друга и наставника—съ другой.

Сережа ужасается лишь при одной мысли о разлукѣ съ нѣжно любимой матерью во время предстоящей гимназической жизни, страдаетъ уже только отъ ожиданія такой возможности, но въ концѣ концовъ интеллигентная мать сумѣла внушить мальчику необходимость разлуки, и ея благородный образъ сдѣлался для него руководящимъ началомъ во многихъ случаяхъ жизни.

Этимъ можно было бы и ограничиться въ характеристикѣ дѣтской жизни образованнаго общества. Передъ учениками, такимъ образомъ, пройдутъ Николенька, Илюша, Герценъ и Сережа. Здѣсь описываются разные возрасты, начиная отъ 7 лѣтъ и кончая юношескимъ, разное воспитаніе и разныя натуры. Хотя литературный матеріалъ и даетъ возможность опредѣлить разницу дѣтскихъ натуръ отъ условій ихъ воспитанія, но въ первомъ классѣ не на этомъ,

конечно, слѣдуетъ сосредоточить вниманіе. Достаточно будетъ, если ученики поймутъ различіе изучаемыхъ дѣтскихъ натуръ и тѣмъ самымъ впервые получатъ возможность отнестись съ нѣкоторой долей сознательнаго вниманія къ своимъ товарищамъ, которые могутъ пріобрѣсти въ представленіи учащихся индивидуальныя черты.

Дальнѣйшій матеріалъ вводитъ учащихся въ другую среду. Въ барскомъ пансіонѣ Тушара (у Достоевскаго) мы встрѣчаемся съ забитымъ и загнаннымъ мальчикомъ. Живя среди графскихъ и сенаторскихъ дѣтей, онъ стыдится своей простой, необразованной матери, которая посѣтила горячо любимаго сына въ чуждомъ и для него и для нея мѣстѣ. Мальчикъ и хотѣлъ бы излить свои чувства къ матери въ теплыхъ ласкахъ, но опасеніе: „что скажутъ“ отравляетъ свиданіе, тѣмъ болѣе что мать его совсѣмъ простая женщина, которая и любитъ, и ласкаетъ, и разговариваетъ по своему. Однако непосредственность чувства въ концѣ концовъ, черезъ полгода послѣ этой встрѣчи, взяла верхъ надъ ложнымъ стыдомъ и мальчикъ хочетъ, чтобы мать вспомнила своего бѣднаго сына, чтобы показалась ему хоть разочекъ, приснилась хотя бы во снѣ, что бы онъ могъ сказать ей, какъ любитъ ее, обнять и поцѣловать ее, чтобы сказать ей, что онъ теперь уже совсѣмъ не стыдится ея, что онъ ее и тогда любилъ, и что сердце его ныло, а онъ только сидѣлъ, „какъ лакей“.

Родительская любовь описывается въ двухъ стихотвореніяхъ, которыя слѣдуетъ помѣстить въ отдѣлѣ: „Къ дѣтямъ“ Хомякова и „Казачья колыбельная пѣсня“ Лермонтова. А стихотвореніе Надсона „Мать“ даетъ описаніе сыновней любви и тяжелаго горя сироты, лишившагося матери въ раннемъ возрастѣ.

Горячую любовь къ родителямъ и даже ея героическое выраженіе находимъ мы и въ разсказѣ Амичисъ: маленькій флорентійскій писарь. Маленькій Джуліо — сынъ бѣднаго чиновника; онъ видитъ, какъ тяжело достается кусокъ хлѣба

его родителямъ и рѣшается своимъ трудомъ облегчить ихъ тяжелое бремя. Мальчикъ просиживаетъ ночи за перепиской карточекъ и тѣмъ самымъ увеличиваетъ заработокъ отца. А тотъ ничего не замѣчаетъ, механически сдавая свою работу и радуясь, что силы его еще не слабѣютъ и что глаза еще не отказываются служить. Но Джуліо сталъ хуже учиться, переутомленный ночною работой. И отецъ уже пересталъ видѣть въ мальчикѣ будущаго помощника, убивая тѣмъ самымъ все больше и больше бѣднаго Джуліо. Однако въ концѣ-концовъ подвигъ Джуліо сталъ извѣстенъ, и семейныя отношенія въ этомъ домѣ опять сдѣлались теплыми. Такимъ образомъ, въ настоящимъ разсказѣ мы видимъ геройство мальчика, который любитъ своихъ родителей и желаетъ облегчить ихъ тяжелый трудъ.

Ѳома Гордѣевъ вводитъ насъ въ купеческій бытъ. Сначала онъ живетъ у крестнаго отца, но потомъ отецъ взялъ мальчика къ себѣ. Ѳома росъ угрюмымъ ребенкомъ. Фантастическіе разсказы старой тетки про бабу-ягу, про Василису Премудрую... воспитали въ немъ героическій духъ, но окружающая купеческая среда не давала выхода этому настроенію. Ѳома живетъ въ мечтахъ. И хочется ему, чтобы отецъ его оказался старинным разбойникомъ, совершавшимъ чудеса удали; хочется ему видѣть широкую Волгу, гдѣ когда то гудѣла казацкая вольница. Но дѣйствительность слишкомъ обычна: нѣтъ ни разбойниковъ, ни казацкой удали; есть лишь торговля да могучій просторъ чарующей Волги. Мальчику скоро надоѣдаетъ однако обычная картина, особенно когда онъ узнаетъ, что за тѣми городами, которые онъ уже видѣлъ, идутъ другіе, такіе же. У него появляется тоска, а за нею—потребность сдѣлать что нибудь такое, что могло бы за сердце взять. И вотъ мальчикъ вмѣстѣ съ другими юнцами лѣзетъ въ чужой садъ красть яблоки. Это не было обычное преступленіе, а стихійный протестъ по

существу энергичной натуры противъ соннаго царства купеческой жизни.

Илья Луневъ—настоящій сынъ своего народа, воспитавшаго въ мальчикѣ любовь къ землѣ, къ лѣсамъ, къ природѣ. Но неумолимый законъ борьбы за существованіе гонитъ ребенка въ городъ, гдѣ онъ попадаетъ подъ начало дѣда-тряпичника. Старый да малый ходятъ ежедневно по грязнымъ дворамъ и закоулкамъ, собираютъ тряпки, кости и всякую дрянь, продаютъ, и тѣмъ зарабатываютъ крохи для невзрачнаго существованія. Однако Илья живетъ, радуется, играетъ и сладко спитъ. Душевный міръ его представляетъ много интереса своимъ содержаніемъ, цѣльнымъ, нетронутымъ еще противорѣчіями жизни, полнымъ истиннаго увлеченія и радости. Удивительно здоровое впечатлѣніе производитъ этотъ нищій мальчикъ, который какъ бы говоритъ собою читателю: ищите въ людяхъ прежде всего человѣка, а затѣмъ уже тряпичника, рабочаго, крестьянина, помѣщика.

Тёма соединятъ въ себѣ доброе сердце съ простымъ, но въ тоже время героическимъ настроеніемъ. Его любимую Жучку забросили въ глубокій сухой колодезь. И вотъ Тёма, не думая совсѣмъ объ опасности, спускается на дно, чтобы спасти своего друга. Для этого ему нужно много изобрѣтательности и присутствія духа. Но успѣхъ вознаграждаетъ мальчика, а отсутствіе душевнаго разлада было для него счастьемъ.

Коля Красоткинъ обнаруживаетъ теплое чувство къ больному товарищу, тѣмъ болѣе сильное, что дѣти не привыкли видѣть отъ него много нѣжностей. Онъ доставляетъ высшую радость несчастному Илюшѣ Снѣгиреву возвращеніемъ Жучки, которую обучилъ разнымъ хитростямъ. И все это для Илюши, который доживаетъ свои послѣдніе дни.

Свѣча и Егоша вносятъ въ дѣтскую жизнь юмористи-

ческій элементъ своими приключеніями во время поѣздки домой на каникулы. Мальчики выѣхали на лодкѣ, чтобы поспѣть изъ семинаріи домой къ Христовой утренѣ. Дорогой они мечтали о своемъ будущемъ: одинъ о дьяконствѣ, а другой о путешествіяхъ. Въ это время наводненіемъ чуть не унесло у нихъ лодку, чуть не потонули они, выкупались въ холодной водѣ, спасли погибавшаго зайца, и, въ концѣ концовъ, все же добрались до родительскаго дома, гдѣ ихъ ждали вкусные куличи и красныя яйца.

Если ко всему изложенному прибавить „Школьникъ“, стих. Некрасова, то отдѣлъ можно считать законченнымъ. Но для наибольшей полноты слѣдуетъ сопоставить съ разсмотрѣннымъ матеріаломъ также и слѣдующій: Крестьянскія дѣти — Некрасова и Бѣжинъ лугъ — Тургенева, гдѣ дается характеристика дѣтской крестьянской жизни; Ванька — Чехова, Петька на дачѣ — Андреева, Вертелъ — Мамина Сибиряка, Кормилецъ — его же, Подъ праздникъ — Серафимовича, гдѣ описывается бытъ рабочихъ-дѣтей; Мальчикъ-шпіонъ — Доде, въ отдѣлѣ наиболѣе полнаго изученія внутренняго міра; Янко-музыкантъ, въ отдѣлѣ искусства, и наконецъ изъ отдѣла замѣчательныхъ людей: дѣтство Гете, Пушкина и Шевченко.

Всѣ эти сочиненія разсматриваются въ названныхъ выше отдѣлахъ, а потому здѣсь мы не будемъ останавливаться на ихъ изученіи.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ отдѣлѣ широко разсматривается дѣтская жизнь. Нужно считать правильнымъ преимущественное изученіе въ первомъ классѣ общеобразовательной школы именно дѣтской жизни, потому что она дѣтямъ ближе всего. Однако это изученіе должно производиться не съ точки зрѣнія интересовъ взрослаго человѣка, изучающаго дѣтскую психологію, а съ точки зрѣнія инте-

ресовъ дѣтей, знакомящихся съ разнаго рода явленіями изъ жизни своихъ сверстниковъ. Это значитъ, что изученіе должно быть направлено по преимуществу не на психологію человѣка, а на бытовую сторону. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что психологію ребенка нужно исключить изъ сферы класснаго изученія, но это значитъ, что вниманіе слѣдуетъ не на ней сосредотачивать. Вотъ, напримѣръ, передъ нами Николенька. Взрослому интересно прослѣдить, благодаря какимъ условіямъ воспитанія у Николеньки развилась любовь къ матери, къ людямъ, какъ воспиталось его доброе сердце. „Дѣтство и отрочество“ съ этой точки зрѣнія является одной изъ интереснѣйшихъ книгъ для взрослыхъ. Но дѣтямъ достаточно лишь показать, что у Николеньки доброе сердце, что онъ горячо любитъ свою маму, что онъ готовъ любить и Карла Ивановича, и свою куклу, и всѣхъ людей. Если дѣти это сами выведутъ на основаніи прочитаннаго, приведя въ подтвержденіе своихъ выводовъ факты, то этого будетъ совершенно достаточно, чтобы считать результаты чтенія достигнутыми. А на психологію дѣтей Николенька уже самъ собою произведетъ вліяніе. Имъ нравится его милый образъ, его простота, доступны его настроенія, роднятъ съ нимъ и дѣтскіе интересы. И „великій писатель земли русской“, отразившись въ своемъ произведеніи, затронетъ въ ребенкѣ теплыя чувства любви и привязанности.

Вотъ другой примѣръ — Илюша Обломовъ. Взрослому человѣку интересно прослѣдить, какъ вся „Обломовщина“ воспитала въ Илюшѣ мертваго человѣка. А дѣтямъ это не интересно. Они интересуются лишь самимъ мальчикомъ. И достаточно будетъ, если ученики перваго класса познакомятся съ Илюшей, каковъ онъ есть, безъ всесторонняго изученія, почему онъ такимъ сталъ. И дѣти узнаютъ, что это лѣнивый мальчикъ, что онъ живетъ безъ дѣла, не привыкъ трудиться, что ему скучно, что радостей въ его жизни нѣтъ.

Такъ пройдутъ передъ учениками всѣ остальныя дѣти. Въ привязанности воспитателя какъ къ своему воспитаннику (Кало) они увидятъ выраженіе любви близкаго человѣка. Мальчикъ изъ барскаго пансіона покажетъ имъ, что дѣтская любовь къ матери разорветъ всѣ преграды, созданныя искусственно самимъ же ребенкомъ, какъ напримѣръ въ данномъ случаѣ ложный стыдъ своего положенія. Сережа Аксаковъ обнаружитъ, что вмѣстѣ съ любовью къ матери у мальчика можетъ расти и благородное чувство гордости, когда онъ узнаетъ о высокихъ качествахъ ея ума и сердца. Ѳома Гордѣевъ познакомитъ съ угрюмой натурой мальчика и объяснитъ ея непонятныя стороны. Луневъ вдохнетъ бодрость въ человѣческія отношенія и заставитъ искать въ людяхъ прежде всего самого человѣка. Джуліо будетъ служить прекраснымъ примѣромъ самопожертвованія, Тёма—состраданія а Коля Красоткинъ—примѣромъ привязанности къ товарищу. Свѣча и Егоша внесутъ комическую нотку смѣха въ настроеніе дѣтей и тѣмъ дадутъ возможность нѣсколько смягчить нѣкоторыя мрачныя стороны другихъ разсказовъ. Хотя нужно сказать, что въ такихъ разсказахъ, гдѣ есть мрачныя черты, мы находимъ и противодѣйствіе мрачному настроенію. Такъ, въ жизни Николеньки мы наблюдаемъ сильное горе и непосредственную радость бытія, въ жизни Сережи—тоску и благородную гордость, смѣнившую первое настроеніе, и т. п. Этимъ мрачныя стороны разсказовъ уничтожаются. Тѣмъ не менѣе, разсказъ Гусева Оренбургскаго вноситъ въ занятія здоровый смѣхъ, искренюю веселость, а потому онъ пріобрѣтаетъ особое значеніе.

Теперь является вопросъ: въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ читать въ классѣ перечисленные разсказы и стихотворенія и въ какое отношеніе къ нимъ поставить другіе разсказы, помѣщенные въ иныхъ отдѣлахъ, но на которые были сдѣланы ссылки теперь. На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить

слѣдующимъ образомъ. Можно ли найти какія-либо опредѣленныя психологическія основанія для выработки такого строгаго плана въ кругу перечисленныхъ разсказовъ и стихотвореній? Можно ли утверждать, что тотъ или другой порядокъ этого матеріала будетъ удовлетворять дѣтскіе запросы на чтеніе въ данный моментъ? На эти вопросы положительныхъ отвѣтовъ дать нельзя. Этимъ и разрѣшается поставленный вопросъ о порядкѣ чтенія.

Если учитель замѣчаетъ въ дѣтяхъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, въ данное время интересъ къ опредѣленнымъ темамъ, онъ долженъ брать для своихъ занятій именно эти темы. Связать съ ними прочитанное ранѣе, для выработки міровоззрѣнія дѣтей, можно будетъ и непосредственно послѣ чтенія подходящаго матеріала, или въ отдѣльной бесѣдѣ, послѣ чтенія цѣлаго ряда статей. Не значитъ, конечно, что съ дѣтьми нужно прочитать сначала весь литературный матеріалъ, помѣщаемый въ отдѣлѣ дѣтскаго міра, за нимъ—матеріалъ слѣдующаго отдѣла и т. д. Въ зависимости отъ личныхъ склонностей, отъ индивидуальности класса, отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ школьной жизни и настроенія учениковъ, учитель долженъ брать для литературнаго чтенія именно тотъ матеріалъ, который въ данное время оказывается наиболѣе пригоднымъ. Учитель не можетъ ограничиваться даже и тѣмъ минимумомъ, какой составился въ его собственномъ перечнѣ. Идя на встрѣчу особому интересу учащихся къ тому или другому вопросу, учитель долженъ указать въ классѣ такой литературный матеріалъ, гдѣ ученики могли бы найти болѣе всестороннее и глубокое разъясненіе того же вопроса, будетъ ли это вопросъ бытовыхъ отношеній, или этическій. Желательно привлекать такой матеріалъ и для классныхъ занятій, путемъ ли непосредственнаго чтенія, путемъ ли бесѣды по поводу прочитаннаго.

Слѣдовательно, составляя программу литературнаго чте-

нія, достаточно лишь опредѣлить кругъ тѣхъ вопросовъ, которые желательно разсмотрѣть съ учащимися, и намѣтить тотъ литературный матеріалъ, воспитательное вліяніе котораго признатся полезнымъ. Необходимо ясно представлять себѣ задачи курса, хорошо знать весь матеріалъ, предназначенный для чтенія, понимать ту связь, которую можно установить въ обобщающихъ бесѣдахъ, и свободно пользоваться тѣмъ или другимъ сочиненіемъ, избирая его для чтенія въ тотъ или другой день классныхъ занятій. Необходимо, конечно, кромѣ обобщающихъ бесѣдъ, послѣ цѣлаго ряда литературныхъ разсказовъ, устанавливать ближайшую связь и между ближайшими по времени чтенія разсказами, но заранѣе точно устанавливать порядка тѣхъ и другихъ занятій нельзя. Точно также невозможно строго установить, когда именно слѣдуетъ прочитать съ учениками разсказы, которые входятъ въ составъ другихъ отдѣловъ, но ближайшимъ образомъ связаны съ этимъ. И здѣсь наибольшую цѣну пріобрѣтаетъ не время чтенія, а связь литературныхъ идей, вызывающая связь психологическихъ переживаній. Въ качествѣ основныхъ моментовъ, устанавливающихъ характеръ обобщающихъ бесѣдъ, можно было бы привести рядъ вопросовъ, изъ числа которыхъ слѣдуетъ брать тѣ или другіе, когда это потребуется по смыслу чтенія. Вотъ эти вопросы,

Укажите, кто изъ дѣтей, о которыхъ вы читали въ этомъ отдѣлѣ, происходилъ изъ среды помѣщиковъ? Кто изъ среды духовенства? Мелкихъ чиновниковъ? Купцовъ? Крестьянъ? Рабочихъ? Одинаковое ли воспитаніе получали помѣщичьи дѣти? Какая разница была въ дѣтской жизни Николеньки, Илюши Обломова и Сережи Аксакова? Кто изъ нихъ былъ счастливѣе? Почему? Одинаково-ли они учились? Кто изъ нихъ былъ лѣнивѣе? Кто дѣятельнѣе? Какую разницу вы замѣтили въ жизни богатыхъ и бѣдныхъ дѣтей? Разскажите объ этомъ и приведите примѣры? Кто изъ дѣтей росъ сиро-

тою? Укажите, чѣмъ тяжела была эта жизнь? Кто изъ дѣтей провелъ счастливое дѣтство? Въ чемъ было счастье? Кого вы назовете героемъ? У кого было чувство привязанности къ животному? Кто изъ дѣтей былъ мрачнымъ? Былъ ли онъ испорченнымъ мальчикомъ? Что хорошаго было въ жизни мальчика, занимавшагося тряпичнымъ промысломъ? Кто изъ дѣтей былъ друженъ съ другими? У кого чувство дружбы и состраданія усилилось болѣзнью товарища? Кто изъ дѣтей своими поступками вызвалъ у васъ больше всего смѣха? Кто изъ дѣтей учился и кто остался неученымъ? Чему и какъ учились разныя дѣти?

Человѣкъ и животныя.

Въ этотъ отдѣлъ можно включить слѣдующій литературный матеріалъ: воробей, стих. въ прозѣ Тургенева; по слѣдамъ оленя, разсказъ Сетонъ—Томпсона; мыши, стих. Брюсова; медвѣди, разсказъ Гаршина; волки, съ англійскаго; Бѣлолобый — Чехова; Изумрудъ — Куприна; Каштанка — Чехова; морское плаваніе—Тургенева; зимовье на Студеной—Мамина-Сибиряка.

Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ описываются животныя не сами по себѣ, а въ томъ или иномъ отношеніи къ человѣку. Но и сами по себѣ они представляютъ интересъ со стороны тѣхъ психологическихъ переживаній, которыя приписываются имъ авторомъ. Вслѣдствіе этого животное перестаетъ быть далекимъ и непонятнымъ. Наоборотъ, оно становится близкимъ и яснымъ въ своихъ душевныхъ движеніяхъ. И тогда животное пріобрѣтаетъ особое значеніе въ жизни человѣка и особенно въ жизни дѣтей. Оно становится другомъ, способнымъ вызвать лучшія чувства; оно воспитываетъ лучшія чувства и служитъ примѣромъ дружбы и самопожертвованія. Было бы ошибочно, однако, не отмѣтить и другой стороны въ этихъ отношеніяхъ, а именно, когда животное становится врагомъ человѣку. Но

отмѣчая эту черту, слѣдовало бы выяснить, когда и почему это бываетъ.

Примѣръ самопожертвованія можно найти въ стихотвореніи Тургенева. Старый черногрудый воробей съ отчаяніемъ бросился спасать птенчика, который, безпомощно растопыривъ едва проставшія крылышки, сидѣлъ неподвижно подъ пристальнымъ взглядомъ Трезора. Старый воробей кинулся выручать свое дѣтище, и собака признала эту силу, которая сбросила его съ вѣтки и поставила лицомъ къ лицу съ страшной опасностью.

Въ разсказѣ „По слѣдамъ оленя“ мы видимъ такое же могучее вліяніе духовной силы животнаго. Дѣйствующими лицами здѣсь являются олень и охотникъ. Послѣдній долго ходилъ по слѣдамъ оленя, охваченный страстью преслѣдованія и жаждою наслажденій побѣдителя. Но вотъ онъ настигъ измученное животное. А то посмотрѣло на него такимъ глубокимъ, внимательнымъ взглядомъ, что у человѣка не поднялась рука на убійство. Ему вспомнилось, какъ самъ онъ находился въ опасности, когда преслѣдовала его стая волковъ, какъ спасло его чувство самосохраненія. А убійство беззащитной лани, сдѣланное на его глазахъ другимъ охотникомъ, показалось ему дикимъ и безобразнымъ. И какъ будто несчастная лань сказала объ этомъ ему своими правдивыми глубокими глазами. Олень живетъ своей духовной жизнью. Онъ радуется, страдаетъ, спасается и защищается своеобразными пріемами спутыванія слѣдовъ. И во всемъ этомъ передъ нами живое существо, которое можно понять и которое можно любить.

Вы радуетесь жизни. Радуетесь и тому, что вмѣстѣ съ вашей жизнью течетъ и другая жизнь, понятная вамъ и доступная. Такое настроеніе отражено въ стихотвореніи Брюсова—мыши.

Но вы часто смотрите на животное съ утилитарной точки зрѣнія. Оно работаетъ на васъ, кормитъ. Значеніе

животнаго для человѣка въ этомъ отношеніи можно видѣть въ прекрасномъ разсказѣ Вс. Гаршина о медвѣдяхъ.

Несчастные цыгане сошлись съ четырехъ уѣздовъ, со всѣмъ своимъ скарбомъ, съ лошадьми, съ медвѣдями. Они должны были сами перебить своихъ кормильцевъ, такъ какъ истекалъ уже срокъ, когда требовалось прекратить промыселъ ручными медвѣдями. Вся исторія этого промысла и значеніе его для цыганъ отразились въ яркихъ словахъ стараго цыгана, обращенныхъ къ своему кормильцу въ послѣдніе минуты его жизни: „Убью я тебя сейчасъ, Потапъ Дай Боже, чтобы старая рука моя не дрожала, чтобы попала тебѣ пуля въ самое сердце. Не хочу я мучить тебя, не того ты заслужилъ, медвѣдь мой старый, товарищъ добрый. Взялъ я тебя маленькимъ медвѣженкомъ; глазъ у тебя былъ выколотъ, носъ отъ кольца гнилъ; болѣлъ ты и чахъ; я за тобой, какъ за сыномъ, ходилъ и жалѣлъ тебя, и выросъ ты большимъ и сильнымъ медвѣдемъ... И выросъ ты, и не забылъ добра моего: между людьми у меня друга такого, какъ ты, не было... Твоею работою всясемь я моя жила. Ты справилъ мнѣ двѣ тройки коней, ты мнѣ хату на зиму выстроилъ. Больше еще сдѣлалъ ты: сына моего отъ солдатчины избавилъ... И любилъ я тебя крѣпко и не билъ больно, а если виноватъ въ чемъ передъ тобою, прости меня, въ ноги тебѣ кланяюсь“.

И вотъ передъ глазами учащихся развернется еще одна сторона взаимоотношеній между человѣкомъ и животными. Само собою разумѣется, что дѣти сами могутъ привести массу примѣровъ, гдѣ видна была бы связь между человѣкомъ и домашними животными, имѣющими такое громадное значеніе въ жизни.

Но животное не всегда другъ человѣку. Эту сторону можно иллюстрировать разсказомъ „Волки“. Мальчикъ катался на конькахъ по зеркальной поверхности только что застывшей рѣки. Вдругъ стая голодныхъ волковъ

напала на него и настойчиво стала преслѣдовать. Мальчикъ дѣлалъ чудеса храбрости. Онъ носился, какъ бѣшеный; каждая жилка, каждый мускулъ были напряжены у него до послѣдней степени. Но кровожадные волки были уже за нимъ, такъ что даже забрызгали пѣною спину. Онъ слышалъ, какъ стучатъ ихъ зубы. И только неистовый лай цѣпныхъ собакъ, доносившійся изъ дома, спасъ его отъ ужасной смерти.

Вотъ передъ учениками психологія старой волчихи въ разсказѣ Чехова „Бѣлолобый". Волчиха пошла за ягнятами для своихъ волчатъ, но вмѣсто ягненка вытащила изъ зимовья щенка. Только на волѣ замѣтила она свою ошибку, но было поздно. Не смотря на сильный голодъ, волчиха не рѣшилась съѣсть невкусное мясо собаки и побѣжала въ свое логовище. Щенокъ довѣрчиво пошелъ за нею и наконецъ спокойно началъ играть съ волчатами, а потомъ, когда ему захотѣлось домой, побѣжалъ за волчихой по старому слѣду и возвратился въ зимовье.

Здѣсь передъ дѣтьми раскрываются заботы и интересы животнаго. А мирная игра щенка и волчатъ даетъ возможность побесѣдовать съ учениками о послѣдующей борьбѣ за существованіе.

Изумрудъ Куприна — художественная картинка, гдѣ описана психологія лошади. Молодое животное настолько жизнерадостно, что невольно заражаетъ этимъ настроеніемъ читателя и привлекаетъ къ себѣ его симпатіи.

Каштанка раскрываетъ передъ дѣтьми сложныя переживанія. Она тоскуетъ, затерявшись въ большомъ городѣ, и вспоминаетъ о своемъ житьѣ въ мастерской столяра-хозяина. Въ состояніи полной растерянности она попадаетъ къ клоуну, гдѣ видитъ много непонятнаго, но вскорѣ она стала участвовать въ его представленіяхъ, чѣмъ зарабатывали средства къ жизни и животное, и хозяинъ. Въ циркѣ Каштанка услышала знакомый голосъ прежняго своего хозяина-

мальчика; онъ напомнилъ ей хорошее прошлое. И Каштанка бросилась къ Ѳедюшѣ, покидая сытую жизнь у клоуна. Здѣсь мы видимъ теплую привязанность, которая въ жизни иногда имѣетъ большее значеніе, чѣмъ матеріальный расчетъ.

Стихотвореніе въ прозѣ Тургенева „Морское плаваніе“ рисуетъ родство настроеній человѣка и животнаго, чувствующихъ свое одиночество. Далекіе отъ родины, отъ близкихъ, и тотъ и другой чувствовали себя лучше въ близкомъ сосѣдствѣ и довѣрчиво протягивали другъ другу руки. „Всѣ мы дѣти одной матери“, замѣчаетъ Тургеневъ и тѣмъ самымъ вводитъ учащихся въ болѣе глубокое пониманіе жизни.

Дружба, привязанность и даже взаимная необходимость человѣка и животнаго описана Маминымъ-Сибирякомъ въ разсказѣ „Зимовье на Студеной“. У стараго охотника Елески, зимовавшаго на Студеной, была собака—Музгарка. Замѣчательно уже самое появленіе Музгарки въ жизни Елески. Собака выскочила изъ лѣсной чащи во время одной изъ охотъ старика и привела его къ умирающему своему хозяину—больному вогулу. Затѣмъ Музгарка сталъ жить съ Елескою. Онъ служилъ ему на охотѣ, подзывалъ волковъ, чтобы хозяинъ могъ избавиться отъ нихъ при помощи выстрѣла, спасъ отъ медвѣдя и былъ вѣрнымъ другомъ одинокому охотнику. Но вотъ Музгарка состарился, не могъ уже выполнять прежнихъ работъ, тяготился своимъ положеніемъ. А когда умеръ — старикъ почувствовалъ, что онъ лишился близкаго друга, котораго не могъ, конечно, замѣнить оставшійся у него въ хижинѣ пѣтушокъ. Измѣнилось и положеніе стараго охотника среди снѣговъ и пурги: безъ собаки ему грозила голодная смерть и дикіе звѣри. Такъ тѣсно связаны были эти двѣ жизни, что, естественно, за смертью Музгарки должна была послѣдовать и смерть старика.

Такимъ образомъ передъ учениками пройдетъ пѣлый рядъ картинъ, гдѣ животное живетъ понятной для дѣтей жизнью: радуется, горюетъ, любитъ, веселится, играетъ. Все это окажетъ на дѣтей глубокое воспитательное воздѣйствіе, будетъ способствовать развитію въ нихъ сердечности, лучшихъ душевныхъ движеній и болѣе широкаго взгляда на окружающій міръ.

Что касается до обобщающихъ выводовъ изъ всего этого матеріала, то онъ напрашивается самъ собою. Дѣтямъ придется перечислить всѣ случаи соприкосновенія человѣка съ животными и указать, когда животное другъ человѣку, чѣмъ обуславливается эта дружба, какъ она развивается, какое значеніе въ жизни человѣка она имѣетъ, какъ можетъ животное понимать человѣка, что именно ихъ сближаетъ; какіе примѣры самопожертвованія дѣти наблюдали въ этихъ разсказахъ и что именно роднитъ настроеніе людей и животныхъ.

Всѣ эти вопросы особенно близки дѣтямъ, потому что они живутъ съ животными бокъ о бокъ. И разъяснить имъ ихъ собственныя чувства можно и слѣдуетъ на психологіи животнаго.

Изъ міра сказокъ и легендъ.

Этотъ отдѣлъ тѣсно связанъ съ предыдущими по своему содержанію. Дѣйствительно, дѣти больше всего живутъ мечтой и грезой, а потому народная поэзія сказокъ и легендъ даетъ богатую пищу ихъ уму, чувству и воображенію. Само собой разумѣется, что соотвѣтствующій матеріалъ долженъ быть использованъ какъ изъ среды народной литературы, такъ и изъ числа народныхъ произведеній лучшихъ писателей. При этомъ желательно пользоваться сочиненіями не только русскихъ писателей, а и иностранныхъ, переведенныхъ на русскій языкъ.

Литературнымъ матеріаломъ для этого отдѣла могли бы

служить слѣдующія произведенія: Василиса Прекрасная — народная сказка, Горе горинское—тоже, Летучій корабль—тоже, Снѣгурочка—изъ комедіи Островскаго, Рейнеке Лисъ—изъ Гете, Гайавата — изъ Лонгфелло, изъ Майской ночи Гоголя — разсказъ про панночку, Бѣсы — стих. Пушкина, Зимній путь—стих. Полонскаго, Утопленникъ—стих. Пушкина, Лѣсной царь — стих. Жуковскаго, Гаданье и сонъ Татьяны—изъ Пушкина, Свѣтлана—изъ Жуковскаго.

Народная сказка про Василису Прекрасную представляетъ одну изъ многочисленныхъ варіацій основной мысли тѣхъ образцовъ народной поэзіи, гдѣ разсматриваются вопросы нравственности: добродѣтель торжествуетъ, а зло наказывается, при чемъ самое дѣйствіе отдѣльныхъ лицъ сказки развивается на фонѣ народныхъ воззрѣній на природу и человѣческія отношенія. Василиса Прекрасная была дочь купца. Послѣ смерти своей первой жены, купецъ женился на молодой вдовѣ, у которой были свои двѣ дочери. Мачеха съ дочками не взлюбила Василису за ея красоту; воспользовавшись отлучкой купца въ чужой городъ, отправили онѣ Василису къ бабѣ-ягѣ попросить огонька, такъ какъ злыя сестры нарочно погасили его во всемъ домѣ; а баба-яга пожирала людей. Но Василисѣ помогла куколка, которую оставила ей покойница мать въ благословеніе. Все сдѣлала за Василису куколка у бабы-яги, да и дѣвушка своей скромностью обезоружила злыя козни. Принесла Василиса домой огонь, а тотъ въ уголь сжегъ злую мачеху и ея дочерей. Перешла послѣ этого Василиса на житье къ одной бездомной старушкѣ, напряла тонкой пряжи, наткала тончайшаго полотна, да такого, что только царю носить. Захотѣлъ царь изъ этого полотна рубашки сшить, но и эту работу сдѣлать могла только одна Василиса Прекрасная. Женился царь на Василисѣ и стала та жить во дворцѣ. Скоро возвратился отецъ и тоже сталъ жить при дочери.

Въ сказкѣ даны чрезвычайно поэтическіе образы трехъ

всадниковъ: бѣлаго, краснаго и чернаго, символизирующіе въ народномъ представленіи ясный день, солнце красное и ночь темную.

Во второй народной сказкѣ, про Горе горинское, основная мысль та же самая, съ тѣмъ лишь различіемъ, что злоба и зависть развиваются не на почвѣ красоты, а на почвѣ удачи и счастья безталаннаго человѣка.

Жили два брата—богатый и бѣдный. Горько было жить бѣдному и всюду это онъ чувствовалъ: дома ли, на званомъ ли праздникѣ у брата богатаго. Однажды почувствовалъ онъ, что на спинѣ у него Горе сидитъ, и съ тѣхъ поръ всюду съ нимъ стало ходить: измотало въ конецъ, разорило, пьяницей сдѣлало. Только однажды схитрилъ бѣднякъ: позвалъ Горе съ собою за кладомъ итти. Разыскали кладъ, полѣзло Горе за нимъ въ ямищу темную и видитъ, что тамъ двадцать кубышекъ полнехоньки золотомъ. Стало Горе кубышки доставать, а мужикъ взялъ одну за пазуху, да и завалилъ Горе тяжелымъ камнемъ. Сталъ бѣдный съ тѣхъ поръ богатѣть. Узналъ о томъ братъ, позавидовалъ, и захотѣлъ взять себѣ остальное золото, а Горе выпустить на зло своему брату счастливому. Приподнялъ онъ камень надъ ямищей, а Горе выскочило и сѣло ему на спину, да съ нимъ и осталось всю жизнь.

Такъ кончается сказка и таковъ судъ народный надъ злобой и завистью.

Третья сказка — Летучій корабль — одна изъ многочисленныхъ варіацій о дурачкѣ Иванушкѣ. Какъ и въ другихъ сказкахъ, слово дурачекъ въ приложеніи къ народному любимцу всюду легко замѣняется другимъ: простоватый, а послѣднее въ свою очередь противопоставляется коварству и хитрости. Иванъ дуракъ—совсѣмъ не глупый человѣкъ. Правда, въ немъ не видно блестокъ ума, какъ не видно и глупости; но въ сказкахъ эта сторона и не находитъ своего отраженія. Вмѣсто нея выдвигаются нравственные

элементы, и въ этой области глупость Ивана означаетъ простоту, искренность, доброе сердце. Глупо это лишь съ точки зрѣнія житейской практики; но дуракамъ счастье—говоритъ народная пословица, и въ сказкахъ счастье всегда на сторонѣ Ивана дурачка; оно само къ нему валится, какъ награда за доброе сердце и искренность. Въ этомъ непосредственная философія народной жизни, та полоса, которую Глѣбъ Успенскій видитъ въ Божеской правдѣ, олицетворяемой народной интеллигенціей.

Эта правда противополагается другой — зоологической, которая въ сказкѣ соотвѣтствуетъ коварству и хитрости. Вотъ почему особое значеніе пріобрѣтаютъ народныя сказки для воспитанія. Ими пріобщается молодое поколѣніе къ философскому пониманію жизни роднымъ народомъ, ими развивается любовь къ правдѣ и ненависть къ кривдѣ.

Сказка про Ивана дурачка лишь наиболѣе яркая варіація основной мысли всѣхъ народныхъ сказокъ, что можно наблюдать на разобранныхъ образцахъ народной поэзіи.

Итакъ, въ сказкѣ Летучій корабль разсказывается про дурня, который всегда былъ въ загонѣ у бабы, своей матери, и у двухъ разумныхъ ея сыновей. Прослышалъ дурень, что отъ царя пришла бумага: „кто состроитъ такой корабль, чтобы могъ летать, за того выдамъ замужъ дочь-царевну“. Пошелъ дурень счастья искать и повстрѣчалъ старика; понравился ему дурень своей простотой,— и разсказалъ ему старикъ, какъ летучій корабль достать; велѣлъ летѣть, куда надобно, да посовѣтовалъ дорогой забирать съ собой всякаго встрѣчнаго.

Повстрѣчалъ дурень перваго человѣка, который на дорогѣ ухомъ къ сырой землѣ припалъ и слушалъ, что на томъ свѣтѣ дѣлается; второго—который на одной ногѣ скакалъ, а другая къ уху привязана, чтобы за одинъ шагъ полсвѣта не перешагнуть; третьяго—который за сто верстъ изъ ружья птицу могъ застрѣлить; четвертаго—объѣдалу,

которому цѣлаго вороха хлѣба на одинъ кусъ не хватаетъ; пятаго—опивалу, которому на одинъ глотокъ цѣлаго озера было мало; шестого—съ вязанкой дровъ, которые можно было обратить въ цѣлое войско, и седьмого—съ кулемъ соломы, которая можетъ во всякую жару заморозить.

Всѣхъ ихъ захватилъ дурень съ собою и прилетѣлъ къ царю. А царь, увидѣвъ, что на кораблѣ все мужичье прилетѣло, захотѣлъ какъ нибудь отъ дурня отдѣлаться и задалъ ему цѣлый рядъ трудныхъ задачъ: достать цѣлющей и живущей воды; съѣсть съ товарищами за одинъ разъ двѣнадцать быковъ жареныхъ, да двѣнадцать кулей печенаго хлѣба; выпить сорокъ бочекъ вина по сорокъ ведеръ въ каждой; вымыться въ раскаленной до красна желѣзной банѣ; выставить цѣлое войско солдатъ. Все сдѣлали за дурня товарищи. Женился послѣ этого дурень на царской дочери и сталъ разумнымъ, да догадливымъ.

Сказка проникнута здоровымъ смѣхомъ и тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ особое воспитательное значеніе, какъ возбудитель бодраго, жизнерадостнаго настроенія.

Снѣгурочка Островскаго принадлежитъ къ числу произведеній, которыя лишь пользуются содержаніемъ народныхъ сказокъ и другихъ образцовъ народной поэзіи, но литературная переработка ихъ принадлежитъ самому писателю. Въ отрывкахъ этой комедіи мы найдемъ народныя воззрѣнія на появленіе весны, описаніе праздниковъ, которыми встрѣчаютъ ее, и сравнительную характеристику природы весной и зимою. Все это развертывается на фонѣ отношенія весны къ дѣду морозу и дочери ихъ—Снѣгурочкѣ.

Первымъ весеннимъ праздникомъ является масленица, и народъ съ нею прощается на торжественныхъ проводахъ; уже появляются первые вѣстники красной весны, которая идетъ съ горъ потоками; весну кличутъ Ладушкой, а мокрохвостку масленицу гонятъ прочь со двора. Уходитъ масленица, но говоритъ, что ее нужно будетъ снова ждать, когда

минуетъ лѣто красное, сгорятъ огни купальные..., морозъ пройдетъ, метель нашлетъ..., изъ лужицы, изъ наледи напьется кочетъ съ курами...

Весна появляется во всемъ своемъ величіи, хотя лѣса еще стоятъ безмолвными, подъ снѣгами опущены густыя лапы елей, какъ старыя нахмуренныя брови... Ее окружаютъ птицы, которыя дрожатъ отъ холода; весна предлагаетъ имъ пѣть и плясать, чтобы согрѣть свои озябшіе мускулы. Недолго однако остается страдать бѣдняжкамъ. Весна прощается съ морозомъ, который доволенъ зимнимъ временемъ, своею удалью и шутками, а потому безъ сожалѣнія уходитъ на утренней зарѣ къ сибирскимъ тундрамъ.

Эта сказка дышетъ простотой и ясностью, а символизація явленій природы отличается своей доступностью. Имѣя по преимуществу художественное значеніе, но отражая и народныя вѣрованія, въ которыхъ природа являлась живымъ существомъ, Снѣгурочка можетъ служить цѣлямъ и эстетическаго, и умственнаго развитія.

Отрывки изъ Руслана и Людмилы разсказываютъ про пиръ у князя Владимира, о похищеніи Людмилы Черноморомъ, про жизнь ея въ замкѣ, о путешествіи Руслана, о сраженіи его съ головою на полѣ старой битвы, про битву съ Черноморомъ, коварство Фарлафа, возвращеніе Руслана къ жизни и благополучное прибытіе въ Кіевъ.

Сказка эта полна тѣми народными представленіями о нравственныхъ качествахъ людей, которые мы наблюдали раньше. Здѣсь видимъ и благородство Руслана, неустрашимость его и героизмъ, и коварство Черномора. Добрые и злые волшебники принимаютъ участіе въ поединкѣ добра и зла, но первое сильнѣе второго, а потому окончательное торжество на его сторонѣ. Поэтическія красоты, языкъ Пушкина и занимательная фабула дѣлаютъ эту сказку интереснѣйшимъ матеріаломъ для чтенія, а этого уже было бы и достаточно, чтобы остановиться на ней подробнѣе, но сказка

и своимъ содержаніемъ оказываетъ на учащихся воспитательное воздѣйствіе, развивая у нихъ чувство правдивости, отваги и геропзма.

Отрывокъ изъ Рейнеке-Лиса рисуетъ другую сторону отношеній. Здѣсь мы встрѣчаемъ наивысшую степень коварства, которое даже остается побѣдителемъ надъ справедливостью. Было бы неправильно внушить дѣтямъ мысль, что добродѣтель торжествуетъ надъ зломъ всегда, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Это и само по себѣ невѣрно. Жизнь такова, что коварство и злоба нерѣдко остаются побѣдителями. И конечное торжество добродѣтели можно наблюдать лишь на общемъ фонѣ человѣческой жизни. Поэтому Рейнеке-Лисъ явится прекраснымъ дополненіемъ къ разсмотрѣнному уже матеріалу и даетъ возможность побесѣдовать съ учениками о мѣстѣ того и другого момента въ жизни людей.

Рейнеке-Лисъ страшный преступникъ. Онъ укралъ колбасу у собачки Трусика; изуродовалъ косого зайца, желая полакомиться его мясомъ, зарѣзалъ птенцовъ и молодокъ пѣтуха Курогона; подвелъ медвѣдя Брауна и Гинце-кота, которые взялись доставить Лисана царскій судъ,—подъ удары людей. Всѣ свои преступленія Лисъ совершалъ подъ видомъ скромности и даже благочестія, обманывалъ довѣрчивыя жертвы и укрывался въ крѣпкомъ своемъ замкѣ. Не смотря на вопіющія преступленія, Лисъ отсиживался у себя дома и только послѣ рѣшительныхъ настояній предсталъ предъ царскимъ судомъ; ему покровительствовали вліятельныя лица, которыя даже рѣшились покинуть своего повелителя, если Лиса приговорятъ къ смертной казни. Но хитрый Лисъ сумѣлъ въ своемъ предсмертномъ словѣ вновь завладѣть царскимъ вниманіемъ и получить свободу, обѣщая показать своему повелителю богатые клады.

Пѣснь о Гайаватѣ, въ переводѣ стихами Бунина, даетъ яркую картину этого народнаго дѣятеля и пѣвца Чайбайо-

баса. Гайавата любилъ Чайбайобаса, съ восхищеніемъ слушалъ его пѣсни, „ибо пѣлъ онъ о свободѣ, красотѣ, любви и мірѣ, пѣлъ о смерти, о загробной, безконечной, долгой жизни; воспѣвалъ страну Понима и селенія блаженныхъ. Дорогъ сердцу Гайаваты кроткій, милый Чайбайобасъ, музыкантъ, пѣвецъ великій, несравненный, небывалый. Онъ любилъ его за нѣжность и за чары звучныхъ пѣсенъ“.

Настроенный идеалистически, желая быть полезнымъ своему народу, Гайавата рѣшилъ построить пирогу, чтобы путь держать на ней—куда хотѣлось; „мысль ему весломъ служила, а рулемъ служила воля“. Строитъ Гайавата эту пирогу изъ коры березы, которая сама отдаетъ ему свой бѣлый плащъ; кедръ далъ ему для рамы крѣпкихъ сучьевъ, лиственница—волокнистыхъ корней для связокъ, ель—тягучей смолы для смазки, ежъ — колючихъ иглъ для украшеній. „Такъ построилъ онъ пирогу надъ рѣкой, среди долины, въ глубинѣ лѣсовъ дремучихъ, и вся жизнь лѣсовъ была въ ней, всѣ ихъ тайны, всѣ ихъ чары“.

Затѣмъ Гайавата рѣшается изобрѣсти письмена для своего народа, такъ какъ „въ жизни все забвенье поглощаетъ. Блекнутъ славныя преданья, блекнутъ подвиги героевъ; гибнутъ знанья и искусства мудрыхъ мидовъ и вэбиновъ; гибнутъ дивныя видѣнья, грезы вѣщихъ джосакидовъ. Память о великихъ людяхъ умираетъ вмѣстѣ съ нами; мудрость нашихъ дней исчезнетъ, не достигнетъ до потомства“.

Этотъ великій работникъ, могучій Гайавата, напоминаетъ тѣхъ богатырей нашего народа, которые ставили себѣ задачей жить на пользу общества въ сферѣ мирнаго труда. Сближаясь съ ними, Гайавата выдѣляется поэтической душею, полетомъ мысли и смѣлостью своихъ рѣшеній. Принадлежа къ числу положительныхъ типовъ, Гайавата показываетъ юношеству путь личнаго совершенствованія и культурной работы на пользу людей. Это идеалистъ, но не

безпочвенный мечтатель. Это сынъ своего народа, чутко понимающій его потребности.

Разсказъ о панночкѣ изъ Майской ночи Гоголя уноситъ читателя въ фантастическій міръ народныхъ вѣрованій, полныхъ мечты и поэзіи. Вотъ задумчивая Галя, вотъ нечастная панночка, утопившаяся вслѣдствіе притѣсненій мачехи; вотъ русалка-мачеха, сохраняющая и въ водномъ царствѣ черты коварства и злобы.

Бѣсы, стихотвореніе Пушкина, и Зимній путь, стихотвореніе Полонскаго, рисуютъ дѣтямъ зарожденіе фантастическихъ воззрѣній на природу подъ вліяніемъ снѣжныхъ тучъ и вьюги, и развитіе этой фантазіи вслѣдствіе стеченія разныхъ другихъ обстоятельствъ.

Утопленникъ Пушкина, Лѣсной царь Жуковскаго, Гаданье и сонъ Татьяны, Гаданье Свѣтланы — все это матеріалъ для изученія символовъ окружающей природы, какъ она отражается въ поэзіи народнаго творчества, откуда заимствовано основное настроеніе писателя, и какъ вмѣстѣ съ этими символами связываются народомъ вопросы этики.

Такимъ образомъ, разсмотрѣнный отдѣлъ даетъ матеріалъ для изученія народной фантазіи и непосредственнаго вліянія ея на сердце и мысль читателей. Дѣти познакомятся съ идеалами человѣческихъ отношеній, поскольку они отразились въ народныхъ сказкахъ и литературной ихъ обработкѣ, увидятъ конечное торжество правды, искренности и красоты; познакомятся съ символизаціей природы, поскольку она отразилась въ народной поэзіи, и тѣмъ самымъ сблизятся съ духовнымъміромъ родного народа и даже всего человѣчества.

Въ качествѣ повторительныхъ занятій можно было бы предложить дѣтямъ слѣдующіе вопросы. Въ какихъ сказкахъ добродѣтель торжествуетъ надъ злобой? Гдѣ обратно? Какихъ сказокъ больше? Почему? Въ какой сказкѣ и какъ наказана зависть, коварство, корыстолюбіе? Въ какой торжествуетъ простота и искренность? Какъ понимать, что въ

народныхъ сказкахъ Иванъ дуракъ всегда становится счастливымъ, во всемъ ему удача? Кто именно за простоту и доброе сердце называетъ человѣка Иваномъ—дуракомъ? Перечислите сказки литературныя, съ народнымъ содержаніемъ? Какая основная мысль этихъ сказокъ? Въ какихъ сказкахъ и стихотвореніяхъ описывается природа? Какими символами изображаетъ народъ непонятную для себя жизнь природы? Какія суевѣрія въ этомъ отдѣлѣ описаны? Какъ произошли народныя суевѣрія?

Человѣкъ и природа.

I.

Въ предыдущемъ отдѣлѣ мы остановились, между прочимъ, и на тѣхъ явленіяхъ фантастическаго міра, которыя созданы человѣкомъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ природой. Еще болѣе необходимо остановиться на явленіяхъ реальнаго міра, отражающихся въ сознаніи и настроеніи человѣка во время его наибольшей близости къ окружающей природѣ, и тѣмъ самымъ способствовать наиболѣе глубокому пониманію міра.

Человѣкъ живетъ впечатлѣніями утра, полдня, вечера, ночи. Поэтому естественно обратить дѣтское вниманіе на тѣ переживанія, которыя связаны именно съ этимъ чередованіемъ времени. Вотъ наступаетъ бодрящее утро, когда просыпается вся природа, яркое солнце трепещетъ по листамъ своимъ горячимъ свѣтомъ и пробуждается лѣсъ, полный весенней жажды. Это бодрящее настроеніе сообщается людямъ, которые начинаютъ свою работу: „рыбаки въ шалашѣ пробудилися, сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ“... „ѣдетъ пахать съ сохой, ѣдетъ — пѣсню поетъ; по плечу молодцу все тяжелое“... И хочется слиться въ радостномъ настроеніи съ жизнью природы, начинающей

жить дѣятельной жизнью вслѣдъ за яркими лучами солнца, которое хлынуло золотыми потоками на поля, на луга, на макушки ракитъ.

Стихотворенія: Фета—Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ разсказать, что солнце встало... Никитина—Звѣзды меркнутъ и гаснутъ, въ огнѣ облака... Брюсова—Ночнымъ дождемъ повалена вся въ серебрѣ трава...—эти стихотворенія введутъ учениковъ въ бодрящее настроеніе весенняго утра. А такое настроеніе люди чаще всего переживаютъ именно въ то время, когда природа живетъ созидающей жизнью, и творящее начало ея передается настроенію человѣка, въ душѣ котораго просыпаются желанія, готовыя слиться съ міровымъ процессомъ.

Необходимо обратить вниманіе дѣтей на эти творческія силы человѣческой души, наростающія въ человѣкѣ подъ вліяніемъ пробужденія природы къ общемировому труду. Главной задачей изученія названныхъ уже стихотвореній явится, однако, не философская сторона жизни, а непосредственное воспріятіе образовъ, отражающихъ въ себѣ эту сторону, т. е. сторона человѣческаго быта, жизни природы, и изученіе душевныхъ переживаній можетъ лишь постольку имѣть мѣсто въ первыхъ двухъ классахъ общеобразовательной школы, поскольку это непосредственно связано съ воспріятіемъ наиболѣе яркихъ поэтическихъ образовъ, поскольку такія переживанія ясны сами собой, какъ напримѣръ: радость жизни, бодрость утра...

Пусть дѣти замѣчаютъ особенности природы и связанныхъ съ нею наиболѣе яркихъ чувствованій въ разное время дня. По условіямъ литературнаго матеріала такія наблюденія приходится пріурочивать обыкновенно къ весеннему или лѣтнему времени, а не къ осени или или зимѣ, такъ какъ наибольшее различіе между разными частями сутокъ, наиболѣе красочныя черты тѣхъ и другихъ можно наблюдать именно весною и лѣтомъ, вслѣдствіе чего и литература

отражаетъ смѣну дневныхъ впечатлѣній больше всего на фонѣ весны или лѣта. Но для изученія всѣхъ сторонъ жизни тутъ еще нѣтъ бѣды. Если человѣкъ научится распознавать разницу душевныхъ переживаній на фонѣ хотя бы лишь одного времени года,—онъ вообще разовьетъ въ себѣ душевную чуткость и въ состояніи будетъ разобраться въ своихъ переживаніяхъ и впечатлѣніяхъ, когда бы они ни возникли. Къ тому же, на другихъ стихотвореніяхъ, рисующихъ отличительныя черты временъ года и разныхъ частей природы, ученикъ получитъ возможность развернуть свои способности въ наблюденіи жизни, по преимуществу ея художественной стороны.

Вообще весь отдѣлъ „Человѣкъ и природа“, кромѣ основного своего значенія изученія жизни, вмѣстѣ съ отдѣломъ „Искусство“, способны больше всего вліять на эстетическое развитіе. Если мы беремъ художественный матеріалъ, рисующій природу, то естественно ожидать въ немъ отраженіе красоты и величія, потому что именно красота и величіе природы способны возбудить въ человѣкѣ поэтическое настроеніе, которое отражается въ литературѣ художественными картинами и образами.

Красоту мы находимъ и въ описаніи Тургеневымъ лѣтняго полдня, когда „сладкій запахъ цвѣтовъ съ каждымъ дыханіемъ втѣсняется въ самую глубь груди, и грудь имъ охотно дышетъ“.

Но больше всего стиховъ найдемъ для описанія утра и вечера, такъ какъ именно утро и вечеръ даютъ наибольшую красочность по сравненію съ переживаніями дня. И если утро возбуждаетъ энергію, творческія силы души, то вечеръ вызываетъ въ человѣкѣ желаніе покоя. Но это не покой смерти, это лишь наиболѣе сильное углубленіе въ себя, нѣкоторая мечтательность, нѣкоторая удовлетворенность. „Яснѣе видитъ умъ, свободнѣй грудь трепещетъ, и сердце полное сомнѣнья гонитъ прочь“... Объ этомъ пишетъ

Апухтинъ въ своемъ стихотвореніи: „Окно отворено“. Фету кажется въ его стихотвореніи: „Я долго стоялъ неподвижно, въ далекія звѣзды вглядясь“.., что между тѣми звѣздами и человѣкомъ какая то связь родилась. Шевченко любуется въ своемъ стихотвореніи „Вечеръ“, какъ жуки надъ вишнями гудятъ, плугъ съ нивы пахари тащатъ, и распѣваючи, дѣвчаты домой на вечерю спѣшатъ.

Если вечеръ вызываетъ у всѣхъ чувство удовлетворенности и покоя, то ночь способна поразить своимъ царственнымъ величіемъ и вызвать въ человѣкѣ мечтательность. Это отражено у Плещева: „Ночь пролетала надъ міромъ, сны на людей навѣвая; съ темно-лазуревой ризы сыпались звѣзды, сверкая“... Это отражено у Тургенева въ описаніи сада въ лунную ночь: „неподвижно лежалъ передо мною небольшой садъ, весь озаренный и какъ бы успокоенный серебристыми лучами луны... Все дремало. Воздухъ, весь теплый, весь пахучій, даже не колыхался; онъ только изрѣдка дрожалъ, какъ дрожитъ вода, возмущенная паденіемъ вѣтки... Какая то жажда чувствовалась въ немъ, какое то млѣніе“... Тоже видимъ и у Гоголя въ описаніи майской ночи: „Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее. Съ середины неба глядитъ мѣсяцъ. Необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышетъ онъ... Божественная ночь! очаровательная ночь!“ Въ стихотвореніи Бальмонта видимъ силу ночной стихіи: „И закатъ померкнулъ. Тучи почернѣли. Дрогнули, смутились пасмурныя ели“... А стихотвореніе К. Р. проникнуто мечтою, которая вызвана весенней ночью: „Растворилъ я окно,—стало грустно не въ мочь,— опустился предъ нимъ на колѣни. И въ лицо мнѣ пахнула весенняя ночь благовоннымъ дыханьемъ сирени. А вдали гдѣ то чудно такъ пѣлъ соловей; я внималъ

ему съ грустной улыбкой и съ тоскою о родинѣ вспомнилъ своей, объ отчизнѣ я вспомнилъ далекой"...

Что касается до порядка чтенія всѣхъ этихъ стиховъ, то не слѣдовало бы дѣлать обязательности въ томъ или другомъ ихъ чередованіи. Каждое изъ этихъ стихотвореній можетъ быть прочитано и независимо отъ связи съ прочими, но въ концѣ-концовъ крайне желательно прочитать ихъ всѣ въ одинъ урокъ, чтобы можно было побесѣдовать съ учениками на тему о смѣнѣ человѣческихъ настроеній подъ вліяніемъ отличительныхъ особенностей дня и ночи. Раннее утро, мы видѣли, вызываетъ бодрость и энергію, вечеръ мечту, а ночь поселяетъ покой и охватываетъ человѣка своимъ величіемъ.

II.

Мы только что наблюдали смѣну настроеній въ различныя времена сутокъ. Теперь посмотримъ, въ какомъ отношеніи находится человѣкъ къ природѣ въ разное время года. Наибольшую яркость красокъ мы находили въ описаніи утра, вечера и ночи. По отношенію къ временамъ года тоже самое можно наблюдать въ веснѣ, осени и зимѣ. Лѣто, какъ и полдень, меньше всего возбуждаетъ творческія силы и потому наибольшее количество литературныхъ образовъ совпадаетъ съ наивысшей степенью красочности природы.

Весна сообщаетъ человѣку радостное настроеніе самымъ фактомъ своего существованія, на чемъ бы человѣкъ ни остановилъ свое вниманіе: „это утро, радость эта, эта мощь и дня и свѣта, этотъ синій сводъ, этотъ крикъ и вереницы, эти стаи, эти птицы, этотъ говоръ водъ... эти зори безъ затменья, этотъ вздохъ ночной селенья... это все весна". Такъ изображаетъ весеннюю картину Афанасій Фетъ.

Въ „Гайаватѣ" Лонгфелло весна символизируется въ образѣ прекраснаго юноши: „на щекахъ его румянецъ раз-

ливался алой краской, очи кроткія сіяли, какъ весенней ночью звѣзды, а чело его вѣнчала изъ пахучихъ травъ гирлянда. Улыбаясь и улыбкой все, какъ солнцемъ, озаряя, онъ вошелъ въ вигвамъ съ цвѣтами, и цвѣты его дышали нѣжнымъ, сладкимъ ароматомъ". Этому жизнерадостному юношѣ противопоставляется сидящій въ вигвамѣ одинокій, грустный старецъ. „Волоса его лежали на плечахъ сугробомъ снѣга, плащъ его изъ бѣлой кожи, вобивайонъ, былъ въ лохмотьяхъ. И говоритъ старецъ юношѣ: „Стоитъ мнѣ своимъ дыханьемъ только разъ на землю дунуть, остановятся всѣ рѣки, вся вода окаменѣетъ!"—„Стоитъ мнѣ тряхнуть кудрями", молвилъ гость съ улыбкой кроткой: „благодатный теплый ливень ороситъ поля и долы, воскреситъ цвѣты и травы, на озера и болота возвратятся гусь и цапля, съ юга ласточка примчится, запоютъ лѣсныя птицы, и куда бы ни пошелъ я—міръ колышется цвѣтами, лѣсъ звучитъ веселымъ пѣньемъ, отъ листвы темнѣютъ чащи"!

Такъ прелестна и могуча весна. Она всюду шествуетъ побѣдоносно и несетъ съ собою радость и счастье, будетъ ли то поле, лугъ, деревня, городъ. Какъ ни старались люди изуродовать ту землю, на которой они жались, говоритъ Л. Толстой о веснѣ въ городѣ, какъ ни счищали всякую пробивающуюся травку,—весна была весною даже и въ городѣ. Солнце грѣло; трава, оживая, росла и зеленѣла вездѣ, гдѣ только не соскребли ее.

Наступленіе весны восторженно встрѣчаетъ все живущее. Поэтому Бальмонту непонятно унылое журчаніе ручейка, которое какъ будто бы не гармонируетъ съ начинающимся пробужденіемъ природы. „Что ты плачешь, печальный прозрачный ручей? Пусть ты скованъ цѣпями суровой зимы,—скоро вспыхнетъ весна, запоешь ты звончѣй на зарѣ, подъ покровомъ нѣмой полутьмы".

Тургеневу нравится садъ, который нѣжно зеленѣетъ первой красой весенняго расцвѣтанія. Аксаковъ вспоми-

наетъ свои дѣтскіе годы, когда впечатлѣнія отъ наступающей весны были особенно сильны. „Съ утра до вечера бѣгалъ я изъ комнаты въ комнату, становясь на свои наблюдательныя сторожевыя мѣста .. Евсеичъ видѣлъ нырковъ и кряковыхъ утокъ, опустившихся на прудъ, видѣлъ дикихъ голубей по гумнамъ, дроздовъ и пиголицъ около родниковъ... Сколько волненій, сколько шумной радости!.. Мало-по-малу привыкъ я къ наступившей веснѣ и къ ея разнообразнымъ явленіямъ, всегда новымъ, потрясающимъ и восхитительнымъ; говорю: привыкъ въ томъ смыслѣ, что уже не приходилъ отъ нихъ въ изступленіе.... А сколько было мнѣ дѣла, сколько заботъ! Каждый день надо было раза два побывать въ рощѣ и освѣдомиться, какъ сидятъ на яйцахъ грачи; надо было послушать ихъ докучныхъ криковъ; надо было посмотрѣть, какъ развертываются листья на сиреняхъ, и какъ выпускаютъ онѣ сизыя кисти будущихъ цвѣтовъ... Вообще я не умѣю сказать, было ли мнѣ тогда весело? Знаю только, что воспоминаніе объ этомъ времени во всю мою жизнь разливало тихую радость въ душѣ моей“.

Всѣ эти картины открываютъ дѣтямъ возможность вновь пережить тѣ радости, которыя они испытывали весною въ своей жизни, а также помогаютъ замѣтить свое самочувствіе, и тѣмъ самымъ дѣлаютъ душевныя переживанія сильнѣе и привлекательнѣй.

Лѣто вызываетъ удовлетворенность и покой, какъ то отражено, напримѣръ, хотя бы въ „Нивѣ“ Майкова: „О, Божья благодать!.. о, какъ прилечь отрадно въ тѣни высокой ржи“!..

Упоительнымъ и роскошнымъ рисуется Гоголю лѣтній день въ Малороссіи. „Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой неизмѣримый воздушный океанъ, куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувшій въ нѣгѣ“.

Не то осень. Тутъ человѣкъ какъ будто бы спѣшитъ насладиться тѣми немногими радостями, которыми можетъ подарить еще природа. „Есть въ осени первоначальной короткая, но дивная пора: весь день стоитъ какъ бы хрустальный, и лучезарны вечера“. Такъ рисуется это время у Тютчева. Но „осень проносится сказкой волшебною, лѣту минувшему пѣснью хвалебною, сказочно-яркой мечтой“. Такъ пишетъ Бѣляевская.

Пушкинъ отмѣчаетъ другой моментъ. „Ужъ небо осенью дышало, ужъ рѣже солнышко блистало, короче становился день. Лѣсовъ таинственная сѣнь съ печальнымъ шумомъ обнажалась. Ложился на поля туманъ“... Это скучная пора. Не могутъ скрасить ея тѣ мимолетныя радости, которыя отмѣчены Тютчевымъ, тѣмъ болѣе, что осенью „въ багрецъ и золото одѣтые лѣса“ все же говорятъ о смерти, хотя и пышной, торжественной.

Въ курсѣ литературнаго чтенія моменты осени, кромѣ самостоятельнаго значенія, играютъ роль контраста для усиленія картины весны, чтобы еще сильнѣе подчеркнуть ея жизнерадостность. Всѣ чувства познаются путемъ сравненія. Поэтому и въ курсѣ литературнаго чтенія методъ контраста долженъ имѣть свое мѣсто. Кромѣ того, сопоставленіе весны и осени на урокахъ литературы еще и потому необходимо, чтобы смѣнить подавленное чувство жизнерадостнымъ, такъ какъ дѣтей не слѣдуетъ оставлять долго подъ вліяніемъ тяжелыхъ переживаній, хотя бы то были переживанія и связанныя съ природой.

Зима сообщаетъ иныя настроенія человѣку. Впрочемъ и ея настроенія различны. Первый снѣгъ даетъ возможность Брюсову сравнить зимнее время съ волшебной сказкой: „Серебро, огни и блестки, — цѣлый міръ изъ серебра! Въ жемчугахъ горятъ березки, черно-голыя вчера. Это область чей то грезы, это — призраки и сны! Всѣ предметы старой прозы волшебствомъ озарены“!

Некрасовъ рисуетъ морозъ-воеводу тѣмъ сказочнымъ богатыремъ могучимъ, который обходитъ владѣнья свои. „Идетъ, по деревьямъ шагаетъ, трещитъ по замерзлой водѣ... Забравшись на сосну большую, по вѣточкамъ палицей бьетъ, и самъ про себя удалую, хвастливую пѣсню поетъ“.

Бальмонту нравится „свѣтло-пушистая снѣжинка бѣлая, какая чистая, какая смѣлая“!

Мечъ описываетъ сѣверное сіяніе: „Вся вселенная была, кажется, объята огнемъ. Широкая дуга изъ самыхъ блестящихъ цвѣтовъ опоясывала небо отъ востока до запада, словно гигантская радуга съ длинной бахромой изъ красныхъ и желтыхъ лучей, то и дѣло взлетавшихъ отъ ея выпуклаго края къ зениту“. Путники, какъ очарованные, любовались необыкновеннымъ сѣвернымъ сіяніемъ и молча глядѣли на невиданное зрѣлище. Затѣмъ большая красная волна залила все небо потокомъ свѣта, окрашивая снѣгъ розовымъ отраженіемъ, пурпуръ снова исчезъ, и блестящая волна яркаго оранжеваго цвѣта облила зрителей своимъ свѣтомъ, какъ будто масса воздуха воспламенилась въ одно мгновеніе. И человѣкъ невольно притаилъ дыханіе, ждалъ раската грома, который, казалось, неминуемо долженъ былъ послѣдовать за этой внезапной вспышкой свѣта“.

Описаніе Меча даетъ величественную картину сѣвернаго сіянія. Эта картина способна вызвать у читателей хотя нѣкоторое представленіе о красотѣ величайшаго изъ явленій природы и тѣмъ самымъ можетъ содѣйствовать, помимо реальныхъ задачъ, развитію художественнаго чувства.

Чрезвычайно эффектную картину постепеннаго замерзанія большой рѣки даетъ Короленко въ разсказѣ „Морозъ“. „По мѣрѣ того, какъ мы медленно и съ задержками подвигались далѣе къ югу,—зима все крѣпла. Цѣлые затоны стояли уже покрытые пленкой темнаго дѣвственно-чистаго льда, и камень, брошенный съ берега, долго катился, скользя по гладкой поверхности и вызывая странный, все повыша-

вшійся переливчатый звонъ, отражаемый эхомъ горныхъ ущелій. Далѣе ледъ, плотно схвативъ уже края рѣки и окрѣпшіе забереги, противился быстрому теченію. Морозъ все продолжалъ свои завоеванія, забереги расширялись и каждый шагъ въ этой борьбѣ отличался чертой изломанныхъ льдинокъ, показывавшихъ, гдѣ еще недавно было живое теченіе, отступившее опять на сажень-другую къ срединѣ".

Но для того, чтобы получить представленіе о прелести этой картины, надобно прочитать цѣлую главу изъ этого великолѣпнаго разсказа, гдѣ мы найдемъ перлы поэзіи. Однако разсказъ помимо красоты природы вводитъ читателя и въ красоту отношеній между людьми и даже между животными.

Въ то время, когда рѣка была покрыта льдинами и бѣлой ледяной кашей, путники увидѣли среди этихъ ледяныхъ массъ какой то черный предметъ. Оказалось, что это горныя козы. Ихъ изящныя фигурки виднѣлись среди настоящаго ледяного ада: вокругъ нихъ льдины бились, сталкивались, вертѣлись и крошились, а нѣжныя животныя, насторожившись, стояли на большой сравнительно льдинѣ, подобравъ въ одно мѣсто свои тоненькія ножки... На мгновеніе два жалкихъ темныхъ пятнышка совсѣмъ было исчезли въ этомъ хаосѣ, но затѣмъ путники тотчасъ же замѣтили ихъ на другой льдинѣ. Опять собравъ свои тонкія, дрожащія ножки, козы стояли на другой ледяной площадкѣ, готовыя къ новому прыжку. Это повторялось нѣсколько разъ и каждый прыжокъ съ расчитанной неуклонностью приближалъ ихъ къ берегу.

Когда льдина, на которой онѣ стояли, тихо кружась, подошла къ берегу и раздался сухой трескъ, хаосъ обломковъ, которые вдругъ поднялись кверху и поползли на обледенѣлые края мыса,—два черныя тѣла легко, какъ брошенный камень, метнулись на берегъ. Но на другой сторонѣ косы была темная полоса воды, а проходъ загораживала куча

людей. Однако умное животное не задумалось ни на минуту. Глаза его глядѣли съ какимъ то страннымъ довѣріемъ, и затѣмъ она понеслась сама, и направила младшую, прямо на зрителей. Станочная собака, большой и мохнатый Полканъ, сконфуженно посторонилась, когда старшая коза, загораживая младшую, пробѣжала мимо нея, почти коснувшись бокомъ ея мохнатой шерсти.

Такъ несчастье сближаетъ настроенія и вызываетъ героическіе поступки, а передъ ними можно только преклониться и любоваться смѣлостью и отвагой. Въ такія минуты у однихъ рождается довѣріе, а у другихъ—его признаніе. Такія минуты надолго останутся въ памяти у читателей, и все это будетъ содѣйствовать развитію героизма и красоты человѣческихъ отношеній.

А вотъ и другой эпизодъ изъ того же разсказа. Короленко разсказываетъ, какъ онъ ѣхалъ по сибирской тайгѣ со своимъ товарищемъ. Морозъ былъ настолько силенъ, что вся природа какъ будто застыла, умерла подъ своимъ холоднымъ, но поразительно роскошнымъ нарядомъ. Путники почти совершенно застыли. Дорога шла лѣсомъ. Вдругъ въ глаза ихъ попало неожиданное впечатлѣніе. Невдалекѣ отъ дороги вился тонкій дымокъ. На пнѣ сидѣлъ человѣкъ. Зрѣлище это промелькнуло мимо неподвижнаго взгляда, хотя въ послѣднее время путешественникамъ и показалось, что фигура шевельнулась и что это имѣетъ какое то къ нимъ отношеніе. Ямщикъ повернулся и началъ что то говорить, но для сѣдоковъ это были только разрозненные звуки, точно звенѣли льдинки. И уже въ станочной избѣ путники выяснили, что они дали замерзнуть человѣку и не спасли его отъ неминуемой смерти. „Совѣсть замерзла“, какъ выражается писатель, подъ вліяніемъ страшнаго сибирскаго холода.

Разсказъ оканчивается „пробужденіемъ совѣсти“, вслѣдствіе чего одинъ изъ путешественниковъ, человѣкъ нерв-

ный и болѣзненно впечатлительный, отправился разыскивать погибавшаго незнакомца, не смотря на такую пургу, что привычные ямщики отказались поѣхать съ нимъ вмѣстѣ.

Другой разсказъ (Короленко, Послѣдній лучъ, рисуетъ печальную и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательную картину, какъ выросшій въ сибирской тайгѣ мальчикъ вмѣстѣ со своимъ дѣдомъ прощались съ послѣднимъ лучемъ солнца, которое долгіе мѣсяцы уже не будетъ показываться на ямщицкомъ станкѣ, расположенномъ въ тѣснинахъ Лены. Когда передъ глазами мальчика мелькнулъ послѣдній солнечный лучъ, они засверкали, губы улыбались, на блѣдно-мертвыхъ щекахъ, казалось, проступилъ румянецъ. А внизу уже сгущался туманъ, склоны горъ задернулись мутной, одноцвѣтной дымкой; разсѣянный свѣтъ просачивался изъ за горъ, холодный и непривѣтливый.

Такимъ образомъ, на указанномъ литературномъ матеріалѣ, можно прослѣдить, какъ отражается на настроеніи человѣка весна, лѣто, осень и зима; сами собой бросаются въ глаза отличительные признаки временъ года, а все это, вмѣстѣ взятое, воспитываетъ у учащихся сознательное отношеніе къ себѣ и къ природѣ.

Указанный матеріалъ отличается художественными качествами, вслѣдствіе чего онъ будетъ вліять на развитіе въ дѣтяхъ чувства прекраснаго.

III.

Человѣкъ соединяетъ свои настроенія не только съ разными частями дня и временами года, а и непосредственно съ природой, будетъ ли то лѣсъ, степь, рѣка и море, гроза и туча, горы, пустыня.

Природа дѣйствуетъ на человѣка примиряющимъ образомъ. Это можно наблюдать хотя бы въ стихотвореніи

Лермонтова „Когда волнуется желтѣющая нива...“ Тоже самое можно наблюдать и въ стихотвореніи Никитина: „Въ лѣсу“: „Привѣтъ тебѣ, знакомецъ мой кудрявый! Прими меня подъ сѣнь твоихъ дубовъ...“ Любуясь красотами лѣса „вечернею порой“, когда онъ „молніей мгновенно освѣщался и вдругъ— на голосъ тучи громовой разгульнымъ свистомъ оглашался“, вспоминая „мракъ и музыку рѣчей, и птицъ веселый свистъ и пѣнье“, авторъ въ концѣ концовъ восклицаетъ: „Богъ вѣсть, что будетъ впереди! Теперь, полубольной, я вновь подъ сѣнь твою, лѣсъ сумрачный, вступаю и слушаю привѣтный голосъ твой, тебѣ мою печаль, какъ другу, повѣряю“.

Тургеневъ разсказываетъ, какъ хорошъ лѣсъ поздней осенью, когда прилетаютъ вальдшнепы. Хороши также и лѣтніе туманные дни: какъ тихо, какъ невыразимо тихо все кругомъ! Вы проходите мимо дерева — оно не шелохнется, оно нѣжится.

У Некрасова находимъ поэтическую картинку лѣсной рубки: „Плакала Саша, какъ лѣсъ вырубали, ей и теперь его жалко до слезъ. Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ. Тамъ изъ за старой, нахмуренной ели красныя гроздья калины глядѣли, тамъ поднимался дубокъ молодой. Птицы царили въ вершинѣ лѣсной, по низу всякіе звѣри таились. Вдругъ мужики съ топорами явились,—лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ“.

Печерскій разсказываетъ, какъ народная фантазія населяетъ лѣсъ нечистой силой. Вотъ, напримѣръ, описаніе чарусы. „Изумрудная чаруса, съ ея красивыми, благоухающими цвѣтами, съ ея сочной свѣжей зеленью—тонкій травяной коверъ, раскинутый по поверхности бездоннаго озера. По этому ковру даже легконогій заяцъ не скачетъ, тоненькій, быстрый на бѣгу горностай не пробѣжитъ. У лѣсниковъ чаруса слываетъ мѣстомъ нечистымъ, заколдованнымъ. Они разсказываютъ, что на тѣхъ чарусахъ по ночамъ бѣсовы огни

горятъ, ровно свѣчи теплятся. А ину пору видаютъ среди чарусы болотницу, коль не родную сестру, такъ близкую сродницу всей этой окаянной нечисти: русалкамъ, водяницамъ и берегинямъ. Наконецъ тамъ можно встрѣтить и самого владыку чарусы—болотника.

Такимъ рисуется лѣсъ, загадочный и страшный, въ народной фантазіи. Если мы сопоставимъ этотъ разсказъ съ „Бѣжиномъ лугомъ“ Тургенева, „Майской ночью“ Гоголя и проч., то получимъ большой матеріалъ для бесѣды на тему о народныхъ суевѣріяхъ.

А вотъ другое отношеніе къ лѣсу крестьянскаго мальчика. Въ стихотвореніи „Лѣсникъ и его внукъ“ Никитинъ разсказываетъ, какъ восторженное чувство маленькаго художника поселило въ немъ любовь къ музыкальному лѣсу, гдѣ раздавалась свирѣль пастуха и далеко соловьиная пѣснь разливалась—и все замолкало, словно и лѣсъ ее слушалъ, и синее небо и звѣзды.

Кольцовъ сравниваетъ могущество лѣса съ богатыремъ Бовой, котораго не осилили сильные, но подрѣзала осень слабая.

Полонскій даетъ художественную картинку молодого дубка, который разсказываетъ тревожной осинкѣ, какіе сны видитъ онъ въ минуты забвенья.

Тургеневъ рисуетъ осину, когда она можетъ произвести пріятное впечатлѣніе.

Рукавишниковъ смотритъ, какъ старыя сосны качаются, и любуется музыкальностью ихъ движеній, а Лермонтовъ тоскуетъ вмѣстѣ съ сосною и пальмой, которыя прекрасны въ своемъ одиночествѣ.

Такимъ образомъ, литературный матеріалъ даетъ много разнообразныхъ настроеній, которыя создаются красотой, музыкальностью, величіемъ лѣса и его таинственностью.

IV.

Степь производитъ другое впечатлѣніе. Нѣтъ въ ней того веселья и разнообразія жизни, какую встрѣчаемъ въ лѣсной опушкѣ. Чеховъ разсказываетъ про эту широкую, безконечную равнину, какъ про однообразную полосу жизни. И не нарушаетъ этого однообразія ни веселый крикъ старичовъ, ни голоса сусликовъ, ни плачъ чибисовъ, а кузнечики, сверчки, скрипачи и медвѣдки какъ бы дополняютъ его своей скрипучею, монотонною музыкой. Всюду одно и тоже—небо, равнина... Да иногда во все это ворвется тихая, кипучая и заунывная пѣсня, похожая на плачъ и едва уловимая слухомъ. И кажется, что это поетъ трава; въ своей пѣснѣ она, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждаетъ кого то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну; что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, если бы не зной и не засуха; вины нѣтъ, но она всетаки проситъ у кого то прощенія и клянется, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя. Такъ думалъ Егорушка, наблюдавшій степь во время одной изъ своихъ поѣздокъ. Такъ думаетъ и читатель подъ вліяніемъ художественной картинки Чехова.

Другое настроеніе сообщаетъ Никитинъ въ своемъ стихотвореніи: „Полно, степь моя, спать непробудно: зимы матушки царство прошло“. Степь наряжается здѣсь, какъ невѣста, въ цвѣты, любуется наступающей весною, собираетъ пернатыхъ гостей, а потомъ, когда пройдетъ лѣто и наступитъ осень,—отдохнетъ она вновь подъ туманомъ, беззаботно и крѣпко уснетъ.

Сопоставленіе того и другого сочиненія дастъ возможность ученикамъ сдѣлать краткое описаніе степи во всѣ времена года.

V.

Ручеекъ, стих. Бальмонта, оживляетъ унылую картину степи и возбуждаетъ въ учащихся жизнерадостность, несмотря на то, что въ немъ нѣтъ ни грандіозности, ни силы: „Не широкъ ты, ручеекъ, не глубокъ ты,—ну такъ чтожъ! Всѣмъ свой разумъ, всѣмъ—свой срокъ. Ты прекрасенъ былъ, чѣмъ могъ. Ручеекъ, ручеекъ, ты бѣжишь и ты поешь.“

Болѣе сильное впечатлѣніе получается отъ описанія Гоголя — Днѣпръ: какъ онъ вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои; какъ прибрежные лѣса толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся; какъ Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу; какъ ходятъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ.

Эта картина дополняется другою, когда Гоголь глядитъ съ середины Днѣпра на высокія горы. На нихъ стоятъ высокіе лѣса; но тѣ лѣса—не лѣса: то волосы, поросшіе на косматой головѣ лѣсного дѣда...

И то и другое описаніе Гоголя слишкомъ фантастично, но согрѣто неподдѣльнымъ чувствомъ писателя. Именно это то чувство и есть тотъ художественный и педагогическій плюсъ, который позволяетъ безъ всякаго опасенія читать съ дѣтьми оба отрывка. Человѣкъ находится подъ впечатлѣніемъ дивныхъ описаній большого художника и и на самомъ дѣлѣ ему кажется, что Богъ величаво сотрясаетъ ризу; на самомъ дѣлѣ становятся живыми въ его представленіи и Днѣпръ, и прибрежные лѣса, и горы.

У Шевченко къ могучей силѣ Днѣпра присоединяется болѣзненный стонъ: „Реветъ и стонетъ Днѣпръ широкій. Сердитый вѣтеръ вербы гнетъ и гребни волнъ горой высокой взметаетъ вверхъ и вдаль несетъ.

Лермонтовъ въ „Дарахъ Терека“ рисуетъ, какъ „по степи разбѣгаясь, онъ лукавый принялъ видъ и, привѣтливо ласкаясь, къ морю Каспію журчитъ: разступись, о старецъ—море, дай пріютъ моей волнѣ!“ И старецъ море послѣ убѣдительныхъ просьбъ Терека „взыгралъ, веселья полный, и въ объятія свои набѣгающія волны принялъ съ ропотомъ любви“.

Еще болѣе сильное впечатлѣніе своей жизнью, живой жизнью, производитъ море. Пушкинъ прощается съ нимъ, какъ со своимъ другомъ: „какъ друга ропотъ заунывный, какъ зовъ его въ прощальный часъ, твой грустный шумъ твой шумъ призывный услышалъ я въ послѣдній разъ“ Бальмонтъ рисуетъ морскую бурю и сѣрую чайку, которая, „съ печальными криками носится надъ холодной пучиной морской. И откуда примчалась? Зачѣмъ? Почему ея жалобы такъ полны безграничной тоской!“

Горькій беретъ тотъ же моментъ, когда море живетъ своей широкой жизнью, полной мощнаго движенія. Стаи волнъ съ шумомъ катились на берегъ и разбивались о песокъ, а онъ слабо шипѣлъ, впитывая воду... Ни одной капли не пропадало безслѣдно въ этомъ титаническомъ движеніи водяной массы, которая, казалось, воодушевлена какой-то сознательной цѣлью и вотъ достигаетъ ее этими широкими ритмичными ударами“.

Рукавишниковъ чувствуетъ море, „какъ не взятый руками просторъ“, „какъ никѣмъ не стѣсненный порывъ“.

Въ другомъ отрывкѣ Горькаго море смѣется. „Подъ легкимъ дуновеніемъ вѣтра оно вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, ослѣпительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебристыхъ улыбокъ... Вѣтеръ ласково гладилъ мощную, атласную грудь моря; солнце грѣло ее своими горячими лучами, и море, дремотно вздыхая подъ нѣжной силой этихъ ласкъ, насыщало

жаркій воздухъ соленымъ ароматомъ своихъ испареній... Море смѣялось“...

Жуковскій очарованъ моремъ въ другой моментъ его жизни и стремится открыть его другія тайны. „Безмолвное море, лазурное море, стою очарованъ надъ бездной твоей“... „Безмолвное море, лазурное море, открой мнѣ глубокую тайну твою: что движетъ твое необъятное лоно? чѣмъ дышитъ твоя напряженная грудь?“

„Какъ хорошо ты, о море ночное“!—говоритъ Тютчевъ въ своемъ стихотвореніи: „Въ этомъ волненіи, въ этомъ сіяніи, вдругъ онѣмѣвъ, я потерянъ стою, и какъ охотно бы въ ихъ обаяніи всю потопилъ бы я душу свою“.

Ардовъ отмѣчаетъ другую черту: „Было небо такъ сине, чарующе—сине, съ облаками въ немъ чайки играли, бѣлѣя крылами... но синѣе небесъ было небо надъ ними,—въ немъ тонули, глядясь, небеса съ облаками“.

И что бы мы ни взяли въ описаніи моря — постоянно откроемъ въ немъ новыя и новыя стороны, которыя привлекаютъ къ себѣ человѣка, притягиваютъ. И хочется смѣяться съ нимъ, какъ это своеобразно сказано у Горькаго, хочется плакать и рыдать, какъ это дѣлаетъ чайка, въ стихотвореніи Бальмонта. Въ безмолвномъ очарованіи лазурнаго моря—у Жуковскаго—невольно считаешь его своимъ другомъ, когда слышишь заунывный ропотъ и шумъ призывный въ послѣдній часъ—у Пушкина. Море можно почувствовать, можно полюбить. И частицу этой любви въ состояніи передать своимъ читателямъ названные поэты.

Бальзакъ разсказываетъ про одного мальчика, въ душѣ котораго прекрасно и сильно проявилась любовь къ безграничному, глубокому, нѣмому морю. Маленькій Максъ потерялъ свою нѣжно любимую мать, единственнаго своего друга, и былъ одинокъ въ переживаніи этого тяжелаго горя. Прижавшись къ скалѣ, онъ неподвижно просиживалъ часы на морскомъ берегу, не замѣчая перемѣнъ погоды, не проли-

вая слезъ. И море сдѣлалось въ глазахъ Макса живымъ существомъ, мыслящимъ и чувствующимъ. Въ постоянномъ лицезрѣніи его безграничности, его красокъ, отличныхъ отъ красотъ земли, Максъ видѣлъ въ немъ тайну и искалъ на нее отвѣта. Въ дни полнѣйшаго затишья оно для Макса постоянно видоизмѣнялось, подобно выраженію лица дорогого человѣка: оно улыбалось, задумывалось, опечаливалось. Максъ жилъ его роскошною жизнью; онъ чувствовалъ живую бурю въ душѣ своей, когда оно стонало и ревѣло. Онъ радостно бѣгалъ и прыгалъ за грамадами волнъ и восхищался тысячами кружевныхъ узоровъ, которые онѣ, разбиваясь, оставляли на скалахъ. Онъ чувствовалъ себя безумно отважнымъ и непобѣдимымъ, какъ океанъ. Море указало ему ту связь, которая существуетъ между человѣкомъ и высшими силами. Молясь, онъ чувствовалъ Бога и поднимался до пониманія его, а спускаясь на землю, онъ радовался ея красотамъ.

VI.

Такую же связь съ настроеніемъ человѣка имѣютъ гроза и туча.

„Отвори, мой другъ, окошко и не бойся: стороной туча грозная промчалась, насъ пугавшая съ тобой. Но, я вижу, ты за нею робкимъ взоромъ все слѣдишь; и грозу—тебѣ сдается—предвѣщаетъ эта тишь“. Стихотвореніе Плещеева.

Горькій описываетъ степную грозу, когда трава, сгибаемая ударами вѣтра и дождя, ложилась на землю, и шуршала блѣднымъ звукомъ. И все дрожало, волновалось. Молніи, слѣпя глаза, рвали тучи... И человѣку захотѣлось принять участіе во всемъ этомъ: „Я запѣлъ,—громко, во всю силу. Ревѣлъ громъ, блистали молніи, шуршала трава, а я пѣлъ и чувствовалъ себя въ полномъ родствѣ со всѣми звуками“...

У Толстого въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“ гроза не вызы-

ваетъ такихъ настроеній. Наоборотъ, Николенькѣ жутко. Тревожныя чувства тоски и страха увеличивались въ немъ вмѣстѣ съ усиленіемъ грозы. И когда изъ подъ моста появилось, въ одной грязной дырявой рубахѣ, какое то человѣческое существо, съ опухшимъ, безсмысленнымъ лицомъ, и какою-то красной, глянцовитой культяпкой вмѣсто руки, чувство холоднаго ужаса охватило душу Николеньки. А когда гроза кончилась, мрачныя картины исчезли, Николенька испыталъ невыразимо-отрадное чувство надежды, быстро замѣнившее въ немъ чувство страха. Душа его улыбалась также, какъ освѣженная, повеселѣвшая природа.

Пушкину хочется, что бы послѣдняя туча разсѣянной бури, скорѣе сокрылась, такъ какъ только одна она вноситъ диссонансъ въ освѣженную землю. Лермонтову кажется, что тучки небесныя—вѣчные странники: нѣтъ у нихъ родины, нѣтъ имъ изгнанія.

VII.

Горы также способны облегчить, увлечь, поразить и воспитать человѣка. Поэтъ успокаивается въ надеждѣ отдохновенія отъ созерцанія горныхъ вершинъ, которыя спятъ во тьмѣ ночной.

Горы поражаютъ Оленина въ „Казакахъ“ Л. Н. Толстого, и о чемъ бы ни думалъ онъ, мысль его кончается словами: „а горы“...

Пышными горами Грузіи восхищается М. Ю. Лермонтовъ, когда описываетъ полетъ Демона. Онъ же плачетъ вмѣстѣ съ одинокимъ утесомъ, на которомъ ночевала тучка золотая.

Горы воспитали въ людяхъ героическіе характеры, которые наблюдаемъ въ „Героѣ нашего времени“: Бэла, Азаматъ и Казбичъ.

И нигдѣ такъ свободно не чувствуетъ себя человѣкъ, какъ на вершинахъ высокихъ горъ. Не даромъ горный

пастухъ В. Гюго съ гордостью восклицаетъ: „Мнѣ горы—родина и домъ. Гроза-ль кругомъ, гремитъ ли громъ, шипитъ-ли молнія змѣей,—не заглушить имъ голосъ мой. Я сынъ свободныхъ горъ"!

VIII.

Пустыня имѣетъ своеобразную прелесть на фонѣ тоски, нищеты и однообразія. У Бальмонта, напримѣръ, „образъ безмолвной Пустыни, царицы земной красоты, войдя, не выходитъ изъ сердца, навѣкъ отравляетъ мечты". Въ молчаньѣ песковъ безпредѣльныхъ онъ слышитъ невѣдомый шумъ, какъ будто въ дали неоглядной встаетъ и крутится самумъ.

Сенкевичъ описываетъ пустыню словами: „Песокъ и небо—въ этихъ двухъ словахъ выражается вся пустыня; но душа ея не выражается. Трудно ее изобразить, такъ же, какъ трудно бываетъ отдать себѣ отчетъ въ первомъ впечатлѣніи. Но спустя нѣкоторое время, хорошо чувствуется, что между пескомъ и небомъ есть что-то такое третье, что составляетъ всю суть. Это „что-то"—неслыханная мертвенность, такая страшная, какой до сихъ поръ нельзя было и представить себѣ". Тишина пустыни—оцѣпенѣніе. И только своеобразный бытъ Сахары вызываетъ въ васъ библейскія воспоминанія.

Вотъ два противоположныхъ настроенія, но если всмотрѣться поближе, то замѣтимъ между ними психологическій мостикъ: Бальмонтъ видитъ царственность пустыни именно въ ея тишинѣ и оцѣпенѣніи. И пустыня вызываетъ въ немъ не столько любовь, сколько религіозное преклоненіе.

Религіозное чувство отражено и въ стихотвореніи Лермонтова: „Три пальмы", гдѣ наказана гордость и отражено восточное преклоненіе предъ неизбѣжностью доли, какъ бы печальна она ни была.

Но пустынность, а не пустыня, можетъ дѣйствительно быть источникомъ лучшихъ душевныхъ переживаній, какъ это мы наблюдаемъ, напримѣръ, въ „Дорогѣ“ Гоголя: „Боже, какъ ты хороша подчасъ далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала. А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній“!..

Такимъ образомъ мы видѣли, какъ много даетъ человѣку общеніе съ природой. Не даромъ про одного изъ великихъ людей сказано: „Съ природой одною онъ жизнью дышалъ; ручья разумѣлъ лепетанье и говоръ древесныхъ листовъ понималъ и чувствовалъ травъ прозябанье; была ему звѣздная книга ясна, и съ нимъ говорила морская волна“.

Человѣкъ можетъ найти въ природѣ откликъ на всѣ свои чувства; онъ можетъ вмѣстѣ съ нею радоваться и горевать, смѣяться и плакать, любоваться ея красотой и чувствовать ея могущество. Природа вліяетъ на складъ его мысли, на духовный міръ, на воспитаніе воли.

Каково же педагогическое значеніе этого фактора и насколько необходимо вызывать въ дѣтяхъ литературными сочиненіями душевныя переживанія, которыя можетъ возбудить природа!

Чтобы закончить настоящій отдѣлъ, остается привести послѣдовательный списокъ литературныхъ произведеній, разсмотрѣнныхъ выше, сообразно отмѣченнымъ подраздѣленіямъ.

I.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ, А. Фета. Утро, И. Никитина. Утро, В. Брюсова. Лѣтній полдень, И. Тургенева. Вечеръ, А. Апухтина. Звѣзды, А. Фета. Вечеръ, Т. Шевченко. Растворилъ я окно, К. Р. Вѣтеръ, К. Бальмонта. Садъ въ лунную ночь, И. Тургенева. Украинская ночь, Н. Гоголя. Ночь, А. Плещеева.

II.

Весна, А. Фета. Изъ „Пѣсни о Гайаватѣ", Лонгфелло: Весна. Весна въ городѣ, Л. Толстого. Ручей, К. Бальмонта. Садъ весною, И. Тургенева. Весна, Allegro. Первая весна въ деревнѣ, С. Аксакова. Нива, А. Майкова. Лѣтній день въ Малороссіи, Н. Гоголя. Осень, Ѳ. Тютчева. Червонная осень, О. Бѣляевской. Осень, А. Пушкина. Первый снѣгъ, В. Брюсова. Воевода—морозъ, Н. Некрасова. Снѣжинка, К. Бальмонта. Ночь въ снѣжной пустынѣ, С. Меча. Морозъ, В. Короленко. Послѣдній лучъ, В. Короленко.

III.

Въ лѣсу, И. Никитина. Лѣсъ, И. Тургенева. Рубка лѣса, Н. Некрасова. Чаруса, А. Печерскаго. Лѣсникъ и его внукъ, И. Никитина. Дубокъ, Я. Полонскаго. Осина, И. Тургенева. Сосны качаются, И. Рукавишникова. Сосна, М. Лермонтова.

IV.

Степь, Ан. Чехова. Степь, И. Никитина.

V.

Ручеекъ, К. Бальмонта. Днѣпръ, Н. Гоголя. Днѣпръ, Н. Гоголя. Днѣпръ, Т. Шевченко. Дары Терека, М. Лермонтова. Къ морю, А. Пушкина. Чайка, К. Бальмонта. Море,

М. Горькаго. У окна, И. Рукавишникова. Море, М. Горькаго, Море, В. Жуковскаго. Ночное море, Ѳ. Тютчева. Море и небо, Т. Ардова. Мальчикъ у моря, изъ Бальзака.

VI.

Тучи, А. Плещеева. Гроза, М. Горькаго. Тучки, М. Лермонтова. Гроза, Л. Толстого. Туча, А. Пушкина.

VII.

Горныя вершины (изъ Гёте), М. Лермонтова. Горы, Л. Толстого. Кавказъ, изъ „Демона“ Лермонтова. Утесъ, М. Лермонтова. Изъ „Белы“, М. Лермонтова. Кавказъ, А. Пушкина. Обвалъ, А. Пушкина. Горный пастухъ, В. Гюго.

VIII.

Пустыня, К. Бальмонта. Пустыня, Г. Сенкевича. Три пальмы, М. Лермонтова. Дорога, Н. Гоголя.

Искусство.

Въ предыдущемъ отдѣлѣ отражена природа при помощи изящной литературы, т. е. при помощи искусства. Слѣдовательно, между искусствомъ и жизнью имѣется, напримѣръ, таже связь, какъ между прибрежнымъ лѣсомъ и отраженіемъ его зеркальной поверхностью моря. Искусство передаетъ намъ тѣ настроенія, краски, формы, мотивы..., которые имѣются въ жизни, но передаетъ въ кристаллахъ поэзіи, создавая иногда своеобразныя соединенія элементовъ, разбросанныхъ въ жизни, и являя передъ глазами зрителей художественное сочетаніе красокъ, мысли, звуковъ формы... Все это проходитъ черезъ душу и мысль поэта. Поэтому съ дѣтьми прежде всего слѣдуетъ остановиться на выясненіи духовнаго міра художника, именно на той сторонѣ,

которая непосредственно рисуетъ поэта. Матеріаломъ могутъ служить стихотворенія Пушкина, Лермонтова, Шевчено, Рукавишникова, Шота Руставели.

Пушкинъ говоритъ, что поэтъ подобенъ эху, которое рождаетъ на всякій звукъ свой откликъ въ воздухѣ пустомъ. Эху нѣтъ отзыва. Таковъ и поэтъ. Его удѣлъ отражать жизнь, безстрашно, непроизвольно, не отдѣляя добра отъ зла, но кристаллизуя и то, и другое въ ясныя формы.

Въ моменты своего тверчества поэтъ становится особеннымъ человѣкомъ. „Душа поэта встрепенется, какъ пробудившійся орелъ. Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра, людской чуждается молвы, къ ногамъ народнаго кумира не клонитъ гордой головы; бѣжитъ онъ, дикій и суровый, и звуковъ и смятенья полнъ, на берега пустынныхъ волнъ, въ широкошумныя дубравы". А между тѣмъ „пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ, въ заботахъ суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ, молчитъ его святая лира, душа вкушаетъ хладный сонъ, и межъ дѣтей ничтожныхъ міра быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ".

Итакъ, въ моменты творчества поэтъ преобразуется въ жреца искусства, который выполняетъ особую миссію. И какъ бы въ объясненіе этого Пушкинъ рисуетъ библейскій образъ пророка, который получилъ свой таинственный даръ въ жизненной пустынѣ, не удовлетворяясь ея интересами и томясь духовной жаждой. Его миссія особой важности—видѣть, внимать и жечь глаголомъ сердца людей.

Возможное отношеніе къ пророку людей наблюдаемъ въ стихотвореніи Лермонтова „Пророкъ": „Провозглашать я сталъ любви и правды чистыя ученія: въ меня всѣ ближніе мои бросали бѣшено каменья". Только тварь земная покорна провозвѣстнику добра и истины, да звѣзды слушаютъ его, лучами радостно играя.

Это стихотвореніе даетъ матеріалъ для бесѣды, всегда

ли и всѣ ли люди такъ относились къ пророкамъ, и почему возможно подобное отношеніе. Съ другой стороны, чрезвычайно интересно отмѣтить, почему, не смотря на вражду, пророкъ не оставляетъ своей проповѣди. Параллельно съ этимъ слѣдуетъ перейти къ выясненію, имѣются ли какія либо побудительныя причины къ творчеству поэта. Матеріаломъ можетъ служить стихотвореніе Шевченко: „Не для васъ, я, люди братья, пѣсни вольныя пою; не для славы выливаю въ пѣсняхъ душу я свою. Для себя пою; душою съ пѣсней оживаю, легче гнетъ неволи тяжкой я переживаю". Рукавишниковъ говоритъ: „Я живу для того, чтобы съ тихой тоской разсказать все, что въ душу мнѣ жизнь заронила".

Вотъ психологія поэта. У него нѣтъ цѣли, кромѣ самой поэзіи, нѣтъ побудительныхъ причинъ, кромѣ самой жизни. Отраженіе жизни, ея настроеній и красокъ—вотъ задача поэта. Поэтъ, какъ говоритъ Шота Руставели, чуждъ и злобы и вражды. „Онъ могучъ и онъ незлобенъ, онъ поэтъ родной всѣхъ странъ, онъ излить на міръ способенъ музыкальный океанъ".

Это настроеніе радости и блаженства отъ способности воспріять и почувствовать красоту жизни отражено А. Толстымъ въ „Іоаннѣ Дамаскинѣ": „Благословляю васъ, поля, долины, нивы, горы, долы, благословляю я свободу и голубыя небеса!.." „О еслибъ могъ всю жизнь смѣшать я, всю душу вмѣстѣ съ вами слить, о еслибъ могъ въ мои объятья я васъ, враги, друзья и братья, и всю природу заключить!"

А вотъ картинка вліянія музыки. Когда Бетховенъ заигралъ однажды свою сонату, слушатели его—молодой человѣкъ и дѣвушка, не зная, кто сидитъ передъ ними, поняли, что это Бетховенъ. Они бросились къ нему и припали къ его рукамъ, покрывая ихъ поцѣлуями и слезами. А старый инструментъ сталъ издавать звуки нѣжные и торжественные, которые поднимались и наполняли комнату, какъ

лунный свѣтъ наполнялъ дремавшую природу. За ними послѣдовали звуки быстрые и радостные, полные жизни и веселья,—точно пляска эльфовъ на заколдованномъ волшебномъ лугу. Молодые люди были объяты безсознательнымъ порывомъ, полнымъ страннаго непонятнаго ужаса.

Или вотъ другая картинка въ романѣ Тургенева „Дворянское гнѣздо“—музыка Лемма. Лаврецкому „вдругъ почудилось, что въ воздухѣ, надъ его головою, родились какіе то дивные торжествующіе звуки; онъ остановился: звуки загремѣли еще великолѣпнѣй; пѣвучимъ сильнымъ потокомъ струились они,—и въ нихъ, казалось, говорило и пѣло все его счастье“. Такъ игралъ Леммъ.

Или пѣсня Алеши Поповича—изъ А. Толстого: „Звуки льются, звуки таютъ... То не вѣтеръ ли во ржи? Не крылами ль задѣваютъ мѣдный колоколъ стражи?“

А у Кольцова другая картинка: „Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни гармонической вольной; по душѣ волшебной ходятъ и проходятъ съ быстротой. Полечу я вслѣдъ за ними, погружуся въ нихъ душой, въ очарованномъ забвеньѣ позабуду міръ земной!“

Словомъ, музыка можетъ передать и радость, и горе, журчаніе ручья и ропотъ потока.

Сила вдохновенія изображена Тургеневымъ въ разсказѣ „Пѣвцы“. Тамъ мы видимъ состязаніе двухъ лицъ: талантливаго поэта и искуснаго техника; одинъ своимъ пѣніемъ хватаетъ за душу слушателей, глубоко затрагиваетъ ихъ сердечныя струны, а другой преимущественно дѣйствуетъ на нервы и производитъ впечатлѣніе своимъ умѣньемъ. У одного пѣсня росла и разливалась; русская, правдивая, горячая душа звучала въ ней и дышала; у другого вмѣсто этого была игра голосомъ, щелканіе языкомъ, удачные переходы. Одинъ былъ поэтъ, а другой имъ не былъ.

Въ разсказѣ Сенкевича „Янко музыкантъ“ не только видимъ музыкальную натуру, но и наблюдаемъ ея развитіе.

Янко былъ хиленькій, слабенькій мальчикъ. Въ лѣсу ему слышилось, что тамъ что то играетъ: сосны ли, буки, березы, иволги—все, весь лѣсъ игралъ—да и только. Эхо тоже. Въ полѣ игралъ ему чренобыльникъ; въ садочкѣ у хаты чирикали воробьи, такъ что вишни тряслись. По вечерамъ онъ заслушивался всѣхъ звуковъ, какіе бываютъ на деревнѣ, и, вѣроятно, думалъ, что вся деревня играетъ. А какъ послали его разъ на работу, навозъ разбрасывать, такъ ему даже вѣтеръ въ вилахъ игралъ. Весною Янко слушалъ, какъ въ болотахъ начинали квакать лягушки, на поляхъ кричатъ коростели, въ травѣ жужжатъ жуки... Въ костелѣ у мальчика глаза такъ и затуманятся, и такъ и замретъ онъ весь, когда загудитъ органъ или запоетъ нѣжными звуками. Понятно было желаніе Янки имѣть скрипку. А такъ какъ купить ее было не на что, то единственный выходъ—украсть. Въ саду ему пѣлъ соловей: „иди, Янко, возьми!“ И хотя Козодой кричалъ временами: „нѣтъ, нѣтъ!“ но музыкальное чувство, потребность играть, заглушили слова Козодоя. Конецъ—обыкновененъ. Мальчикъ умеръ отъ физической и нравственной боли, послѣ наказанія за кражу скрипки.

„Воскресшая пѣснь“ Немировича Данченко показываетъ, что поэтъ можетъ испытывать наивысшее блаженство не только отъ непосредственнаго переживанія творческихъ моментовъ, но и отъ сознанія того, что пѣсни его не умираютъ, что мотивы и содержаніе ихъ продолжаютъ жить послѣ него. Такое утѣшеніе нашелъ себѣ въ подземельѣ несчастный узникъ, когда силы его, казалось, окончательно оставили, а впереди была только ужасная смерть, безъ идеи, безъ смысла. Точно сіяніе озарило поэта, когда онъ услышалъ слова и мотивъ своей пѣсни. Его пѣсня жива! Онъ самъ забытъ, давно забытъ, но пѣсня его воскресла. Значитъ не безплодна была его мука. Душа его вмѣстѣ съ пѣсней, свободная и могучая, облетаетъ весь міръ.

Художникъ творитъ свою мысль, создаетъ идею. И въ

его рукахъ много возможностей. „Взглянулъ онъ на мраморъ—и яркимъ огнемъ блеснули его вдохновенныя очи..., и камень подъ творческой ожилъ рукой!"—какъ говоритъ Никитинъ. Напишетъ картину—и человѣкъ безъ словъ понимаетъ ея содержаніе.

Наиболѣе яркое впечатлѣніе отъ всѣхъ родовъ искусства оставляетъ у зрителей, повидимому, театръ. Музыка, пластика, живопись—доступна лишь людямъ съ наиболѣе чуткой нервной организаціей, а театръ доступенъ каждому. Въ немъ такъ все реально и просто.

Поэтому понятно то увлеченіе, съ какимъ отдавались спектаклю арестанты въ мертвомъ домѣ, описанномъ у Достоевскаго. Нужно представить себѣ заботы о разучиваніи ролей, объ устройствѣ сцены и занавѣса, о костюмахъ и вообще объ успѣхѣ всего предпріятія, нужно вспомнить неподдѣльный восторгъ, написанный на лицахъ каждаго зрителя, чтобы понять, чѣмъ былъ театръ въ однообразной, скучной и лѣнивой жизни острога. И дѣти поймутъ это, прочитавши у Достоевскаго описаніе спектакля на каторгѣ.

Такимъ образомъ, въ классѣ могутъ быть разсмотрѣны почти всѣ роды искусства, и на художественной литературѣ разъяснено вліяніе его и значеніе въ жизни самихъ художниковъ и для другихъ людей. Передъ глазами учащихся пройдутъ поэты, музыканты, артисты, съ ихъ духовными переживаніями. Не достаетъ лишь только опредѣленныхъ именъ, съ которыми дѣти могли бы связать свои впечатлѣнія о талантѣ и геніи. Но это даетъ слѣдующій отдѣлъ.

Изъ жизни замѣчательныхъ людей.

Этотъ отдѣлъ вводитъ дѣтей въ жизнь таланта и генія. Необходимо, чтобы ученики ближе познакомились съ творцами искусства и полюбили ихъ. Для этого недостаточно знать только произведенія художниковъ, нужно ближе по-

знакомиться съ ихъ жизнью и не съ внѣшней стороны, а заглянуть въ тѣ переживанія, которыя связаны съ наиболѣе яркими моментами.

Для первоначальнаго ознакомленія учащихся съ жизнью замѣчательныхъ людей слѣдуетъ избрать беллетристическую форму. Только беллетристика способна вызвать у дѣтей живое представленіе о человѣкѣ, только она можетъ ввести читателя въ духовный міръ. А именно это то и представляетъ наибольшій интересъ. Дѣтямъ, естественно, хочется знать и про дѣтскіе годы, и про юношество любимаго писателя, съ которымъ уже установились нѣкоторыя связи, черезъ его произведенія. Если подойти съ такимъ масштабомъ къ русскимъ писателямъ, то окажется, что съ нѣкоторыми изъ нихъ трудно познакомить учащихся, потому что жизнь ихъ пока еще не отражена въ беллетристикѣ, приспособленной для класснаго чтенія.

Наибольшее богатство такой литературы группируетъ вокругъ себя Пушкинъ. Да и по существу это наиболѣе близкій дѣтямъ писатель. Еще въ начальной школѣ ученики познакомились съ цѣлымъ рядомъ его стиховъ. Сказки Пушкина доступны даже дошкольному возрасту. Многія поэмы и повѣсти можно читать на любой ступени развитія. Среди литературныхъ образцовъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ курсѣ литературнаго чтенія, Пушкинъ занимаетъ видное мѣсто. Слѣдовательно, во всѣхъ отношеніяхъ Пушкинъ именно тотъ замѣчательный человѣкъ, которымъ можно открыть ознакомленіе дѣтей съ жизнью таланта и генія.

Среди біографій Пушкина имѣется цѣлый рядъ доступныхъ дѣтскому возрасту. Къ числу ихъ принадлежитъ и спеціально написанная для хрестоматіи „Жизнь и Слово“. Она рисуетъ Пушкина мальчикомъ, который любилъ слушать разсказы бабушки о прошедшихъ временахъ, объ обычаяхъ и порядкахъ старины; любилъ слушать у старушки няни народныя сказки и улетать своей

фантазіей въ чудный сказочный міръ, съ его волшебниками и богатырями. Біографія останавливается на ученическихъ годахъ Пушкина, на его первыхъ литературныхъ занятіяхъ и славѣ.

Цѣлый рядъ стиховъ біографическаго характера помогаетъ знакомству съ Пушкинымъ: Памятникъ, Зимній вечеръ, Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли...

Въ повѣсти Авенаріуса „Отроческіе годы Пушкина“ имѣется чрезвычайно яркій эпизодъ изъ его жизни—экзаменъ при поступленіи въ Царскосельскій лицей. Тамъ же вполнѣ подходитъ для класснаго чтенія и отрывокъ—„Первая проба пера“. А въ запискахъ Смирновой находимъ воспоминанія уже о Пушкинѣ—писателѣ. Эти воспоминанія, весьма цѣнныя сами по себѣ, какъ историческій памятникъ, вполнѣ доступны во многихъ своихъ частяхъ дѣтскому возрасту 11—13 лѣтъ.

Біографія Никитина, спеціально написанная для той же хрестоматіи, разъясняетъ дѣтямъ жизнь писателя-дворника въ разные періоды. Передъ учениками проходитъ страдальческое лицо Никитина, его надежды и неудачи, нужда и тяжелая работа изъ за куска хлѣба. Понятнымъ становится дѣтямъ и настроеніе писателя, вылившееся въ его стихотвореніи: „Вырыта заступомъ яма глубокая“.

Біографія Шевченко рисуетъ его еще маленькимъ мальчикомъ, который пытается итти туда, гдѣ небо съ землей сходится. Затѣмъ Тарасъ на школьной скамьѣ и въ должности казачка у своего барина. Передъ читателемъ развивается страсть Шевченко къ наукѣ и рисованію. И все это на фонѣ крѣпостничества и связанныхъ съ нимъ случайностей, такъ какъ Шевченко былъ крѣпостной человѣкъ. Тяжела была жизнь и этого писателя. Да не легче была и смерть его за нѣсколько дней до манифеста о крестьянскомъ освобожденіи.

Такимъ образомъ, эти три біографіи русскихъ писателей

рисуютъ жизнь замѣчательныхъ людей разныхъ классовъ общества: Пушкинъ принадлежалъ къ обезпеченному кругу интеллигенціи, Никитинъ—къ бѣдному мѣщанству, а Шевченко—къ крѣпостному крестьянству. Дѣти познакомятся съ ихъ жизнью и сдѣлаютъ заключеніе о духовныхъ богатствахъ народа, которыя не могутъ погибнуть даже среди нищеты и гнетущаго мрака.

Біографія Ломоносова конечно тоже должна входить въ курсъ литературнаго чтенія, хотя съ сочиненіями его дѣти еще и не познакомились. Жизнь Ломоносова, яркая и красочная, способна возбудить увлеченіе въ дѣтскихъ сердцахъ и вызвать въ нихъ энергію къ учебной работѣ и самодѣятельности.

Но недостаточно остановиться на жизни только однихъ писателей. Въ беллетристическихъ очеркахъ Авенаріуса находимъ біографическія картинки изъ жизни М. И. Глинки, этого творца народной музыки. Тутъ есть и его увлеченіе музыкой и работа надъ „Жизнью за царя“.

Наконецъ можно вывести дѣтей за предѣлы русской жизни и воспользоваться, напримѣръ, сочиненіемъ „Леонардо да Винчи“ Мережковскаго, чтобы на нѣкоторыхъ картинахъ его познакомить учащихся съ геніальной личностью Леонардо, который былъ и великимъ художникомъ, и скульпторомъ, и техникомъ, и ученымъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ остановиться хотя бы на одномъ изъ представителей „мучениковъ науки“, напримѣръ, Джіордано Бруно, котораго католическія власти сожгли на кострѣ за то, что онъ не признавалъ непогрѣшимости католическаго духовенства въ дѣлѣ науки, защищая систему Коперника.

Всѣ эти біографіи сроднятъ дѣтей съ гигантами мысли и дѣла, и послужатъ серьезнымъ толчкомъ къ самостоятельному изученію любимыхъ писателей.

Человѣкъ, его мысли, чувства и настроенія.

Хотя главная задача литературнаго чтенія въ первыхъ двухъ классахъ общеобразовательной школы опредѣлена выше, какъ преимущественное изученіе бытовой жизни, тѣмъ не менѣе уже въ этихъ классахъ слѣдуетъ сдѣлать первыя попытки сосредоточить въ нѣкоторыхъ случаяхъ вниманіе дѣтей на душѣ человѣка, безъ отношенія къ быту, а исключительно на содержаніи душевныхъ переживаній. Сюда будетъ относиться религіозное чувство, общечеловѣческая любовь, любовь къ родинѣ, гнетущее чувство неволи, радость свободы. Сюда же слѣдуетъ отнести своеобразныя переживанія человѣка во время войны.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ разсмотримъ содержаніе того литературнаго матеріала, который можно было бы предложить дѣтямъ въ развитіе выраженнаго плана.

I.

Религіозное чувство есть достояніе человѣка, независимо отъ принадлежности его къ тому или другому вѣроученію. Поэтому необходимо дать здоровую пищу религіозному чувству для всесторонняго развитія духовныхъ силъ человѣка. Изящная литература имѣетъ для этого достаточно матеріала. Сюда можно отнести рядъ стиховъ Лермонтова, Пушкина, А. Толстого, Никитина, Полонскаго и др. поэтовъ, а также прозу Л. Н. Толстого и проч.

Стихотвореніе Лермонтова „Ангелъ“ рисуетъ въ пышномъ образѣ рожденія человѣка противоположность двухъ міровъ: блаженство безгрѣшныхъ духовъ и скучныя пѣсни земли. „Молитва“, его же, свидѣтельствуетъ о томъ благодатномъ настроеніи человѣка, когда подъ вліяніемъ ея „съ души, какъ бремя, скатится сомнѣнье далеко, и вѣрится, и

плачется, и такъ легко, легко". „Вѣтка Палестины" даетъ художественный образъ иконы, и приводитъ тѣ мечтательные вопросы, которые связаны у религіознаго человѣка съ происхожденіемъ этой вѣтки.

„Мадонна" Пушкина выражаетъ религіозное преклоненіе передъ образцомъ чистѣйшей прелести, какъ художественно говоритъ писатель. „Христосъ", А. Толстого, олицетворяетъ воплощеніе величайшей любви къ человѣку, выразившееся въ подчиненіи всѣхъ законовъ Моисея закону любви. „Молитва въ саду Геѳсиманскомъ" Никитина изображаетъ величайшую скорбь Человѣка-Бога и неизмѣримую покорность грядущей чашѣ. „Бэда проповѣдникъ" Полонскаго показываетъ силу проповѣди, убѣжденной и вдохновенной. „какъ ключъ, пробивающій каменный слой", которая въ состояніи вызвать религіозное чувство у камней.

Отрывокъ изъ „Дѣтства и Отрочества" Л. Н. Толстого — Гриша, даетъ совершенно реальный типъ юродиваго, чрезвычайно цѣльнаго въ исповѣданіи своей вѣры. Его наблюдалъ Николенька, когда Гриша остался переночевать въ домѣ его родителей. Темная комната, звенящіе вериги, горячая молитва юродиваго, скрытая отъ людского взора, эта непосредственная бесѣда съ Богомъ... все это сильно повліяло на развитіе религіознаго чувства самого Николеньки. Поэтому понятно восхищеніе и преклоненіе, съ которымъ онъ отнесся къ юродивому.

Въ разсказѣ А. Франса „Амэсъ" нарисована картина религіознаго экстаза и дѣятельной любви. Амэсъ былъ рабъ. Онъ обратилъ въ христіанство маленькую Таису силою своего убѣжденія. Когда пришлось ему принять смерть на крестѣ, то сила религіознаго чувства заглушила въ немъ страшныя физическія страданія, и передъ смертью онъ пѣлъ чистымъ дѣтскимъ голосомъ религіозныя импровизаціи.

„Приговоръ" Майкова изображаетъ извращеніе христіанской любви, выразившейся въ сожженіи Гуса за его рели-

гіозные взгляды. Чрезвычайно поэтично въ этой легендѣ пѣніе соловья, которое на минуту смягчило даже наиболѣе суровыя сердца монаховъ, ушедшихъ въ личные подвиги умерщвленія плоти, но... это было только на одинъ моментъ, и Гусъ получилъ осужденіе.

Съ легендой о Констанцскомъ соборѣ удачно сопоставляется по противоположности настроенія стихотвореніе Апухтина: „Люби, всегда люби“... Оно говоритъ о религіозной любви и сообщаетъ человѣку настроеніе этого чувства.

Чтеніе стихотвореній и разсказовъ, проникнутыхъ религіознымъ чувствомъ, можно было бы закончить „Іудой“ — поэмою Надсона, гдѣ образно представлены мученія совѣсти за совершеніе тягчайшаго преступленія, какое можетъ сдѣлать человѣкъ по отношенію къ другому.

Такимъ образомъ, дѣти познакомятся съ выраженіемъ религіознаго чувства, найдутъ его отголоски въ своей душѣ и вслѣдствіе этого сознательнѣе отнесутся къ личнымъ переживаніямъ.

II.

Гуманизмъ такъ близко стоитъ къ религіозной основѣ, что литературные образцы заключаютъ въ себѣ и тотъ и другой моменты. Поэтому на ряду съ религіознымъ настроеніемъ человѣка, слѣдуетъ сдѣлать первую попытку глубже разсмотрѣть съ учениками человѣческую душу въ наиболѣе лучшихъ проявленіяхъ ея свойствъ. Итакъ, предметомъ дальнѣйшаго изученія будетъ душа человѣка. Наиболѣе подходящими литературными образцами для этой цѣли могутъ служить: Живыя мощи Тургенева, Касьянъ съ Красивой Мечи его же, Бѣдные люди Гюго, Два богача Тургенева, Рождественская ночь Станюковича.

Живыя мощи привлекаютъ къ себѣ вниманіе художественнымъ образомъ Лукерьи. Эта несчастная жен-

щина сохранила до конца жизни ясность души. Духовная жизнь ея представляетъ особенный интересъ, такъ какъ несмотря на тяжелую болѣзнь, Лукерья осталась удивительно цѣльнымъ человѣкомъ. Она ни на что не жаловалась. Лукерья думала, видѣла сны, наблюдала природу, чувствовала по запаху, когда зацвѣтетъ липа, разговаривала иногда со странниками и отцомъ Васильемъ... и ожидала смерти, какъ свѣтлаго праздника, какъ счастья; передъ смертью слышился ей колокольный звонъ, который несся оттуда,—она не смѣла сказать: „съ неба“. Это могучій человѣкъ въ своемъ религіозномъ мірѣ, удивительно сильный въ цѣлостности своего чувства. И съ этой точки зрѣнія „Живыя мощи“ представляютъ неисчерпаемый интересъ.

Касьянъ съ Красивой Мечи по своему духовному содержанію приближается къ Лукерьѣ. Это тотъ же романтикъ, мечтатель. Онъ грамотенъ, какъ и Лукерья, умѣетъ лѣчить людей, немного знахарь, какъ и Калинычъ, отводитъ дичь отъ охотника. Тургеневъ охотился съ нимъ неудачно, а когда все же убилъ коростеля, то Касьянъ раскрылъ передъ нимъ цѣлую философію гуманизма, своеобразную и самостоятельно пережитую. По мнѣнію Касьяна есть птицы, Богомъ опредѣленныя для человѣка, и есть птицы лѣсныя, вольныя, которыхъ нельзя убивать, потому что человѣку другая пища положена и другое питье: хлѣбъ—Божья благодать, да воды небесныя, да тварь ручная отъ древнихъ отцовъ. И рѣчь Касьяна звучала не мужицкой рѣчью. „Это языкъ обдуманный, торжественный и странный“... Касьянъ не только гуманистъ въ своихъ переживаніяхъ, онъ и поэтъ. Касьянъ живетъ вмѣстѣ съ природой, ходитъ по широкому простору своей страны, ходитъ въ Курскъ соловьевъ ловить; слушаетъ въ ночной глуши, какъ кулички разсвистятся, зайцы кричатъ, селезни стрекочутъ. Словомъ, Касьянъ представитель тѣхъ людей, которые осуществляютъ

въ своей жизни не зоологическую, а Божью правду, по выраженію Успенскаго, какъ они ее понимаютъ. Поэтому изученіе духовныхъ переживаній Касьяна представляетъ особый интересъ и имѣетъ особое педагогическое значеніе.

Бѣдные люди, Гюго, даютъ удивительно хорошее настроеніе дѣтямъ, которые видятъ здѣсь въ сущности героическій, а на самомъ дѣлѣ простой и сердечный поступокъ Жанни. Она взяла на воспитаніе маленькихъ дѣтей умершей сосѣдки и не дала погибнуть имъ голодной смертью, не смотря на то, что ея семья была тоже бѣдной. Прекрасенъ поступокъ Жанни, но еще прекраснѣе ея душа, которая не могла остаться безучастной къ чужому горю, которая сама жила этимъ горемъ и дала силы бѣдной женщинѣ сдѣлать большое дѣло. Прекрасно то душевное волненіе, которое переживала Жанни: „Жанна бѣжитъ домой бѣгомъ. Она несетъ что то подъ плащемъ. Сердце сильно бьется; она не смѣетъ оглянуться назадъ, точно кто гонится за ней. Дома она кладетъ свою ношу на кровать и торопливо задергиваетъ пологъ. Потомъ она беретъ стулъ, ставитъ его у кровати и садится, склонясь головой къ изголовью. Она блѣдна и взволнована; точно мучитъ ее совѣсть, упрекаетъ въ чемъ то“. Не менѣе прекрасенъ и мужъ этой женщины, который также не находитъ другого выхода для малютокъ сосѣдки, не смотря на то, что самъ перебивается кое-какъ.

Какъ бы дополненіемъ къ этому служитъ стихотвореніе въ прозѣ Тургенева: Два богача.

„Когда при мнѣ превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на лѣченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ—я хвалю и умиляюсь. Но и хваля и умиляясь, не могу не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту—племянницу въ свой разоренный домишко.—Возьмемъ мы Катьку, —говорила баба:—

послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ,—не на что будетъ соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую,—отвѣтилъ ея мужъ.

Далеко Ротшильду до этого мужика!"

„Рождественская ночь" Станюковича рисуетъ пробужденіе любви къ человѣку подъ вліяніемъ великаго праздника: „И кто въ эту ночь обидитъ младенца"—говорилъ старый матросъ своимъ товарищамъ:—„тому великое будетъ наказаніе". „Великая эта ночь... Нашему разсудку и не понять"... И охваченные душевнымъ волненіемъ русскіе матросы, въ Батавіи, спасли малайскаго мальчика отъ вѣрной смерти въ зубахъ крокодила, когда услыхали на берегу океана дѣтскій плачъ и поняли, что это значитъ.

Такимъ образомъ, настоящій отдѣлъ раскрываетъ передъ читателемъ прежде всего и больше всего душу человѣка. Картины сами по себѣ настолько ярки, что безусловно понятны дѣтямъ. И ученики въ состояніи не только понять, но и назвать тѣ душевныя переживанія, которыя здѣсь изображены. Объединяясь общимъ настроеніемъ любви человѣка къ человѣку, любви къ человѣческому достоинству, къ правдѣ,—эти картины не требуютъ сложнаго психологическаго изслѣдованія, а потому, являясь первой попыткой изученія человѣческой души, не нарушаютъ основного характера литературнаго чтенія въ первыхъ двухъ классахъ общеобразовательной школы.

Можно однако предвидѣть возраженіе по поводу выдѣленія разсматриваемаго вопроса въ отдѣльную главу. Можетъ быть высказано, что душу человѣка слѣдуетъ изучать, и дѣйствительно изучаютъ, почти на каждомъ литературномъ сочиненіи, входящемъ въ кругъ чтенія. Конечно это такъ, но настоящій отдѣлъ имѣетъ ввиду сгруппировать такой матеріалъ, гдѣ отражена была бы только эта одна сторона, безъ другихъ привходящихъ вопросовъ. А потому такое выдѣленіе вполнѣ правильно.

III.

Любовь къ родинѣ — вотъ содержаніе настоящаго отдѣла. Въ задачу литературнаго чтенія входитъ воспитаніе этого чувства, тѣмъ болѣе что любовь къ родинѣ — существующій фактъ, и было бы большой ошибкой не давать пищи этому благородному настроенію. Передъ учителемъ русскаго языка вопросъ встаетъ съ другой строны: на какихъ моментахъ проявленія этой любви слѣдуетъ больше остановиться —показать ли проявленіе любви къ родинѣ въ моменты исключительные, героическіе, или воспользоваться такъ сказать будничной привязанностью человѣка къ своему дому, деревнѣ, городу, къ полямъ и лѣсамъ, къ языку и культурѣ, т. е. тѣмъ реальнымъ предметамъ и сторонамъ жизни, которые вселяютъ въ человѣка любовь. Вопросъ, повидимому, рѣшается въ пользу послѣдняго плана, такъ какъ человѣку приходится жить въ будничной обстановкѣ, героическіе моменты не часты, и было бы слишкомъ печальноесли бы любовь къ родинѣ являлась въ жизни рѣдкимъ гостемъ. Но это, конечно, не освобождаетъ насъ отъ обязан ности освѣщать на литературномъ чтеніи и героическіе моменты. Однако, само собой разумѣется, и въ этомъ отдѣлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, преподаватель связанъ въ выборѣ литературнаго матеріала художественностью образцовъ и отраженными въ нихъ настроеніями.

Въ стихотвореніяхъ русскихъ писателей любовь къ родинѣ часто соединена съ настроеніемъ легкой грусти, задумчивости, мечтательности. И это понятно. Возьмемъ хотя бы стихотвореніе К. Р. и увидимъ тамъ будничную картину: „кой гдѣ березовый лѣсокъ, необозримая равнина, болото, ельникъ и песокъ“. Правда, это не можетъ ослабить любовь къ родинѣ, а придаетъ ей лишь своеобразный колоритъ легкой грусти: „пускай все это и уныло, и некрасиво, и

бѣдно; пусть хорошо все это было знакомо намъ давнымъ-давно—налюбоваться не могли мы на эти ровныя поля... О сѣверъ, сѣверъ мой родимый, о сѣверъ, родина моя!“

Туже бѣдную картину рисуетъ Плещеевъ въ своемъ стихотвореніи „Родина“: „бѣлыя березы, жидкія осины, пашни да овраги,—грустныя картины“... Тѣмъ не менѣе: „что же въ нихъ такъ сердцу дорого и мило, и какая манитъ тайная къ нимъ сила?“

Въ стихотвореніи Мережковскаго: „Надъ нѣмымъ пространствомъ чернозема“ встрѣчаемъ опять тоже настроеніе: „каждый разъ, когда смотрю я въ поле, я люблю мою родную землю; хорошо и грустно мнѣ до боли,—словно тихой жалобѣ я внемлю“.

Тютчевъ тоже рисуетъ: „эти бѣдныя селенья, эту скучную природу, край родной долготерпѣнья“...

Шевченко проливаетъ слезы, плача за Украйну, въ своихъ „Думахъ“, а въ „Завѣщаніи“ проситъ похоронить его „на Украйнѣ милой, чтобъ поля и Днѣпръ, и берегъ, дальній и зыбучій, были видны, было слышно, какъ реветъ могучій“...

Грустью проникнуто стихотвореніе Лермонтова „Дубовый Листокъ“. Вдали отъ своей родины носится онъ по свѣту и проситъ высокую чинару принять его, какъ пришельца, межъ листьевъ ея изумрудныхъ. Но чинара не принимаетъ страдальца: „иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю“!

Такое же чувство страданія оторваннаго отъ родины человѣка изображено въ стихотвореніи Жемчужникова „Осенніе журавли“: „сквозь вечерній туманъ, мнѣ, подъ небомъ стемнѣвшимъ, слышенъ крикъ журавлей все яснѣй и яснѣй... Сердце къ нимъ понеслось, издалека летѣвшимъ, изъ холодной страны, съ обнаженныхъ степей“... „Сумракъ, блѣдность, тоска, непогода и слякоть, видъ угрюмый людей, видъ печальный земли... О, какъ больно душѣ, какъ мнѣ хочется плакать... Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..“

Отпечатокъ задумчивости лежитъ и на стихотвореніи Лермонтова: „Родина“: „Люблю отчизну я, но странною любовью; не побѣдитъ ея разсудокъ мой! Ни слава, купленная кровью, ни полный гордаго довѣрія покой, ни темной старины завѣтныя преданья—не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья“.

И только у одного Пушкина звучитъ бодрое чувство: „Но вотъ ужъ близко... Передъ нами ужъ бѣлокаменной Москвы, какъ жаръ, крестами золотыми горятъ старинныя главы... Москва... какъ много въ этомъ звукѣ для сердца русскаго слилось, какъ много въ немъ отозвалось“...

Гораздо больше надежды на будущее находимъ въ стихотвореніи въ прозѣ Тургенева: „Русскій языкъ“, гдѣ авторъ говоритъ: „Ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!.. Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!“

Привязанность къ родинѣ, въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова, находимъ мы въ разсказѣ Телешова: „Домой“, гдѣ разсказывается про сиротку-переселенца, Семку, который изъ далекой Сибири одинъ отправился въ родную Узюпку увидѣть Малашку, Васятку и Митьку, своихъ закадычныхъ пріятелей, увидѣть родное Бѣлое и весь далекій, родной уголокъ. Мальчика тянула на родину могучая сила, и онъ шелъ съ твердой надеждой. Ни трудность пути, ни потеря въ дорогѣ „дѣдушки“, такого же бездомнаго человѣка, котораго тоже тянуло къ себѣ „въ Расею“, ничто не могло остановить Семку. Разсказъ этотъ открываетъ возможность болѣе подробной бесѣды о любви къ родинѣ, на основаніи конкретнаго матеріала, между тѣмъ какъ стихотворенія конкретныхъ фактовъ почти не даютъ.

Богатъ своимъ содержаніемъ и разсказъ Додэ: „Послѣдній урокъ“, изъ времени франко-прусской войны. Додэ затрагиваетъ героическій моментъ жизни народа, когда любовь къ родинѣ чувствуется особенно сильно.

Это былъ послѣдній французскій урокъ для маленькаго Паскаля и для другихъ школьниковъ, послѣдній урокъ и для ихъ стараго учителя Гамеля. „Послѣдній французскій урокъ!.. А я едва могъ писать!“—съ сокрушеніемъ думалъ Паскаль.—„Значитъ никогда не научусь. Придется на этомъ и остановиться!.. О какъ я теперь жалѣю о потерянномъ времени, когда я вмѣсто того, чтобы учиться, бѣгалъ за гнѣздами, или катался по льду на Саарѣ. Мои книги, которыя еще сегодня утромъ мнѣ казались такими скучными и тяжелыми, моя грамматика и священная исторія—сдѣлались теперь моими старыми друзьями, съ которыми трудно будетъ разстаться“. Трогательно описываетъ Додэ прощаніе стараго Гамеля со своими школьниками и прощаніе съ школой старыхъ поселянъ, явившихся присутствовать на послѣднемъ родномъ урокѣ.

Въ стихотвореніи Лермонтова: „Воздушный корабль“ изображена любовь Наполеона къ Франціи, которая дала ему славу и блескъ.

Къ сожалѣнію, трудно отмѣтить при помощи небольшого отрывка чувство радости за судьбы своей родины. А потому эту задачу приходится перенести на внѣклассное чтеніе.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ тотъ матеріалъ, который можно избрать для развитія любви къ родинѣ. Культивируя это чувство, не слѣдуетъ вселять въ дѣтяхъ сознаніе, что оно принадлежитъ только своему народу. Необходимо показать, что любовь къ родинѣ присуща вообще человѣку, кто бы онъ ни былъ: русскій, французъ, или нѣмецъ... Этимъ воспитывается уваженіе къ людямъ и расширяется умственный горизонтъ учащихся. Указанная задача достигается введеніемъ въ курсъ литературнаго чтенія образцовъ иностранной литературы, какъ напримѣръ „Послѣдній урокъ“ Додэ и т. п.

IV.

Два основныхъ настроенія руководятъ поступками человѣка: любовь и состраданіе съ одной стороны, непріязнь или ненависть—съ другой. Какой бы мы ни взяли моментъ человѣческой жизни,—въ немъ можно найти отраженіе тѣхъ или другихъ чувствъ. Безразличія почти не существуетъ, а если гдѣ оно имѣется, то тамъ приходится наблюдать ненормальность или болѣзненность. Конечно, чувство любви и состраданія, непріязни или ненависти—лишь основныя настроенія человѣка; въ дѣйствительной жизни они имѣютъ разныя степени и наслоенія; нерѣдко встрѣчается сложное соединеніе этихъ чувствъ, когда одной своей стороной предметъ или явленіе нравится, а другими—нѣтъ. Но если разложить наши чувствованія на составляющіе ихъ моменты, то чувство любви и непріязни придется противопоставить другъ другу чуть ли не во всѣхъ случаяхъ жизни. Слѣдовательно, человѣкъ долженъ сознательно относиться къ этой группѣ чувствованій, чтобы сознательно относиться къ самому себѣ. А потому необходимо освѣтить эти настроенія литературными образцами и класснымъ чтеніемъ. При этомъ слѣдуетъ выбрать такіе моменты человѣческой жизни, когда то и другое чувствованіе можетъ получить свое наивысшее развитіе. Наиболѣе рѣзкими положеніями въ человѣческой жизни, удовлетворяющими этимъ требованіямъ, являются два: во-первыхъ неволя, когда сковываются всѣ движенія человѣческаго сердца, движенія мысли, когда духовныя силы атрофируются и самъ человѣкъ теряетъ свой обликъ; во-вторыхъ, свобода, когда получается расцвѣтъ духовныхъ силъ. Эти два положенія человѣческой жизни: неволя и свобода—находятъ свое отраженіе въ каждомъ движеніи, въ каждомъ поступкѣ. Изучать то или другое чувствованіе слѣдуетъ, конечно, на литературныхъ примѣрахъ.

Вотъ, напримѣръ, передъ нами стихотвореніе Пушкина

„Анчаръ“. Въ пустынѣ чахлой и сырой, на почвѣ, зноемъ раскаленной, стоитъ анчаръ... Природа напоила ядомъ мертвую зелень его вѣтвей. Къ нему и птица не летитъ, и тигръ не йдетъ... но человѣка человѣкъ послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ, и тотъ послушно въ путь потекъ и къ утру возвратился съ ядомъ. Принесъ онъ смертную смолу да вѣтвь съ увядшими листами, принесъ, и ослабѣлъ, и легъ подъ сводомъ шалаша на лыки, и умеръ бѣдный рабъ у ногъ непобѣдимаго владыки.

Такой же ужасъ рабскаго состоянія мы видимъ въ стихотвореніи Лермонтова „Умирающій гладіаторъ“: „Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ рукоплесканьями широкая арена—а онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ, во прахѣ и крови скользятъ его колѣна... Вотъ лучъ воображенья сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай... и родина цвѣтетъ—свободный жизни край“...

Въ этомъ стихотвореніи противопоставляется неволя свободѣ и чувство ненависти къ развратному Риму—чувству любви къ родинѣ и семьѣ.

И хочется человѣку вырваться изъ неволи на свѣтъ, какъ узнику въ стихотвореніи Пушкина, тому узнику, кокорый смотритъ черезъ окно на вскормленного въ неволѣ орла и думаетъ съ нимъ общую думу: „Давай улетимъ! туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора, туда, гдѣ синѣютъ морскіе края“...

Было бы, однако, слишкомъ тяжело оставить гнетущее чувство тоски, которое наряду съ ненавистью къ личной неволѣ можетъ воспитываться этими стихотвореніями. Необходимо противопоставить гнетущей тоскѣ—хотя бы долю радости, которую человѣкъ можетъ испытывать даже въ неволѣ, и надежду на лучшее. Первое достигается стихотвореніемъ Ленцевича, гдѣ разсказывается, какъ счастливъ былъ узникъ, получивши письмо отъ близкаго человѣка

„Словно лучемъ озарило темную келью мою, крылья душа ощутила... Я подъ окошкомъ стою, радости вѣрить не смѣю, взоромъ письмо пробѣгу, слезъ удержать не умѣю, словъ разобрать не могу..“ Надежду на лучшее будущее даетъ стихотвореніе Надсона: „Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ, кто-бъ ты ни былъ—не падай душой!.. Вѣрь, настанетъ пора и погибнетъ Ваалъ и вернется на землю любовь!“

Жизнь „мертваго дома“, изображенная Достоевскимъ, даетъ много матеріала для изученія. Съ этой цѣлью можно воспользоваться совершенно законченнымъ отрывкомъ романа: „Лѣтняя пора“, гдѣ разсказывается, какъ весеннее время пробудило даже закованнаго человѣка, рождало и въ немъ какія то желанія, стремленіе, тоску. „Кажется, еще сильнѣе“, говоритъ Достоевскій: „грустишь о свободѣ подъ яркимъ солнечнымъ лучемъ, чѣмъ въ ненастный зимній или осенній день, и это замѣтно на всѣхъ арестантахъ Они какъ будто и рады свѣтлымъ днямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ усиливается какая то нетерпѣливость, порывчатость“. Весной какъ будто чаще случались у нихъ острожныя ссоры. „Чаще слышится шумъ, крикъ, гамъ, затѣвались исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, случалось подмѣтить вдругъ гдѣ-нибудь на работѣ чей-нибудь задумчивый и упорный взглядъ въ синѣющую даль, куда-нибудь туда, на другой берегъ Иртыша, гдѣ начинается необъятной скатертью, тысячи на полторы верстъ, вольная киргизская степь; подмѣтишь чей-нибудь глубокій вздохъ, всей грудью, какъ будто такъ и тянетъ человѣка дохнуть этимъ далекимъ, свободнымъ воздухомъ и облегчить имъ придавленную и закованную душу“.

И лѣтнія работы оказались для арестантовъ, дѣйствительно, труднѣе зимнихъ. Зато покупка Гнѣдка, случившаяся вскорѣ въ острогѣ, заняла и развлекла ихъ. Арестанты были, какъ дѣти. „Всего болѣе льстило имъ, что

вотъ и они, точно вольные, точно дѣйствительно изъ с в о е г о кармана покупаютъ с е бѣ лошадь и имѣютъ полное право купить.

Вторымъ развлеченіемъ въ острогѣ были собаки Шарикъ и Культяпка, хотя на нихъ и мало обращали вниманія, потому что у всего простонародья собака считается животнымъ нечистымъ. Гораздо больше удовольствія доставляли арестантамъ гуси, которые сопровождали ихъ на работу, и козелъ Васька, сдѣлавшійся въ нѣсколько дней общимъ любимцемъ. Съ нимъ арестанты забавлялись, кормили его точно на убой, держали не на конюшнѣ, а въ кухнѣ и позволяли ему расхаживать даже по всему острогу. Интересовались, наконецъ, случайно попавшимъ въ острогъ небольшимъ орломъ, который однако своей дикостью отталкивалъ арестантовъ, и его бросили въ степь, на волю.

Изъ этого описанія лѣтнихъ занятій и развлеченій въ острогѣ дѣти поймутъ, насколько нужно цѣнить свободу, какъ несчастны тѣ люди, которые лишились ея, и какъ у нихъ проявляется потребность позабыться, отвлечься вмѣстѣ съ постоянной мечтою о волѣ. Для сопоставленія со всѣмъ этимъ можно взять и другой отрывокъ изъ „Мертваго дома“—театръ, помѣщенный въ отдѣлѣ „искусство“.

Разсказъ В. Гюго—„Жанъ Вальжанъ“ рисуетъ нравственную гибель человѣка въ неволѣ и возрожденіе его къ лучшей жизни подъ вліяніемъ ласки и участія.

Жанъ Вальжанъ былъ отзывчивый человѣкъ, съ добрымъ сердцемъ. Подъ вліяніемъ страшной нужды онъ рѣшился на кражу печенаго хлѣба, чтобы предотвратить голодную смерть маленькихъ дѣтей, которымъ онъ замѣнялъ отца. Жана поймали на мѣстѣ преступленія и сослали на каторгу. А когда онъ отбылъ срокъ наказанія и вернулся домой, отъ него всѣ отшатнулись, какъ отъ зачумленнаго. Жанъ сдѣлался озлобленнымъ человѣкомъ, жестокимъ и только

сердечное участіе стараго священника пробудило въ немъ заглохнувшія чувства.

Итакъ, этотъ разсказъ рисуетъ вліяніе неволи и отчужденности на духовный міръ человѣка и противопоставляетъ этому пробужденіе сердечной жизни подъ вліяніемъ ласки и участія.

Разсказъ Каразина: „Бѣглый“ написанъ на ту же тему, съ тою лишь разницею, что человѣческія чувства пробудились въ совсѣмъ одичавшемъ человѣкѣ подъ вліяніемъ Библіи.

Одичалый скитался по безконечному пространству сибирской тайги, питался кореньями и сырымъ мясомъ, оспаривая свою добычу у хищныхъ звѣрей. Случайно онъ наткнулся на заброшенную хижину и испугался. Такъ непривычно было для него жилье, и такъ много горя онъ претерпѣлъ отъ людей. Однако одичалый, точно крадучись, вошелъ въ эту хижину. Здѣсь онъ увидѣлъ тлѣющіе уголья. Огонь воскресилъ въ немъ заглохнувшія чувства, а случайно попавшійся на глаза напилокъ безконечно обрадовалъ, такъ какъ у него на одной ногѣ болтался обрывокъ желѣзной цѣпи, причиняя невыносимую боль. Одичалый освободился отъ этого придатка и въ первый разъ почувствовалъ призракъ свободы. На полкѣ онъ нашелъ старую Библію. И сначала непонятныя, а потомъ все больше и больше сознаваемыя слова вызвали въ человѣкѣ спасительныя слезы. Сердце его стало доступно высшимъ чувствованіямъ и одичалый опять сдѣлался человѣкомъ.

Въ стихотвореніи А. Толстого „Колодники“ изображается, какъ эти люди стараются позабыть хотя на время о своемъ положеніи, избавиться отъ тяжелаго раздумья и воскресить въ себѣ пѣсней воспоминаніе о раздольѣ широкой Волги, о даромъ минувшихъ дняхъ, о свободныхъ степяхъ и о дикой волѣ.

Разсказъ Короленко: „Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ“

рисуетъ то страшное противорѣчіе, которое существуетъ между этимъ великимъ днемъ и нѣкоторыми положеніями жизни. Въ тюремной церкви совершается Христовская утреня. Въ камерѣ сидитъ бродяга, а, за стѣной на посту стоитъ молодой солдатъ. Бродягу тянетъ къ себѣ тайга... ему знакомъ ея шумъ, ровный, пѣвучій, свободный...—и бродяга пользуется случаемъ бѣгства. Когда радостный гулъ колоколовъ будитъ ночную тишь, голова его появляется надъ стѣною, и солдатъ замеръ съ поднятою для молитвы рукою, замѣтивши убѣгавшаго человѣка. Изъ церкви несется стройное пѣніе: Христосъ Воскресе!“ а за стѣной раздается ружейный выстрѣлъ. Свершилось то, чего боялся солдатъ‘ чего онъ трепеталъ, и какимъ то далекимъ отголоскомъ его душевной драмы звучатъ его нервныя слова: „Стой, стой!. Голубчикъ, родимый!“..

Дополненіемъ ко всему этому можетъ служить „Воскресшая пѣснь“ Немировича Данченко, помѣщенная раньше. Она рисуетъ человѣка, который находитъ силы въ воскресшей пѣснѣ переносить неволю и горе.

Такимъ образомъ, весь этотъ отдѣлъ изображаетъ человѣческое горе. Въ дѣтяхъ вызывается сочувствіе къ человѣку, воспитывается сознаніе, что даже въ самомъ тяжеломъ состояніи, въ самомъ ужасномъ паденіи, человѣкъ носитъ въ себѣ возможность возрожденія къ лучшей жизни, что въ немъ не совсѣмъ заглохли лучшія чувства, что они могутъ вновь заявить о своемъ существованіи, но что для всего этого нужно искреннее участіе, сочувствіе и ласка. Такимъ образомъ, на самыхъ тяжелыхъ положеніяхъ жизни, которыя, казалось бы, могутъ воспитывать лишь одно разочарованіе и подавленность, возможно раскрывать передъ юношами величіе человѣческой души и лучшее будущее. Но при всемъ этомъ необходимо противопоставить гнетущему чувству неволи свѣтлое и радостное настроеніе, которое даетъ слѣдующій отдѣлъ.

V.

Этотъ отдѣлъ можно начать стихотвореніемъ Апухтина: „Пѣсни“. Въ нихъ звучитъ надежда на свѣтлое будущее: „Но не одно гореванье тупое, плодъ безконечныхъ скорбей,—мнѣ уже слышится что-то иное въ пѣсняхъ отчизны моей... Пусть тебя, Русь, одолѣли невзгоды, пусть ты унынья страна... Нѣтъ! Я не вѣрю, что пѣсня свободы этимъ полямъ не дана!“

Отъ этой надежды на лучшее будущее родины слѣдуетъ перейти къ жизни отдѣльнаго человѣка, гдѣ можно было бы сопоставить два основныхъ настроенія: стремленіе къ свѣту, добру и свободѣ, съ одной стороны, и тупое довольство обыденностью—съ другой. Этой цѣли удовлетворяетъ стихотвореніе въ прозѣ „Жаворонокъ“.

„Былъ день весны, радостный, теплый, ароматный... Вышелъ въ поле мальчикъ и залюбовался праздникомъ весны. Изъ подъ его ногъ вспорхнулъ жаворонокъ и взвился къ небу. Онъ понесъ туда, въ высь, свою звонкую весеннюю пѣсню. Пѣсня эта звучала радостью и очарованіемъ весны, она вселяла міръ и надежды на лучшее и звала въ безконечность“...

Мальчикъ восторженно слушалъ эту пѣсню. И только пышные маки, выросшіе на тучной землѣ, не поняли пѣсни жаворонка и осудили смѣлую птичку, которая не могла долго продержаться въ вышинѣ своими слабыми крылышками. Мальчикъ понималъ ее, и ободренный жаворонокъ снова поднялся къ небу, неся свой торжественный гимнъ къ солнцу и свѣту. А маки отъ стыда поблѣднѣли.

Прекраснъ орелъ въ стихотвореніи Полонскаго, увидѣвшій на горахъ подъ метелями, гдѣ лишь ели одни вѣчно зелены, какъ изъ разсѣлины выползаетъ змѣя, извивается, и на темномъ гранитѣ змѣиная чешуя серебромъ отливается...

У орла гордый взглядъ загорается: заиграло, знать, сердце орлиное. Смѣется орелъ надъ ея потугами, но змѣя проситъ умчать ее въ сферы надзвѣздныя. „Распахнулися крылья орлиныя; онъ прижалъ ее къ сердцу орлиному, полетѣлъ съ ней въ пространство холодное“... но змѣя его въ сердце ужалила.

Отвага, смѣлость, довѣрчивость и величіе — орлиныя свойства; они не доступны коварству и мрачному, разсчитанному злодѣйству.

Борьба и буря—вотъ счастье многихъ. О нихъ мечтаетъ Лермонтовъ въ стихотвореніи „Парусъ“: „Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури, надъ нимъ лучъ солнца золотой; а онъ, мятежный, проситъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой“.

Тѣми же настроеніями жилъ Мцыри, когда онъ заблудился въ лѣсу, стремясь на родину: „О, я, какъ братъ, обняться съ бурей былъ бы радъ, глазами тучи я слѣдилъ, рукою молнію ловилъ“... Радость жизни, радость свободы охватила несчастнаго Мцыри. И эта радость скрасила послѣдніе дни монаха.

Къ свѣтлому будущему зоветъ Языковъ: „Тамъ, за далью непогоды, есть блаженная страна; не темнѣютъ неба своды, не проходитъ тишина. Но туда выносятъ волны только сильнаго душой!.. Смѣло, братья! Бурей полный, прямъ и крѣпокъ парусъ мой“.

Привлекательны орлиныя думы, въ разсказѣ Богданова, о тѣхъ дняхъ свободы, когда леталъ орелъ надъ широкой степью, когда онъ жилъ раздольемъ и счастьемъ. И не можетъ ослабить мечты объ этомъ счастьѣ желѣзная клѣтка, о края которой временами стучатъ орлиныя крылья, готовыя къ полетамъ въ небо.

Личное настроеніе бодрости, которое воспитывается перечисленнымъ матеріаломъ, развертывается до размѣровъ всеобщаго блага въ стихотвореніи Плещеева: „Впередъ, безъ страха и сомнѣнья, на подвигъ доблестный друзья!

Зарю святого искупленья ужъ въ небесахъ завидѣлъ я! Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу руки и вмѣстѣ двинемся впередъ, и пусть подъ знаменемъ науки союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ".

И какъ бы въ дополненіе къ этому указываетъ дорогу сознательной жизни стихотвореніе Омулевскаго: „Свѣтаетъ товарищъ! Работать давай! Работы усиленной требуетъ край!.."

Во всемъ этотъ человѣкъ становится гражданиномъ, патріотомъ, и чувство любви къ родинѣ соединяется съ желаніемъ работать для развитія ея силъ.

VI.

Особенно остро чувствуется любовь къ родинѣ въ героическіе моменты, когда людямъ приходится жертвовать для нея своей жизнью, когда любовь къ родинѣ сталкивается съ чувствомъ любви къ человѣку. Педагогу не нужно бояться такихъ положеній, иначе настроеніе юношества пройдетъ мимо его воспитательнаго вліянія и можетъ вылиться въ своеобразныя формы, тѣмъ болѣе что дѣти любятъ читать сочиненія, въ которыхъ описываются военные ужасы. Мимо этого вопроса нельзя пройти какъ по этой причинѣ, такъ и потому, что оно—явленіе жизни. Однако и въ данномъ случаѣ на долю школы слѣдуетъ отнести лишь изученіе основныхъ явленій, полагая что жизнь сама по себѣ есть воспитательный факторъ. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ отнестись къ литературному матеріалу.

Въ войнѣ можно наблюдать разные моменты: увлеченіе, героизмъ, чувство долга, раздвоеніе человѣческой личности, нравственное паденіе и духовное возрожденіе, горе и радость. Необходимо разобраться во всемъ этомъ, чтобы ясно представить себѣ человѣка въ соприкосновеніи съ этой стороной жизни.

„Валерикъ“ Лермонтова рисуетъ общую картину войны. Она началась героическимъ воодушевленіемъ и окончилась картиною смерти, когда невольно напрашивается у автора мысль: „Жалкій человѣкъ... чего онъ хочетъ?.. Небо ясно, подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—но безпрестанно и напрасно одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?..“

У Пушкина, въ отрывкѣ „Полтавскій бой“, нѣтъ этого раздумья. Онъ въ исторической перспективѣ наблюдаетъ военныя дѣйствія, и въ громѣ пушекъ ему чудится лишь слава оружія, а въ самой битвѣ видитъ разрѣшеніе историческаго вопроса: кто будетъ владѣть берегами Балтійскаго моря и по какому пути пойдетъ дальнѣйшая культура Россіи. Вотъ почему понятенъ тотъ восторгъ и восхищеніе, съ которымъ онъ встрѣчаетъ извѣстіе: „Ура, мы ломимъ! гнутся шведы“.

Нѣтъ этой черты героизма въ „Севастопольскихъ разсказахъ“ Л. Толстого. Тамъ героизмъ выливается въ другія формы: безпрекословное подчиненіе тяжелой участи, безмолвность страданія и кажущаяся обыденность настроеній.

Толстой засталъ въ осажденномъ Севастополѣ какъ будто бы знакомую картину повседневной жизни. Вотъ солдатикъ ведетъ поить какую-то гнѣдую тройку и такъ спокойно мурлыкаетъ себѣ что-то подъ носъ, что, очевидно, онъ не заблудится въ разнородной толпѣ осажденнаго города, какъ будто бы для него и не существуетъ ея, что онъ исполняетъ свое дѣло, какое бы оно ни было—поить лошадей или таскать орудія—такъ же спокойно, самоувѣренно и равнодушно, какъ будто бы все это происходило гдѣ-нибудь въ Тулѣ или Саранскѣ. „Тоже выраженіе читаете вы и въ лицѣ этого офицера, который въ безукоризненно бѣлыхъ перчаткахъ проходитъ мимо, и въ лицѣ матроса, который куритъ, сидя на баррикадѣ, и въ лицѣ рабочихъ солдатъ, съ носилками дожидающихся на крыльцѣ бывшаго собранія, и въ лицѣ этой дѣвицы, которая, боясь

замочить свое розовое платье, по камешкамъ перепрыгиваетъ черезъ улицу".

Нѣтъ ни растерянности, ни суеты передъ лицомъ смерти и разоренія. Въ этомъ—черты героизма, простого и незамѣтнаго.

Дальше передъ вами перевязочный пунктъ и бастіоны. Вотъ тяжело раненый, у котораго оторвало ногу. Онъ спокойно разсказываетъ, что почувствовалъ боль лишь только тогда, когда „кожу натягивать стали, такъ саднило какъ будто. Оно первое дѣло, ваше благородіе, не думать ничего, какъ не думаешь, оно тебѣ и ничего. Все больше отъ того, что думаетъ человѣкъ".

Вотъ доктора съ окровавленными по локти руками и блѣдными, угрюмыми физіономіями, занятые около койки, на которой, съ открытыми глазами и говоря, какъ въ бреду, безсмысленныя, иногда простыя и трогательныя слова, лежитъ раненый, подъ вліяніемъ хлороформа.

А вотъ картина перемирія, когда солдаты враждующихъ армій подходятъ другъ къ другу весело раскурить трубку.

Но это, такъ сказать, массовый героизмъ. Въ характеристикѣ братьевъ Козельцовыхъ мы встрѣчаемся и съ героизмомъ личнымъ. Здѣсь выполненіе долга, тяжелаго и страшнаго. Таковы „Севастопольскіе разсказы".

Въ „Войнѣ" Мирбо нарисовалъ другой моментъ. На стражѣ стоитъ часовой. Передъ нимъ появляется верхомъ на лошади непріятельскій воинъ, развѣдчикъ. Онъ внимательно разглядывалъ мѣстность, и казалось, что онъ смотритъ больше какъ поэтъ, чѣмъ какъ солдатъ. Въ глазахъ его видна была любовь и восторгъ... Быть можетъ, плѣненный красотою яснаго утра, онъ забылъ, зачѣмъ онъ здѣсь. Этотъ прусакъ, пришедшій сюда съ кровавыми замыслами, съ благоговѣніемъ остановился передъ великолѣпіемъ рождающагося дня, и душа его, хоть на нѣсколько минутъ была полна любви. Вдругъ лицо его омрачилось. Онъ ду-

малъ о покинутомъ домѣ, дѣтяхъ, о женѣ, томящейся въ слезахъ и молитвѣ.

Солдатъ смотрѣлъ на этого человѣка, жалѣлъ его и любилъ... Но какъ это произошло? Раздался выстрѣлъ... Однимъ прыжкомъ часовой былъ около него... звалъ... но онъ былъ недвижимъ... Дрожащими руками приподнялъ его голову и сталъ жадно цѣловать окровавленныя губы...

Таковы люди.

Отрывокъ изъ „Войны и міра“ рисуетъ другой моментъ,— моментъ растерянности и паническаго ужаса. Это случилось, когда князь Андрей Болконскій былъ вблизи Кутузова, осматривавшаго позиціи. Французы появились неожиданно и обрушились на противниковъ, которые въ ужасѣ побѣжали. Спасались всѣ, давили другъ друга, каждый думалъ лишь о себѣ и о своей жизни. И какъ бы счастьемъ какимъ то пронеслось въ головѣ тяжело раненаго Андрея: „Какъ тихо, спокойно и торжественно, совсѣмъ не такъ, какъ я бѣжалъ, не такъ, какъ мы бѣжали, кричали и дрались“.,.

Въ „Войнѣ и мірѣ“ изображаются также и семейныя настроенія, напримѣръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ описывается впечатлѣніе, которое произведено было на домашнихъ письмомъ Николая Ростова. Молодой человѣкъ раненъ былъ во время сраженія и написалъ объ этомъ уже по выздоровленіи. Старый графъ со слезами радости читалъ это письмо. Плакала графиня и въ тоже время гордилась, что ея сынъ мужественный воинъ, одинъ безъ помощи и руководства, дѣлаетъ въ чужой землѣ какое то свое мужское дѣло.

Слезы бѣдныхъ матерей, которымъ „не забыть своихъ дѣтей, погибшихъ на кровавой нивѣ, какъ не поднять плакучей ивѣ своихъ поникнувшихъ вѣтвей“—описаны Некрасовымъ, а предсмертныя думы добраго молодца художественно изображены въ народной пѣснѣ: „Ужъ какъ палъ туманъ на сине море“. Кажется доброму молодцу, у кото

раго растворилась рана смертельная, что его добрый конь будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину и зоветъ его на родимую сторону, къ отцу, матери родимой, къ роду-племени, къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ. И какъ страшное противорѣчіе со всѣмъ этимъ, встаетъ передъ витяземъ роковой исходъ.

Въ разсказѣ Додэ „Ребенокъ шпіонъ“ описанъ другой моментъ. Маленькій мальчикъ оказался шпіономъ подъ вліяніемъ дурного товарища и той заброшенности, которая во время войны явилась естественнымъ явленіемъ. Онъ предалъ своихъ за деньги, чтобы играть въ калошу, не смотря на то, что нравственное чувство его возмущалось этимъ преступленіемъ. Хотя подъ вліяніемъ гибели родного города и тяжелаго горя отца, въ мальчикѣ болѣзненно проявилось раскаяніе, но ребенокъ погибъ, какъ гражданинъ, какъ человѣкъ и сынъ своего отечества.

Такимъ образомъ, перечисленный матеріалъ изображаетъ войну въ разныхъ моментахъ и положеніяхъ. Дѣти увидятъ здѣсь героизмъ, выдающійся и незамѣтный на первый взглядъ, увлеченіе и подавленность, раздвоенность душевныхъ переживаній человѣка и сына своей родины, историческія задачи и разореніе, горе и радости. Достаточно понять прочитанное, чтобы человѣкъ впослѣдствіи самостоятельно смогъ опредѣлить свое отношеніе къ такого рода событіямъ. Но было бы ошибочно избѣгать тѣхъ прекрасныхъ мечтаній, которыя мы находимъ по отношенію къ войнѣ у гуманистовъ разнаго времени. И стихотвореніе Апухтина: „Братьямъ“ можетъ ввести учащихся въ представленіе о возможномъ будущемъ: „Но, Боже! одинъ Ты, и вѣра одна, кровавая жертва тебѣ не нужна,—яви же борцамъ негодующій ликъ, скажи имъ, что міръ Твой хорошъ и великъ, и слово забытое братской любви въ сердцахъ, омраченныхъ враждой, оживи!“

VII.

Въ сторонѣ отъ настроенія и чувствъ человѣка стоятъ басни, хотя они въ своемъ содержаніи имѣютъ и то, и другое. Основное содержаніе басенъ Крылова — практическая мораль. Съ этой точки зрѣнія онѣ должны быть введены въ курсъ литературнаго чтенія, а такъ какъ мораль эта касается человѣка, то это и даетъ возможность составить изъ басенъ особый подотдѣлъ курса.

Слѣдуетъ выбрать такія басни, которыя написаны на темы наиболѣе общія, чтобы тѣмъ самымъ дать возможность учащимся познакомиться съ недостатками человѣка. Басня Обезьяна осмѣиваетъ трудъ безъ пользы и забавы, Гуси—чванство и почетъ за заслуги предковъ, Оселъ и соловей—невѣжество, Мельникъ—глупое скопидомство, Лжецъ—ложь; басня Прудъ и рѣка изображаетъ лѣность, Двѣ собаки—осуждаетъ награды не по заслугамъ, Волкъ и журавль—неблагодарность, Волкъ и котъ—практическій вредъ зла для самого человѣка, Левъ на ловлѣ—право сильнаго, Крестьяне и рѣка—взяточничество, Туча — указываетъ на необходимость пользы въ поступкахъ.

Басни Крылова возможно читать съ дѣтьми всякаго возраста, но обобщеніе ихъ слѣдуетъ сдѣлать въ курсѣ четвертаго класса, когда выясняется характеристика наиболѣе главныхъ писателей.

Изъ жизни крестьянъ и помѣщиковъ во времена крѣпостного права.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи курса литературнаго чтенія слѣдуетъ перейти къ изученію человѣческаго труда, причемъ главное вниманіе придется сосредоточить, конечно, на матеріальномъ трудѣ, какъ наиболѣе доступной формѣ для даннаго возраста. Художественная литература даетъ много

прекраснаго матеріала, относящагося, правда, сравнительно къ недавнему прошлому, но не утратившаго своего художественнаго значенія и теперь. Щедринъ, Гоголь, Тургеневъ и др. писатели въ яркихъ образахъ воскрешаютъ его передъ нами.

Дѣти увидятъ, какъ минувшія формы человѣческаго труда вліяли на складъ человѣческой личности, поймутъ народившуюся въ свое время потребность измѣненія этихъ формъ и сознательнѣе могутъ отнестись къ окружающей жизни.

Прежде всего слѣдуетъ остановиться на общей картинѣ, какъ протекалъ день въ помѣщичьей усадьбѣ. Иллюстраціей къ этому можетъ служить отрывокъ изъ „Пошехонской старины“ Щедрина.

Іюль въ началѣ; шестой часъ утра. Женская прислуга уже встала, убрала съ полу войлоки, собралась около стола и завтракаетъ. Рабочій день начался, но работа покуда идетъ вяло. Вдругъ въ рабочую комнату, какъ угорѣлая, вбѣгаетъ денщица и шепотомъ возглашаетъ: „Барыня! барыня идетъ!“

Въ дверяхъ показывается заспанная фигура барыни, нечесанной, немытой, въ засаленной блузѣ. Иногда она наградитъ нерадивыхъ пощечинами, а иногда все пройдетъ тихо.

Потомъ барыня отправляется въ кухню и долго бесѣдуетъ съ поваромъ, какъ бы поменьше истратить на сегодняшній обѣдъ, использовавъ остатки „вчерашняго“.

Такъ поступала Анна Павловна Затрапезная. Но этимъ не ограничивались ея заботы по дому. Нужно послать дѣвушекъ за малинами и строго слѣдить, чтобы онѣ не съѣли лишней ягоды; нужно нарядить мужиковъ на поиски бѣглаго солдата, который появился въ окрестностяхъ; стащить на сосѣднюю землю мертвое тѣло, найденное въ лѣсной опушкѣ; отдать распоряженія старостѣ, а въ серединѣ дня сладко всхрапнуть на пуховикахъ въ своей комнатѣ.

Анна Павловна очень экономна. Семью свою она кормитъ впроголодь. Естественныя богатства имѣнія не использованы. Въ саду растутъ разные фрукты, но мужъ ея Василій Порфирьевичъ рѣшается съѣсть только самый плохой персикъ, а все остальное заготовляется впрокъ, чтобы потомъ питаться опять-таки остатками отъ „вчерашняго“.

Анна Павловна жила будущимъ, но не разумно сознаннымъ, а стихійно подсказаннымъ. Она безсознательно все время только ожидала жизни, какой-то неясной, но богатой и почетной. Для этого она копила имущество, расширяла помѣстье, урѣзывала расходы, лишала свою семью хорошаго куска, скряжничала. Пользоваться настоящимъ она не умѣла. Ходила нечесаная, немытая.

Дѣтей своихъ она воспитываетъ отвратительно: у ней есть любимчики и постылые. Однимъ она даетъ лучшій кусокъ, а другихъ оставляетъ безъ сладкаго.

Не такъ жили Старосвѣтскіе помѣщики. Имъ не приходилось бороться за свое существованіе, какъ это было у Затрапезниковой. Домъ ихъ—полная чаша.

Передъ читателемъ живо встаютъ привлекательныя фигуры этихъ старичковъ, выросшія въ условіяхъ крѣпостного труда и довольства, когда не было нужды безпокоиться о завтрашнемъ днѣ, не требовалось изворотливости въ различнаго рода хозяйственныхъ предпріятіяхъ. Все шло какъ то само собой. Во время производились полевыя работы, во время заготовлялись большіе запасы. Благословенная Богомъ земля рождала всего въ такомъ изобиліи, что хватало на всѣхъ: и на помѣщиковъ, и на дворовыхъ, которые хотя и немилосердно воровали хозяйское добро, но не могли привести въ разстройство имѣніе. Во время пріѣзжали покупщики и избавляли старосвѣтскихъ помѣщиковъ отъ необходимости ѣздить въ городъ для торговыхъ надобностей.

Словомъ, крѣпостной земледѣльческій трудъ создавалъ

свой особый міръ у старосвѣтскихъ помѣщиковъ, изолированный и замкнутый. Дѣти могутъ убѣдиться въ этомъ не только на повѣсти Гоголя, а и на прочитанномъ уже ранѣе отрывкѣ изъ дѣтства Обломова.

Не удивительно поэтому, что интересы старосвѣтскихъ помѣщиковъ шли мимо широкихъ хозяйственныхъ предпріятій, а сосредотачивались на заботахъ о личныхъ удобствахъ. Старосвѣтскіе помѣщики жили въ удобныхъ и теплыхъ домикахъ, любили покушать. Потребность проявлять свои добрыя чувства создавала предупредительное отношеніе другъ къ другу и къ другимъ людямъ, а веселость нрава рождала шутки. При несомнѣнно прекрасныхъ качествахъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ (доброта, веселость характера, взаимная любовь и т. п.) мы наблюдаемъ полное отсутствіе дѣятельной жизни, дѣятельной любви и вытекающихъ отсюда поступковъ. У нихъ нѣтъ поступковъ, какъ нѣтъ и работы, почему понятна непрочность ихъ счастья, разрушеннаго пропажею кошки.

Здѣсь приходилось говорить о накопленіи богатствъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Другой моментъ отмѣчается Гоголемъ въ характеристикѣ Петра Петровича Пѣтуха. Въ патріархальную жизнь отдаленной деревни врывается новая струя въ видѣ двухъ гимназистовъ, сыновей Петра Петровича, и у послѣдняго является желаніе переѣхать въ Москву, чтобы пожить тамъ въ свое удовольствіе. Петру Петровичу предстоитъ серьезная опасность быстро спустить свое состояніе при его непомѣрномъ хлѣбосольствѣ и гостепріимствѣ. Пѣтухъ — удивительная натура. Отданный весь ѣдѣ, вращаясь въ интересахъ желудка, онъ радъ былъ каждому, кто могъ участвовать въ его праздникѣ насыщенія. И первый вопросъ его гостю былъ: обѣдалъ ли онъ. Все это создавало особенную атмосферу благодушія и веселости, которая поддерживалась наружнымъ видомъ самого хозяина, его ѣдой и послѣобѣденнымъ сномъ, когда

тучная собственность его превращалась въ кузнечный мѣхъ и издавала черезъ открытый ротъ и носовые продухи какой то отрывистый гулъ, и звуки барабана, и флейты. Поддерживалось это благодушіе и широкимъ весельемъ на зеркальной рѣкѣ, съ гребцами на катерѣ, который подъ безпредѣльно разливавшуюся пѣсню, стрѣлою мчался по неподвижной поверхности подъ дружными ударами двѣнадцати гребцовъ. Поддерживалась эта веселость и тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ Петръ Петровичъ заказывалъ своему повару новый обѣдъ, захлебываясь отъ восторга, присасывая и забирая въ себя воздухъ, когда только и раздавалось: „Да поджарь, да подпеки, да дай взопреть хорошенько“!

И на ряду съ такой дѣйствительностью, гдѣ сама жизнь хлещетъ черезъ строки романа, дѣти увидятъ скучающую фигуру Платонова. Это уже провозвѣстникъ новаго направленія въ жизни, провозвѣстникъ той полосы, которая начинается Онѣгинымъ, продолжается Рудинымъ и т. д. Но у Гоголя нѣтъ матеріала для разносторонней характеристики этого новаго человѣка. Поэтому дѣтямъ придется лишь указать на самый фактъ проявленія скуки Платонова, пользуясь этимъ пока главнымъ образомъ какъ контрастомъ для выясненія личности Пѣтуха.

Но само собой разумѣется, особенности крѣпостного земледѣльческаго труда были чрезвычайно многообразны, и у Гоголя же мы найдемъ и иное ихъ отраженіе. Передъ нами Коробочка. Она не владѣетъ тѣми богатствами, какія сосредоточены были въ рукахъ Афанасія Ивановича или Петра Петровича. И потому Коробочка вынуждена сама вести торгъ съ покупщиками холста, пеньки, шерсти и прочихъ продуктовъ. Иначе она принимаетъ и Чичикова, который впрочемъ и самъ беретъ съ нею совсѣмъ особенный тонъ, полупренебрежительный, полупокровительственный. Коробочка смотритъ на своего гостя съ точки зрѣнія

тѣхъ хозяйственныхъ выгодъ, которыя могутъ содѣйствовать приращенію ея невысокихъ доходовъ. Коробочка боится, какъ бы не провелъ ее на цѣнѣ незнакомый покупщикъ и не продешевитъ ли она, продавая мертвыя души. Словомъ, въ Коробочкѣ мы не находимъ тѣхъ привлекательныхъ чертъ широкой натуры, которыя наблюдали у Пѣтуха, не находимъ и тѣхъ обворожительныхъ качествъ, которыя видимъ у старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Здѣсь нарисовано Гоголемъ типичное скопидомство, которому дано такъ удачно имя коробочки.

Въ характеристикѣ Плюшкина Гоголь изобразилъ всю ту мерзость запустѣнія, которая создалась подъ вліяніемъ уродливаго развитія скупости. Основаніемъ этого явился опять таки и крѣпостной земледѣльческій трудъ. Подъ вліяніемъ смерти жены и одной изъ дочерей, подъ вліяніемъ замужества второй дочери и непокорности сына, Плюшкинъ сталъ ко всѣмъ относиться недовѣрчиво. И хозяйственныя заботы подавили его своей мелочностью. Плюшкинъ сдѣлался скрягой. А между тѣмъ хозяйство его росло попрежнему. Такой же оброкъ долженъ былъ принести каждый мужикъ. Такимъ же поставомъ холста была обложена всякая баба. И неудивительно, что богатства Плюшкина гнили, накоплялись, опять гнили, и опять создавались. Фигура Плюшкина чрезвычайно ярко вырисовывается въ разговорѣ его съ Чичиковымъ, въ желаніи продать мертвыя души, въ угощеніи настойкой и кренделемъ и, наконецъ, въ желаніи подарить своему гостю на память испорченные часы.

Ненужность науки для такого уклада трудовой жизни показана Фонвизинымъ въ „Недорослѣ“. Ученье Митрофанушки—одна комедія. Такъ къ ней относится самъ ученикъ и его мамаша. Г-жа Простакова живетъ своей особой философіей: нашелъ деньги—всѣ себѣ бери, ни съ кѣмъ не дѣлись, а потому и ариѳметическая задача такого рода — глупое упражненіе. Великолѣпны знанія Митрофанушки

по грамматикѣ, по исторіи, географіи. Дѣти много смѣются надъ всѣмъ этимъ. И потому „Недоросль“ Фонвизина вноситъ въ классныя занятія бодрость и веселое настроеніе. Послѣднее очень важно, тѣмъ болѣе что основное содержаніе отдѣла нельзя считать жизнерадостнымъ; и только удивительный юморъ Гоголя открываетъ возможность говорить о темныхъ сторонахъ недавняго прошлаго, смѣясь и увлекаясь.

Но если перейти къ характеристикѣ крестьянскаго быта, то въ соотвѣтствующихъ литературныхъ произведеніяхъ мы встрѣтимъ меньше юмора и не создадимъ въ классѣ веселаго настроенія; тогда слѣдуетъ противопоставить мрачнымъ картинамъ надежду на лучшее будущее, а тѣмъ самымъ вселить въ юношахъ вѣру въ жизнь.

Крестьянскій трудъ, въ наиболѣе лучшихъ условіяхъ его развитія, нарисованъ Терпигоревымъ въ романѣ „Потревоженныя тѣни“. Беремъ отрывокъ изъ этого романа: „Въ раю“. Оказывается, что у заботливаго помѣщика, хорошаго хозяина, въ крестьянскомъ быту можно было наблюдать довольство и даже богатство. Многіе мужики хотѣли даже откупиться отъ помѣщика за очень большія деньги, что подтверждало ихъ счастливое положеніе. Въ такомъ же блестящемъ видѣ жили и дворовые, у которыхъ были свои собственныя избы, свой скотъ, коровы, свиньи, овцы, у нѣкоторыхъ даже лошади и земля.

Во всемъ этомъ мы наблюдаемъ разумную постановку труда, который былъ основанъ на признаніи помѣщикомъ чужихъ интересовъ, хотя бы только въ матеріальной ихъ сторонѣ.

Въ другомъ отношеніи описываемая усадьба не представляла исключенія изъ ряда другихъ. Это духовный міръ людей. Крестьянамъ давали возможность безбѣдно жить, но личное горе ихъ не трогало помѣщика. Такъ было со „слѣпенькими“. „Слѣпенькіе“ жили въ отдѣльномъ

домикѣ, но то не могло замѣнить имъ потерю зрѣнія, котораго онѣ лишились, вышивая приданое для молодой барышни. И только грядущее освобожденіе крестьянъ, какъ то сказано у Терпигорева, положило конецъ условіямъ, создававшимъ „слѣпенькихъ“ дѣвушекъ.

Въ томъ же эпизодѣ можно наблюдать пробужденіе жалости къ дворовому человѣку у дѣтей помѣщика, увидѣвшихъ страданіе. И этимъ тоже создается противовѣсъ мрачному настроенію учащихся.

Въ разсказѣ Тургенева, Бирюкъ, нарисована бѣдность крестьянина и отчаяніе. Именно въ такомъ настроеніи несчастный мужикъ поѣхалъ въ господскій лѣсъ воровать барское дерево. Но горемыка былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія другимъ бѣднякомъ и такимъ же горемыкою, который исполнялъ обязанности лѣсного сторожа. Не смотря на тяжелую картину бѣдности, разсказъ этотъ производитъ жизнерадостное настроеніе, потому что здѣсь показано торжество человѣческаго духа, не погибшаго въ несчастіяхъ и бѣдности. Бирюкъ нашелъ въ себѣ силы подняться выше педантичнаго исполненія своихъ обязанностей, онъ возвысился до глубокаго пониманія жизни, почувствовалъ обязанности человѣка и спасъ несчастнаго крестьянина, отпустивши на волю.

Не такое впечатлѣніе производитъ „Муму“ Тургенева. Здѣсь мы видимъ человѣка, жизнь котораго была совершенно исковеркана крѣпостнымъ правомъ, и даже не помѣщицей, а именно крѣпостнымъ правомъ. Герасимъ сначала работалъ въ деревнѣ и крестьянскій трудъ спорился въ его рукахъ. Потомъ его перевели въ городъ дворникомъ. Въ этомъ заключалось его первое горе, такъ какъ Герасимъ смотрѣлъ на свои новыя обязанности, какъ на несерьезное дѣло. И вотъ у этого человѣка, оторваннаго отъ земли и деревни, растетъ все сильнѣе и сильнѣе потребность дружбы и ласки. Сначала онъ переноситъ ее на забитую прачку Татьяну,

такого же несчастнаго человѣка, а потомъ на Муму. Когда Герасимъ лишился своихъ друзей, онъ сильно страдалъ, и только возвращеніе въ деревню, къ любимымъ занятіямъ, спасло жизнь этого человѣка.

Тяжелая жизнь въ крѣпостной деревнѣ нарисована Некрасовымъ. „Вотъ пріѣдетъ баринъ—баринъ насъ разсудитъ!“ Эта фраза была спасительной надеждой для бабушки Ненилы, которая не могла получить лѣса отъ бурмистра Власа—починить избенку. Эта надежда была и у другихъ крестьянъ, приходилось ли имъ тягаться изъ за землицы или по другому поводу. И баринъ пріѣхалъ похоронить въ усадьбѣ своего родителя. „Стараго отпѣли, новый слезы вытеръ, сѣлъ въ свою карету—и уѣхалъ въ Питеръ“.

Противовѣсомъ мрачному настроенію этого стихотворенія должно явиться другое, напримѣръ „Картинка“ Майкова: „Посмотри, въ избѣ мерцая, свѣтитъ огонекъ; возлѣ дѣвочки малютки собрался кружокъ“. Дѣвочка читаетъ про желанную свободу дорогую вѣсть. Мужички въ глубокой думѣ слушаютъ, молчатъ... И всѣ чуютъ надъ собою зарю новыхъ дней. Надежда на лучшее сквозитъ во многихъ мѣстахъ у Некрасова и въ частности въ отрывкѣ изъ „Кому на Руси жить хорошо“, который начинается словами: „Въ минуты унынья, о родина—мать, я мыслью впередъ улетаю. Еще суждено тебѣ много страдать, но ты не погибнешь, я знаю“.

Въ стихотвореніи Майкова „Поля“ нарисованы два міра: отжившій укладъ жизни, какъ онъ представлялся дворовому, и неясныя, но привлекательныя черты будущаго, какъ онѣ чувствовались молодымъ ямщикамъ. Дворовый былъ недоволенъ освобожденіемъ, потому что оно лишило его тѣхъ привилегій, какими онъ пользовался въ кругу челяди помѣщика, не доволенъ онъ былъ и тѣмъ разореніемъ усадьбы, которое случилось послѣ освобожденія. И непонятны ему стремленія молодого крестьянина: „куда глядятъ, чего

хотятъ?“ „Чего?“ тотъ началъ было вслухъ... „да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ, да вдругъ какъ свиснетъ во весь духъ,—и тройка ринулась впередъ! Впередъ—въ пространство безъ конца! Впередъ—не внемля ничему! То былъ отвѣтъ ли молодца, и кони ль вторили ему, но мы неслись“... „Куда жъ те дьяволъ мчитъ?“—вдругъ сорвалось у старика. А тотъ летитъ, лишь вдаль глядитъ, а даль-то, даль—какъ широка!..“

Некрасовъ посвящаетъ теплыя строки одному изъ дѣятелей эпохи освобожденія, Н. А. Милютину: „Чуть колыхнулось болото стоячее, ты ни минуты не спалъ. Лишь не остыло бъ желѣзо горячее, ты безъ оглядки ковалъ“... Это стихотвореніе учитъ дѣтей быть гражданиномъ, какимъ былъ тотъ кузнецъ-гражданинъ, которому посвящаетъ Некрасовъ свое стихотвореніе.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ отдѣлѣ дѣти могутъ получить представленіе о недавнемъ прошломъ нашей родины. Они увидятъ, какой громадный шагъ впередъ сдѣлала страна въ своемъ развитіи, когда появились новыя формы свободнаго труда. Не возможны стали и тѣ типы Гоголя, которые воспитаны были крѣпостнымъ правомъ, уничтожилось то уныніе, которое разливалось широкой волной въ деревнѣ, открылись надежды на лучшее будущее. Само собой разумѣется, что именно въ этомъ отдѣлѣ преподавателю придется широко использовать внѣклассное чтеніе учащихся, такъ какъ многія стороны крѣпостного быта могутъ быть лучше поняты лишь при его содѣйствіи. Сюда войдутъ многіе разсказы изъ „Записокъ Охотника“ Тургенева, „Дѣтскіе годы Багрова внука“ Аксакова, „Скрипачъ“ Зарина, „Передъ разсвѣтомъ“ Авенаріуса и проч.

Изъ жизни деревни.

Отъ недавняго прошлаго легко перейти и къ настоящему, оставаясь въ предѣлахъ того же труда. Дѣти готовятся къ трудовой жизни и съ матеріальнымъ трудомъ имъ придется столкнуться или непосредственно, или посредственно. Кромѣ того, формы матеріальнаго труда наиболѣе просты и переживанія, съ ними связанныя, наиболѣе доступны учащимся, а потому эта сторона человѣческаго быта предпочтительнѣе, чѣмъ другія, должна входить въ курсъ литературнаго чтенія.

Общую картину деревни находимъ въ стихотвореніи Бальмонта „Родная картина“: „Стаи птицъ. Дороги лента. Повалившійся плетень“. Эта картина однообразна и печальна, но ее нужно полюбить, чтобы вообще любить родину.

Въ отрывкѣ Л. Толстого, гдѣ описывается посѣщеніе деревни Нехлюдовымъ, изображается крестьянскій трудъ въ страдную пору. У воротъ, мимо которыхъ проходилъ Нехлюдовъ, его остановили со скрипомъ выѣзжавшія изъ дворовъ телѣги, высоко нагруженныя ушлепаннымъ навозомъ съ наложенной на него рогожкой для сидѣнья. Шестилѣтній мальчикъ босикомъ шелъ за возомъ. Слѣдующую лошадь выводилъ худой бодрый старикъ, тоже босикомъ, съ выдающимися на спинѣ худыми кострецами.

Нехлюдовъ вошелъ въ одну избу, осматривалъ немудреную пищу, узналъ, что своего хлѣба не хватаетъ у нихъ, что отъ этого такъ и жить приходится.

Въ этомъ отрывкѣ Толстого нарисована бѣдность. Было бы ошибочно закрывать на нее глаза въ курсѣ литературнаго чтенія, но, само собой разумѣется, односторонне было бы остановиться только на этомъ моментѣ.

Привлекательную сторону крестьянской жизни, стоящей такъ близко къ природѣ, можно видѣть въ разсказахъ Тур-

генева и того же Толстого. Въ „Бѣжинѣ лугѣ“ нарисовано трудовое дѣтство. Хотя этотъ разсказъ и относится ко времени крѣпостного права, но совсѣмъ не имѣетъ его специфическихъ чертъ; почти цѣликомъ примѣнимъ онъ и къ настоящему времени, представляя собой художественную характеристику крестьянскихъ мальчиковъ, ихъ интересовъ, развитія и близости къ природѣ.

Крестьянскіе мальчики пасли табунъ лошадей. Короткую лѣтнюю ночь проводили они вокругъ огня и развлекали другъ друга разсказами о предзнаменованіяхъ, о нечистой силѣ, о колдовствѣ. Со всѣмъ этимъ забавно переплеталось у нихъ представленіе о природѣ, какъ о носительницѣ непонятнаго, хотя здоровый умъ одного изъ мальчиковъ, Павлуши, и пытался дать объясненіе многимъ явленіямъ. Костѣ слышится изъ бучила болѣзненный стонъ погибшаго лѣсника, а Павлуша находитъ здѣсь только жалобный крикъ лягушекъ; Илюша съ захватывающимъ вниманіемъ слѣдитъ за разсказомъ о Тришкѣ, а Павлуша относится къ нему скептически; только идеализмъ Вани можетъ сравниться по своей искренности съ здоровымъ раціоналистическимъ настроеніемъ Павла.

Въ жизни всѣхъ этихъ дѣтей мы видимъ непосредственность впечатлѣній, глубину переживаній и искренность чувства. Природа ихъ воспитатель. И съ природой они дышутъ одною жизнью.

Въ стихотвореніи „Крестьянскія дѣти“ Некрасова находимъ уже не трудъ, а забаву. Она поглощаетъ вниманіе маленькихъ шалуновъ, когда тѣ наблюдаютъ охотника, расположившагося на отдыхъ въ амбарѣ, когда обступятъ прохожаго, слушаютъ сказку про мордву, черемиса, собираютъ въ лѣсу грибы, поймаютъ ежа, наберутъ всякихъ ягодъ. Къ нимъ даже и трудъ обернется сначала нарядной своей стороной. Дѣти наблюдаютъ полевыя работы, а когда случится самимъ принять въ нихъ участіе, то это доставляетъ боль-

шое удовольствіе, будетъ ли то торжественный въѣздъ въ деревню на высокомъ возу душистаго сѣна, или исполненіе обязанностей дровосѣка въ студеную, зимнюю пору.

Пора сѣнокоса—самое веселое время среди страднаго лѣта. Этой порѣ посвящено много стиховъ. Къ числу ихъ относится и стихотвореніе Сурикова: „По лугамъ идутъ работы въ утреннія росы; только зорюшка займется, звякаютъ ужъ косы".

Лѣтняя пора описана въ разсказѣ Л. Толстого: Ягоды. Здоровое, непосредственное чувство и близость къ природѣ всюду разлиты въ этомъ сочиненіи. Если въ предыдущемъ разсказѣ Толстого, Деревня, мы видѣли грустные мотивы, то здѣсь, наоборотъ, преобладаетъ жизнерадостное настроеніе и не потому, чтобы авторъ описывалъ иныхъ людей; нѣтъ, взятъ лишь другой моментъ ихъ жизни. Деревня отправилась за ягодами. Молодые люди разсыпались по лѣсу. Акулина гдѣ то потеряла своего малаго, а тотъ уютно заснулъ подъ кустомъ, и только сердитая птица, защищая своихъ птенцовъ, отзывалась на могучій храпъ Мишки. Тамъ дѣтвора спугнула косого, тамъ напали на цѣлое море ягодъ.

Такимъ образомъ этотъ разсказъ Толстого — жизнерадостная картинка и въ этомъ его значеніе: онъ можетъ служить противовѣсомъ мрачному настроенію предыдущаго.

Настолько же здоровымъ и жизнерадостнымъ чувствомъ проникнуто стихотвореніе Кольцова: „Урожай", гдѣ авторъ описываетъ условія и характеръ земледѣльческаго труда. Природа и человѣкъ слились здѣсь въ гармоніи: благодатный дождь подготовилъ землю, а упорный трудъ человѣка возрастилъ на ней выше пояса рожь зернистую. И только какъ исключеніе кое-гдѣ стоитъ несжатая полоса (стих. Некрасова): „грустную думу наводитъ она". Колосья склоняются до самой земли и спрашиваютъ другъ у друга: „Гдѣ же нашъ пахарь? Чего еще ждетъ?" Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ: „вашему пахарю моченьки нѣтъ"...

Въ разсказѣ „Крестьянская жизнь“ Муйжеля съ земледѣльческимъ трудомъ соприкасаются и другія стороны быта. Здѣсь мы видимъ, какъ земледѣльческій строй крестьянской жизни нарушается, когда изъ него исчезаетъ хотя бы одно звено. При нормальномъ укладѣ производится опредѣленная земельная запашка, держатъ необходимое число скота, но стоитъ лишь только сократиться рабочей силѣ, какъ гармонія жизни нарушена. Въ разсказѣ Муйжеля внѣшней причиной сокращенія рабочей силы является созывъ ополченія, куда долженъ поступить одинъ изъ членовъ описываемой крестьянской семьи. Всѣ члены семейства горько плакали, разставаясь съ солдатомъ, какъ будто предчувствовали, что распорядокъ ихъ жизни долженъ потерпѣть серьезное испытаніе. И не выдержали борьбы съ другою бѣдой, которая безпощадно подходила ужъ въ видѣ неурожая хлѣбовъ. Одну за другой продали лошадь, корову... А тамъ пошли изъ деревни люди добывать заработками въ чужихъ мѣстахъ.

Въ сказкѣ Щедрина „Коняга“ природа обрисована мачехой не только для людей; мачехой она является и для животнаго, которое тянетъ безконечную лямку тяжелаго, нуднаго труда, безъ отдыха и надежды.

Эта сказка наводитъ на размышленія: если подойти къ земледѣльческому труду съ его прозаической стороны, то увидимъ тяжесть и горе, но если посмотримъ на него въ минуты обобщающаго раздумья или личнаго подъема, то наше настроеніе вызоветъ въ воображеніи другія картины. Обобщающее раздумье создало у Никитина его стихотвореніе — Соху: „Ты соха ли наша матушка, горькой бѣдности помощница, неизмѣнная кормилица, вѣковѣчная работница!“ Личный подъемъ отразился на настроеніи косаря Кольцова: „Раззудись, плечо! Размахнись, рука! Ты пахни въ лицо вѣтеръ съ полудня“!..

Но разстройство земледѣльческаго быта было бы одно-

сторонне объяснить только случайными бѣдствіями. Въ разсказѣ Ернефельта „Сѣнокосилка“ мы видимъ и другое объясненіе. На смѣну старыхъ формъ натуральнаго хозяйства является промысловый трудъ съ примѣненіемъ машинной силы. Крестьяне съ ненавистью встрѣтили сѣнокосилку, такъ какъ она многихъ лишала заработка, требуя для той же работы меньше рабочихъ рукъ. Понятны чувства крестьянъ, которые вслѣдствіе этого обречены на всевозможныя случайности въ поискахъ другой работы, гдѣ можетъ быть и не легко будетъ приспособиться къ новымъ формамъ труда. Эта категорія людей, вытѣсняемая изъ деревни, появилась сравнительно недавно, вмѣстѣ съ новыми формами земледѣльческаго быта. Кромѣ чистаго типа крестьянина-земледѣльца, въ деревнѣ въ разныя времена можно было встрѣтить бобыля и нищаго. Тому и другому посвящены стихотворенія Никитина: Бобыль и Нищій. Эти стихотворенія различны по своему характеру. Бобыль нѣсколько иронически, съ удалью, относится къ своей одинокой жизни, а къ нищему поэтъ вызываетъ сочувствіе читателя, обращая вниманіе его на тяжесть труда, который низводитъ на степень нищаго каждаго человѣка съ плохимъ достаткомъ.

Тотъ же мотивъ сочувствія звучитъ въ „Калистратѣ“ Некрасова и въ стихотвореніи его: „Въ полномъ разгарѣ страда деревенская“. Въ первомъ случаѣ мы видимъ стоическое отношеніе къ несчастью со стороны самаго крестьянина, а во второмъ—тяжелую участь крестьянской женщины.

Наконецъ въ отрывкѣ Некрасова: „Смерть Прокла“ передъ читателемъ проходитъ несложная исторія одной крестьянской жизни, обыкновенной и типичной, бокъ о бокъ съ Савраской. Эта жизнь вызываетъ слезы. Вызываются они и непосредственнымъ воспріятіемъ народной лирики.

Когда услышишь народную пѣсню, то невольно почувствуешь въ ней горе и страданіе, видно свою вѣковую

кручину пахарь въ нее перенесъ, будетъ ли то пѣснь про „лучину“, или про „бѣлы снѣга“.

Изъ жизни рабочихъ.

Въ „Сѣнокосилкѣ“ Ернефельта и „Крестьянской жизни“ Муйжеля дѣти видѣли, какъ необходимость заставляетъ людей порывать съ земледѣльческимъ трудомъ и искать работы въ другомъ мѣстѣ. Цѣлый рядъ разсказовъ рисуетъ положеніе человѣка въ условіяхъ промысловаго и ремесленнаго труда. А потому есть возможность раскрыть учащимся душевный міръ человѣка, какъ онъ складывается подъ вліяніемъ его занятій, чтобы ученики могли сознательно относиться къ жизни, участниками которой имъ приходится быть. Тяжелый трудъ, поиски работы, экономія времени... все это показываетъ дѣтямъ значеніе труда и учитъ ихъ съ уваженіемъ относиться къ работѣ. А сочувственное отношеніе къ пасынкамъ жизни, какими, напримѣръ, являются „Ванька“ Чехова, „Петька“ Андреева, „Прошка“ Мамина-Сибиряка и др., вызываютъ сочувствіе къ чужому горю, выхваченному прямо изъ жизни.

Трудъ есть источникъ существованія. Общую картину массоваго труда находимъ въ Некрасовскомъ стихотвореніи „На Волгѣ“. Здѣсь нарисованы картины волжскихъ бурлаковъ. „Почти пригнувшись головой къ ногамъ, обвитымъ бичевой, обутымъ въ лапти, вдоль рѣки ползли гурьбою бурлаки, и былъ невыносимо дикъ и страшно ясенъ въ тишинѣ ихъ мѣрный, похоронный крикъ—и сердце дрогнуло во мнѣ“. Тутъ происходитъ тяжелая работа изъ-за куска хлѣба. Имѣется она и въ другихъ мѣстахъ. Вотъ, напримѣръ, на высокихъ лѣсахъ упорно работаетъ каменьщикъ, въ разсказѣ Франко. Онъ чѣмъ-то провинился и надсмотрщикъ отказываетъ ему отъ мѣста. Тотъ пережи-

ваетъ тяжелую драму: не будетъ работы—не будетъ и хлѣба а на плечахъ у него семья, которую нужно содержать своими трудами. Ни просьбы, ни мольбы не могли возвратить каменьщику потерянной работы. Наконецъ онъ рѣшается на послѣднее средство: путемъ угощенія вернуть расположеніе надсмотрщика. Однако надсмотрщикъ и послѣ этого остался при своемъ прежнемъ рѣшеніи.

Въ этомъ разсказѣ дѣти сталкиваются съ несправедливостью. Едва ли слѣдуетъ держать ихъ въ невѣдѣніи относительно этой стороны жизни: она существуетъ, и все дѣло въ томъ, чтобы дѣти могли сознавать, что въ самыя тяжелыя минуты человѣкъ не долженъ утрачивать надежду найти правду; если же въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ не найдетъ ея, то такое явленіе дѣти должны объяснить или неблагопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, или особымъ несчастіемъ, но отнюдь не возводить въ общее правило.

Разсказъ Франко какъ разъ описываетъ случай, гдѣ рабочій не нашелъ правды, но онъ и не искалъ ея настойчиво, а лишь только просилъ милости. Этотъ разсказъ приковываетъ къ себѣ вниманіе, однако, не этой стороной, а тяжелымъ состояніемъ безработнаго человѣка, у котораго дома осталась семья безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Настойчивыя поиски работы находимъ и у Золя, въ описаніи углекоповъ. Первоначально не везло Этьену и только случайно удалось ему получить хотя и не подходящее мѣсто, но безработный не можетъ выбирать родъ занятій, а долженъ пользоваться моментомъ. Такъ поступилъ и Этьенъ. Золя описываетъ шахту и характеръ работы по добыванію угля. Трудная эта работа, но потребность заработка, борьба за существованіе заставляетъ людей проводить подъ землею значительную часть жизни, среди вѣчной тьмы, которая лишь на близкомъ разстояніи разрывается тусклымъ лучемъ рабочей лампы; высокая температура, удушливые газы, капли воды... все это заставляетъ

страдать даже привычнаго человѣка, а что же сказать о новичкѣ.

Тяжелыя условія фабричнаго или ремесленнаго труда приходится наблюдать не только въ жизни взрослыхъ, а и въ жизни дѣтей. Ванька Чехова, напримѣръ, даетъ тому яркую картину. Живетъ онъ у сапожника, не доѣдаетъ, не досыпаетъ, учится мало, а больше терпитъ помыкательства и обиду: не сумѣетъ очистить селедки—хозяйка сунетъ ему ею въ лицо; заснетъ, сидя у колыбели, качая младенца—и колотушки сыплятся на его голову. Тяжело было жить Ванькѣ у сапожника, и вотъ онъ рѣшилъ написать „на деревню дѣдушкѣ", чтобы тотъ взялъ его домой, хотя коровъ пасти. Въ воображеніи Ваньки мелькаютъ одна за другой привлекательныя картины ранняго дѣтства, такъ не похожія на горемычное житье у сапожника, и хочется ему къ дѣдушкѣ, гдѣ привольно живется среди лѣсовъ и полей.

Нѣчто подобное находимъ и въ разсказѣ Андреева: Петька на дачѣ. Этотъ мальчикъ живетъ въ парикмахерской и пока еще только подаетъ мастерамъ для бритья воду. Петька плохо живетъ. Онъ похожъ на состарившагося карлика. Но вотъ ему улыбнулось счастье и мальчикъ гоститъ на дачѣ у своей матери, которая служитъ въ кухаркахъ у одного барина. Петька совершенно преобразился: въ глазахъ у него мелькала мысль и появились желанія. Рѣчка, поле и лугъ заполнили его время. Но счастье продолжалось недолго: Петьку потребовали въ парикмахерскую. И опять потянулись для него скучные тяжелые дни, безъ свѣта, безъ ласки, безъ участія.

Прошка въ разсказѣ Мамина-Сибиряка, Вертелъ, раздѣляетъ приблизительно такую же участь. Гранильная мастерская, гдѣ онъ работаетъ, полна грязи и тончайшей каменной пыли, которая подрываетъ здоровье и преждевременно отнимаетъ жизнь. Въ такой обстановкѣ Прошка съ утра до вечера вертѣлъ колесо, приводящее въ движеніе

машину для граненія камней. Случайно встрѣтилась на жизненной дорогѣ этого несчастнаго мальчика богатая барыня, которая пріѣхала въ мастерскую показать своему сыну трудъ рабочаго. Прошка сталъ бывать въ домѣ этихъ людей, началъ учиться грамотѣ, но вскорѣ прекратилъ эти посѣщенія, потому что серьезно заболѣлъ и больше уже не всталъ.

Таковы картины дѣтскаго ремесленнаго и фабричнаго труда. Къ нимъ вызывается приведенными выше разсказами сочувственное отношеніе со стороны читателя, ими раскрывается передъ дѣтьми реальная жизнь, гдѣ есть и горе и счастье.

Изъ русской исторіи.

Отдѣлъ изъ русской исторіи является естественнымъ дополненіемъ курса литературнаго чтенія. Онъ преслѣдуетъ одновременно двѣ цѣли: во-первыхъ, даетъ героическій матеріалъ, иллюстрирующій конкретными образами реальную жизнь, во-вторыхъ, устанавливаетъ связь настоящаго съ прошлымъ.

Дѣти увидятъ, что въ прошломъ имѣли мѣсто не только событія, представляющіяся часто какими-то отвлеченными явленіями, а и настроенія, и душевныя переживанія людей. Въ такомъ случаѣ прошлое оживаетъ въ дѣтскомъ сознаніи и яснѣе вырисовывается прогрессъ жизни, какъ вѣчное развитіе основныхъ сторонъ народнаго быта.

Народная словесность, естественно, даетъ богатый матеріалъ для класснаго чтенія. Передъ дѣтьми проходятъ одинъ за другимъ могучіе богатыри, выясняя тѣ или другія стороны прошлаго.

Вотъ выѣзжаетъ на Святую Русь Святогоръ богатырь, не съ кѣмъ ему силой помѣряться, а заиграла силушка по жилочкамъ, такъ вотъ живчикомъ и переливается. Это мо-

гучій богатырь: палицу свою онъ закидываетъ выше облака ходячаго, но не догнать ему Микулы Селяниновича, который идетъ ровною походкой, впередъ не наступываетъ; не поднять ему съ земли сумочки переметной, которую Микула легко за плечами несетъ. Какъ ни могучъ Святогоръ, а Микула сильнѣе его. Въ этомъ чувствуется преклоненіе передъ народнымъ могуществомъ, выражающемся въ земледѣльческомъ трудѣ крестьянина, который подымаетъ тягу земную, какъ перышко.

Образъ Микулы Селяниновича тѣсно связанъ съ землею и съ земледѣльческимъ трудомъ. Онъ пашетъ землю на своей лошадкѣ соловоей, сошка у него кленовая, гужики шелковые. Во всемъ этомъ сквозитъ невыразимая любовь къ труду, показателемъ чего являются даже такіе внѣшніе признаки, какъ шелковые гужики, да и самое названіе орудій труда всюду опредѣляется ласкательнымъ именемъ. Микула—титаническій образъ: онъ играючи обращается со своею сошкою, а между тѣмъ вся дружина Вольги Всеславьевича не можетъ сошку изъ земельки повыдернути, изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути. Микула не замыкается, однако, только въ одну сферу земледѣльческаго труда. Онъ ѣдетъ съ Вольгою къ мужикамъ—гурчевцамъ и орѣховцамъ—помогать Вольгѣ дань собирать. Это истинный хозяинъ земли, который умѣетъ управиться и въ томъ, и въ другомъ случаѣ.

Вольга Всеславьевичъ беретъ не столько силою, сколько хитростью и разумомъ. Онъ умѣетъ обертываться щукой-рыбою, птицей-соколомъ и сѣрымъ волкомъ. Это искусство Вольга сумѣлъ использовать въ интересахъ своей дружинушки хораброей, которая вмѣстѣ съ нимъ дѣлала свое историческое дѣло защиты родины.

Илья Муромецъ соединяетъ въ своемъ лицѣ начало крестьянское и дружинное. Онъ сидѣлъ сиднемъ ровно тридцать лѣтъ, но калики перехожіе дали ему чудеснымъ

образомъ силу великую. Получивъ у своего батюшки благословеніе дѣлать добрыя дѣла: „не помысли зломъ на татарина, не убей въ чистомъ полѣ христіанина“,—Илья становится общественнымъ и государственнымъ дѣятелемъ: онъ сокрушаетъ силу могучаго Соловья-разбойника, убиваетъ Поганое Идолище. Это безкорыстный заступникъ отечества и поборникъ славы Владимира—Краснаго Солнышка.

Иной характеръ носятъ былины Новгородскія про Садко-купца. Въ нихъ тоже отразилась своеобразная жизнь Великаго Новгорода съ его торговыми дѣлами и миѳологическими воззрѣніями. Садко дѣлается купцомъ и пріобрѣтаетъ богатства при помощи Ильмень-озера, а богатствамъ этимъ и смѣты нѣтъ, такъ что не можетъ спорить съ нимъ Великій Новгородъ ни своими товарами, ни заморскими. Но Садко-купецъ—новгородскій гость, и богатъ не онъ, а Новгородъ, всякими товарами заморскими, черепанами, горшками битыми.

Путешествіе Садко по Ильмень-озеру чревато было крупными послѣдствіями. Его потребовалъ къ себѣ поддонный царь, пировавшій въ своихъ палатахъ на днѣ морскомъ, выдавая свою дочку замужъ въ океанъ-море. Все здѣсь полно поэзіи и художественнаго творчества: и пляска поддоннаго царя, которая олицетворяетъ собою бурю, и выдача дочери въ замужество, олицетворяющая впаденіе рѣки, вытекающей изъ Ильмень-озера. Чудесное спасеніе Садко дѣвушкой-чернавушкой гармонируетъ съ другимъ народнымъ образомъ, заключающемся въ пословицѣ: не все то золото, что блеститъ; а вмѣшательство въ музыкальную игру Садко Николы угодника свидѣтельствуетъ о существованіи въ народномъ сознаніи твердой увѣренности, что правда въ землѣ не гніетъ и на водѣ не тонетъ, какъ говоритъ другая русская пословица, т. е. что Божеское начало восторжествуетъ въ конечномъ результатѣ и тѣмъ самымъ направитъ жизнь по пути справедливости.

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ Пушкина рисуетъ полумифическій образъ этого князя, воевавшаго съ хозарами, греками и прибившаго свой щитъ къ воротамъ Константинополя. Олегъ вѣритъ кудеснику, хотя и пробивается нотка скептицизма въ его улыбкѣ, появившейся на лицѣ, когда кудесникъ предсказалъ ему смерть отъ коня, который всегда былъ Олегу вѣрнымъ товарищемъ. Однако, преданіе разсказываетъ, что кудесникъ зналъ будущее, и въ этомъ такъ искренно сквозятъ вѣрованія нашихъ предковъ-язычниковъ.

Вѣрованія народа ярко отразились въ Словѣ о полку Игоревѣ. Ярославна плачетъ на городской стѣнѣ, обращаясь къ вѣтру, Днѣпру-славутичу и яркому солнцу. Чувствуется, что въ этой мольбѣ Ярославны и вѣтеръ, и Днѣпръ, и яркое солнце надѣлены качествами разумныхъ существъ, которыя могутъ по своему желанію помочь князю Игорю и утолить горе Ярославны тѣмъ или другимъ способомъ. Вѣтеръ можетъ отнести ханскія стрѣлы на самихъ половцевъ, Днѣпръ примчать на себѣ насады князя на родину, а ясное солнце не сжигать лучомъ утраты войска милаго.

„Курганъ“, А. Толстого, раскрываетъ передъ нами прошлое, свидѣтельствуя о тѣхъ обрядахъ, какими сопровождалось погребеніе витязя: „въ честь витязя тризну свершали, дружина дралася три дня, жрецы ему разомъ заклали всѣхъ женъ и любимца коня“...

„Марѳа Посадница“ вызываетъ въ воображеніи читателей героическій образъ удивительной женщины, которая умѣло управляла непокорною волею новгородскихъ людей, а потомъ гордо умѣла унести съ собою въ могилу остатки былой славы Великаго Новгорода.

„Вѣчевой колоколъ“, Мея, поетъ прощальную пѣсню своему названому брату, буйному Волхову, разставаясь съ родимымъ городомъ и горюя, что ему „не гудѣть уже по прежнему: „Кто на Бога? Кто на Новгородъ?“

Осталось у него только одно желаніе, которое онъ высказываетъ Волхову:

„Собери свои всѣ волны, всѣ буруны, всѣ струи! Разнеси въ осколки, въ щепки ты московскія ладьи! А меня на днѣ песчаномъ синихъ водъ своихъ сокрой и звони въ меня почаще серебристою волной: можетъ быть, изъ водъ глубокихъ вдругъ услыша голось мой, и за вольность и за вѣче встанетъ городъ нашъ родной“...

„Новгородъ“, Навроцкаго, говоритъ о томъ же опочившемъ городѣ, котораго уже слава отшумѣла, время протекло:

„Порѣшили дѣло, все кругомъ молчитъ, только Волховъ смѣло о быломъ шумитъ“...

Въ „Князѣ Серебряномъ“ представлена Москва за триста лѣтъ тому назадъ. Этотъ романъ желательно было бы прочитать цѣликомъ, но отнести такое чтеніе на классное время, конечно, невозможно. Поэтому слѣдуетъ ограничиться хотя бы отдѣльными выдержками. Въ одной изъ такихъ выдержекъ имѣется характеристика Москвы за триста лѣтъ назадъ, представляющая общую картину города и дома боярина Морозова въ частности. Другая выдержка представляетъ пиръ Грознаго, являющійся весьма характерной картиной царствованія.

Бытовая жизнь того же времени изображена Лермонтовымъ въ „Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“. Эта пѣснь распадается на три части: въ первой дана картина Грознаго и опричниковъ во время придворнаго пиршества, во второй изображена семья купца Калашникова и въ третьей—судъ Божій, кулачный бой. Первая картина вмѣстѣ съ отрывкомъ изъ „Князя Серебрянаго“ рисуютъ личность самого Грознаго, вторая даетъ изображеніе купеческой жизни стараго времени съ его семейнымъ укладомъ, авторитетомъ старшаго въ родѣ и безпрекословнымъ повиновеніемъ его

волѣ со стороны всѣхъ домочадцевъ; купеческая семья являлась воплощеніемъ того патріархальнаго быта, которымъ характеризовалось прошлое. Третья картина, помимо характеристики развлеченій стараго времени, рисуетъ религіозное воззрѣніе русскаго общества на Божій судъ.

Не приходится говорить о художественныхъ достоинствахъ „Пѣсни“ Лермонтова, такъ какъ ея поэтическія достоинства, выдержанность народнаго языка и цѣльность образовъ являются общепризнанными.

Художественный эпизодъ про князя Михайлу Репнина, изъ А. Толстого, относится къ тому же времени. Во время маскарада князь Михайло Репнинъ выступилъ съ обличеніемъ Грознаго, выражая въ тоже время глубокую преданность царю и древнимъ обычаямъ. Его смѣлый голосъ, открытый видъ... привели въ ярость Грознаго и палъ жезломъ цронзенный, Репнинъ, правдивый князь. А пиръ опять киптъ, но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ: „убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу! Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу!“

Такой же самоотверженный поступокъ рисуетъ А. Толстой въ Василіи Шибановѣ, который, исполняя свою службу Курбскому, рѣшился отвезти письмо Грозному, несмотря на явную опасность этого порученія. Дѣйствительно, „очи царя загорѣлися вдругъ: „Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихого? Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ посланье отъ слова до слова! Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!“ И въ ногу Шибанова острый конецъ жезла своего онъ вонзаетъ... Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги кровь алымъ струилася токомъ, и царь на спокойное око слуги взиралъ испытующимъ окомъ“...

„Келья въ Чудовомъ монастырѣ“, изъ Пушкина, рисуетъ образъ лѣтописца, который смотритъ на свое дѣло, какъ на трудъ, завѣщанный отъ Бога. Пименъ пишетъ передъ лам-

падой, вспоминая убіеніе царевича Дмитрія и разсказывая чернецу Григорію про это злое дѣло, ужасный грѣхъ.

Въ трагедіи „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“, А. Толстого, изображена личность этого царя, который, по выраженію Пушкина, „на престолѣ воздыхалъ о мирномъ житіи молчальника“. Онъ долженъ былъ явиться судьей между княземъ Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ и Борисомъ Годуновымъ, желая остаться въ мирѣ и съ тѣмъ и съ другимъ и искренно желая поселить среди всѣхъ окружающихъ душевный покой и братскую любовь. Отдаленность отъ міра, интриги и распри сдѣлали его несчастнымъ человѣкомъ, который до конца несетъ безъ ропота тяжелое бремя правленія.

Въ трагедіи А. Толстого „Царь Борисъ“ мы видимъ желѣзную волю этого человѣка, которая привела его на царскій престолъ. Борису нужно обезпечить себѣ прочность трона, замотавшагося при появленіи самозванца, и вотъ онъ убѣждаетъ инокиню Марѳу не признавать Лжедмитрія. Борьба за власть и материнская ненависть къ человѣку, по наущенію котораго палъ царевичъ, какъ то изображено въ трагедіи, создаютъ страшный поединокъ между царемъ и матерью царевича. Тутъ опять не сухія событія, а сама жизнь, съ ея страданіями и надеждами.

Монологъ царя Бориса, изъ Пушкина, раскрываетъ душевную драму человѣка, сознающаго себя преступникомъ, несмотря на то, что шестой ужъ годъ онъ царствуетъ спокойно: „какъ язвой моровой, душа сгоритъ... какъ молоткомъ, стучитъ въ ушахъ упрекомъ... и все тошнитъ, и голова кружится, и мальчики кровавые въ глазахъ... И радъ бѣжать, да некуда... ужасно! Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста“.

Въ „Дмитріѣ Самозванцѣ“ Островскій объясняетъ причину, почему царица Марѳа признала самозванца за Дмитрія. Это былъ союзъ двухъ людей, пути которыхъ слились въ

одной дорогѣ: одного для достиженія престола, другой для удовлетворенія материнской потребности любить и вѣдать счастье.

Здѣсь же Островскій рисуетъ намѣренія Лжедмитрія, хорошо сознающаго свое нецарское происхожденіе, править милостію и прощеніемъ, а не страхомъ надъ своими подданными.

Стихотвореніе А. Толстого: „Колокольчики мои, цвѣтики степные!..“ даетъ художественную картинку присоединенія Малороссіи.

„Тарасъ Бульба“, Гоголя, рисуетъ историческую картину казачества. Эту повѣсть дѣти, конечно, прочитаютъ цѣликомъ дома, въ классѣ же можно подробнѣе остановиться лишь на отдѣльныхъ ея моментахъ. Такими моментами являются отправленіе въ Сѣчь Остапа и Андрія вмѣстѣ съ Тарасомъ, дорога, первыя впечатлѣнія въ Запорожьѣ, выборъ кашевого и казнь Остапа. Они рисуютъ мужество казака, его военную натуру, разгулъ, желаніе биться до послѣдней капли крови и геройскую смерть.

Въ „Мѣдномъ всадникѣ“ Пушкина рѣшается вопросъ о личномъ благѣ и интересахъ цѣлаго общества, когда отдѣльная личность сталкивается съ его нуждами.

Въ „Полтавѣ“, Пушкина, изображается народное движеніе на защиту своей государственности въ одинъ изъ рѣшительныхъ моментовъ жизни. Изученіе психологіи отдѣльныхъ личностей не входитъ въ задачу „историческаго“ чтенія, оно должно имѣть мѣсто въ курсѣ старшихъ классовъ. Здѣсь же достаточно отмѣтить лишь основные моменты поэмы, какими являются: Малороссія передъ Полтавской битвой, казнь Кочубея и Полтавскій бой.

„Петръ и Алексѣй“, Мережковскаго, въ извлеченіи нѣкоторыхъ отрывковъ, создаютъ представленіе о той коллизіи стараго и новаго порядковъ, которая имѣла мѣсто въ эпоху Петра Великаго. Родственныя чувства и искренность каж-

даго изъ этихъ людей сдѣлало столкновеніе ихъ міровоззрѣній особенно тяжелымъ и сильнымъ, тѣмъ болѣе что духовный разрывъ между отцомъ и сыномъ явился отраженіемъ общаго разрыва между старымъ и новымъ.

„Капитанская дочка" Пушкина переноситъ читателя въ наиболѣе близкія къ намъ времена, рисуя возникновеніе и развитіе Пугачевскаго бунта съ одной стороны и защитниковъ существующаго порядка съ другой. Къ этой повѣсти въ настоящемъ курсѣ возможно подойти съ той же стороны, какъ и къ „Полтавѣ", отмѣчая лишь общій фонъ исторической жизни, безъ индивидуальной оцѣнки отдѣльныхъ лицъ. Наиболѣе отвѣчающими поставленной цѣли мѣстами являются: вожатый, приступъ и Пугачевъ. Въ первой картинѣ описывается возникновеніе бунта, во второй— отдѣльный эпизодъ борьбы и въ третьей—стремленія Пугачева, такъ ярко отраженныя имъ калмыцкой сказкой объ орлѣ и воронѣ.

Распредѣленіе литературнаго матеріала между первымъ и вторымъ классами.

Изложенный матеріалъ предназначенъ для первыхъ двухъ классовъ четырехклассной общеобразовательной школы. Выше было объяснено, почему приходится разсматривать курсъ литературнаго чтенія для учащихся этихъ классовъ одновременно. Теперь необходимо выяснить, что именно желательно прочитать въ первый и во второй годъ обученія. Тутъ могутъ быть два плана. Во первыхъ, описанный матеріалъ можетъ быть заключенъ въ двѣ хрестоматіи. Въ такомъ случаѣ распредѣленіе его между классами приметъ наиболѣе рѣзкое разграниченіе. При всемъ томъ желательно сохранить цѣльность отдѣловъ и въ той и въ другой книгѣ, чтобы въ заключительныхъ бесѣдахъ можно было опираться

на законченную сумму литературныхъ идей, рисующихъ жизнь въ томъ или другомъ отношеніи. Естественно, въ такомъ случаѣ отнести на долю перваго класса дѣтскій міръ, какъ наиболѣе близкій переживаніямъ дѣтскаго возраста, а также отдѣлы: человѣкъ и животныя и изъ міра сказокъ и легендъ. Непосредственно къ этому примыкаетъ природа, а потому отдѣлъ, отражающій взаимоотношенія природы и человѣка, хотя бы въ нѣкоторыхъ его частяхъ, естественно присоединить къ предыдущему. Изложенный курсъ перваго класса можно было бы закончить „родиной“, вѣрнѣе, чувствомъ любви къ родинѣ, и отдѣломъ изъ русской исторіи. Наконецъ въ сторонѣ отъ всего перечисленнаго приходится поставить басни Крылова, которыя по своему содержанію и интересамъ дѣтей наиболѣе свойственны тоже первому году обученія.

Для второго класса при такомъ распредѣленіи останутся: искусство, изъ жизни замѣчательныхъ людей, остальныя части отдѣла человѣкъ и природа; человѣкъ, его мысли, чувства и настроенія; изъ жизни крестьянъ и помѣщиковъ во времена крѣпостного права, изъ жизни деревни и изъ жизни рабочихъ.

Стало быть, на долю перваго класса будетъ отнесенъ матеріалъ, рисующій жизнь человѣка въ условіяхъ дѣтства, семьи, въ соприкосновеніи съ царствомъ животныхъ, въ мірѣ идей народной поэзіи, въ соприкосновеніи съ природой и наиболѣе близкими настроеніями любви къ родинѣ.

Во второмъ классѣ возможна разработка наиболѣе сложныхъ вопросовъ искусства и вліянія этого могучаго фактора воспитанія на складъ человѣческой личности, наглядная иллюстрація этого вліянія примѣрами изъ жизни замѣчательныхъ людей, связь человѣка съ природой, наиболѣе простыя переживанія изъ области его настроеній и чувствъ съ преимущественнымъ изученіемъ не психологіи, а бытовыхъ формъ, въ какихъ они отражаются, и наконецъ изученіе

реальныхъ сторонъ жизни примѣнительно къ формамъ недавняго прошлаго, примѣнительно къ формамъ труда, преимущество труда матеріальнаго, будутъ ли то картины изъ жизни деревни, или изъ области труда ремесленнаго и фабрично-заводскаго.

Такое распредѣленіе ставитъ дѣтей въ соприкосновеніе съ разными сторонами жизни и въ тотъ и въ другой годъ обученія, такъ какъ литературный матеріалъ, объединенный названными отдѣлами, включаетъ въ себя описаніе какъ дѣтскихъ переживаній, такъ и переживаній взрослыхъ людей, отраженныхъ въ обоихъ книгахъ для чтенія.

Но можетъ быть и другое распредѣленіе. Весь матеріалъ можетъ быть заключенъ въ одной хрестоматіи. Въ такомъ случаѣ учителю предоставляется больше простора объединять разные моменты чтенія и намѣчать самое разнообразное соединеніе литературныхъ статей.

Само собой разумѣется, что группировка статей, избранныхъ для чтенія, не можетъ въ классномъ чтеніи опираться на группировку отдѣловъ. Послѣдніе необходимы, чтобы дѣти въ концѣ концовъ могли получить наиболѣе яркое представленіе о разныхъ сторонахъ жизни, но было бы ошибочно читать попорядку все, помѣщенное въ хрестоматіи, тѣмъ болѣе что матеріалъ изъ одного отдѣла прекрасно ассоціируется съ матеріаломъ изъ другого и т. д. Возьмемъ, напримѣръ, дѣтскую жизнь. Описаніе ея мы находимъ въ дѣтскомъ мірѣ, въ отдѣлѣ человѣкъ и животныя, изъ міра сказокъ и легендъ, въ отдѣлѣ человѣкъ и природа, въ отдѣлѣ искусства, изъ жизни замѣчательныхъ людей, въ настроеніяхъ человѣка, въ отдѣлѣ помѣщичьей и крестьянской жизни, изъ жизни деревни и въ отдѣлѣ ремесленнаго и фабрично заводскаго труда. Словомъ, описаніе дѣтской жизни имѣется во всѣхъ отдѣлахъ. И дѣло преподавателя ассоціировать въ представленіи дѣтей тѣ или другія ея стороны. Тоже самое можно сказать и про другіе вопросы. А потому

указать какой либо опредѣленный порядокъ класснаго чтенія было бы и невозможно и нежелательно. Единственное требованіе, которое при этомъ слѣдуетъ опредѣленно выразить, относится лишь къ характеру статей съ точки зрѣнія ихъ трудности, но эту сторону, само собой разумѣется, преподаватель всегда учитываетъ и не можетъ начать курсъ литературнаго чтенія наиболѣе сложными статьями по своему содержанію. При этомъ можно высказать еще одно практическое замѣчаніе, а именно: литературный матеріалъ слѣдуетъ ассоціировать, поскольку это возможно, съ временами года, чтобы онъ производилъ наиболѣе сильное впечатлѣніе на учащихся, находя откликъ въ ихъ настроеніи. Такъ, напримѣръ, лѣтняя пора Достоевскаго наиболѣе сильное впечатлѣніе произведетъ въ томъ случаѣ, если прочесть ее весною; морозъ Короленко—зимою, косарь Кольцова—осенью, и т. п.

Что касается нежелательности какихъ либо опредѣленныхъ, предвзятыхъ шаблоновъ класснаго чтенія, то оно находитъ свое подтвержденіе также и въ томъ обстоятельствѣ, что литература наиболѣе образовательное значеніе пріобрѣтаетъ тогда, если она способна возбудить наиболѣе глубокія душевныя переживанія, а это возможно въ томъ случаѣ, когда изучаемый матеріалъ находится въ соотвѣтствіи съ дѣтскимъ настроеніемъ, или когда путемъ контраста онъ вызываетъ желательныя чувствованія. Въ дѣтяхъ нужно воспитывать бодрость, жизнерадостность, и потому не въ каждый моментъ можно читать статьи съ мотивами грустными и тяжелыми, а если и читать, то особенно нужно заботиться о томъ, чтобы горе не казалось безысходнымъ, чтобы всюду проглядывала надежда на лучшее, чтобы радости являлись противовѣсомъ страданію.

Это психологическое основаніе должно быть широко использовано и статьямъ мрачнаго характера непремѣнно должны сопутствовать жизнерадостныя.

Курсъ третьяго и четвертаго классовъ.

Выше были опредѣлены основныя положенія этого курса, какъ изученіе духовнаго міра человѣка на образцахъ классической литературы русскихъ писателей и объединеніе отдѣльныхъ произведеній ихъ личностью въ связи съ біографіями, расположенными въ хронологическомъ порядкѣ. Прежде чѣмъ приступить къ выполненію второй части, необходимо имѣть достаточный запасъ литературныхъ знаній, накопленію которыхъ и слѣдуетъ посвятить курсъ третьяго класса. При этомъ наиболѣе сложныя произведенія придется отнести на четвертый годъ обученія, закончивъ его изученіемъ біографій писателей.

Не слѣдуетъ думать, что біографіи писателей должны быть расширены до курса исторіи русской литературы. Въ такомъ курсѣ пришлось бы дать эволюцію человѣческой личности, развивающейся подъ вліяніемъ историческихъ условій русской дѣйствительности, поскольку эта личность отражена изящной литературой и критикой и поскольку на такое отраженіе вліяли индивидуальныя черты писателя. Едва ли нужно доказывать, что не съ этой точки зрѣнія нужно подойти къ изученію русской литературы въ третьемъ и четвертомъ классахъ общеобразовательной школы. На курсъ русской литературы здѣсь слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на пропедевтику, которая даетъ возможность базировать занятія старшихъ классовъ средней школы на прочномъ фундаментѣ.

При всемъ этомъ намѣчаемый курсъ будетъ имѣть и самостоятельное значеніе. Дѣти познакомятся съ литературнымъ богатствомъ русскихъ писателей, освоятся съ литературными идеями и получатъ значительный запасъ знаній примѣнительно къ духовному міру людей, что приблизитъ ихъ къ пониманію человѣка. Въ такомъ случаѣ школа и

жизнь, какъ говорилъ Пироговъ, будутъ составлять въ ихъ представленіи одно неразрывное цѣлое.

Преддверіемъ къ курсу русской литературы естественно явятся произведенія народной словесности, съ которыми учащіеся уже познакомились на предыдущихъ занятіяхъ. За ними слѣдуетъ поставить отдѣльныя произведенія до-Петровскаго времени, какъ Слово о полку Игоревѣ, стихъ о книгѣ Голубиной и отрывки изъ Домостроя. Послѣ этого необходимо познакомить дѣтей съ Ломоносовымъ, Державинымъ, Жуковскимъ, Фонвизинымъ, Крыловымъ, Грибоѣдовымъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ, Тургеневымъ, Кольцовымъ и Никитинымъ.

Въ изложенный перечень не вошли Карамзинъ, Аксаковъ, Григоровичъ, Гончаровъ, Л. Толстой, А. Толстой, Достоевскій, Некрасовъ и другіе писатели, хотя произведенія ихъ и предназначены для чтенія въ курсѣ перваго и второго класса. Не смотря на послѣднее обстоятельство, приходится признать, что этихъ произведеній слишкомъ недостаточно, чтобы ихъ можно было объединять личностью писателей и знакомить учащихся съ ихъ біографіями въ связи съ сочиненіями. Лучше дать болѣе полное знакомство съ нѣкоторыми писателями, чѣмъ поверхностное со всѣми.

Къ послѣднему заключенію приводитъ также и образовательное значеніе курса литературы, хотя бы и эпизодическаго. Основательное изученіе писателя знакомитъ учащихся съ методомъ изученія. А владѣть этимъ методомъ крайне необходимо, такъ какъ онъ открываетъ путь самообразованію. Естественно основывать изученіе писателя на его произведеніяхъ. Если же задаться цѣлью дать біографіи писателей безъ основательнаго изученія ихъ произведеній, то такія занятія утратятъ значительную часть своего общеобразовательнаго значенія. Тогда ознакомленіе съ личностью писателей будетъ поверхностное, хотя и сохранитъ характеръ интереснаго чтенія, но послѣднее можно перенести и

на домашнія занятія, составивъ классную библіотеку, въ которой имѣлись бы біографіи. Нужно сказать, что дѣти охотно читаютъ такія книги и послѣднія часто служатъ толчкомъ къ болѣе основательному внѣклассному чтенію.

Въ перечнѣ второй группы писателей указанъ Карамзинъ, хотя въ курсѣ перваго и второго классовъ и не помѣщено его произведеній, но нѣкоторые изъ отрывковъ „Государства Россійскаго“ могутъ войти въ курсъ стилистики при изученіи повѣствованій, хотя бы лишь для того, чтобы дѣтямъ дать представленіе о литературномъ языкѣ его времени. Съ другой стороны въ первый перечень включены Ломоносовъ и Державинъ, хотя ихъ произведенія самостоятельно и не будутъ учениками прочитаны. Однако только эти писатели могутъ объяснить первоначальную оторванность русской литературы отъ жизни націи, почему хотя бы краткое знакомство съ ними является необходимымъ.

Ученикамъ придется выяснить главнѣйшія направленія русской литературы, предшествовавшія реальному изображенію жизни, какими являются ложный классицизмъ и романтизмъ. Сентиментальное направленіе, какъ извѣстно, есть только разновидность романтизма; существовало оно недолго, глубокаго значенія въ литературѣ не имѣло, а потому изучать Карамзина съ этой точки зрѣнія въ четырехклассной общеобразовательной школѣ не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе что „Бѣдная Лиза“, которая могла бы служить основаніемъ для такого изученія, уже потеряла интересъ современности.

Сказаннымъ опредѣляется курсъ литературы въ третьемъ и четвертомъ классахъ общеобразовательной школы. Теперь остается подробно разсмотрѣть тотъ матеріалъ, который будетъ составлять содержаніе этихъ занятій, и мотивировать, почему именно этотъ матеріалъ избирается.

При этомъ необходимо помнить, что литературное чте-

ніе отнюдь не должно быть хронологическимъ. Послѣднимъ становится лишь изученіе біографій писателей, къ какимъ занятіямъ слѣдуетъ приступить лишь во второй половинѣ учебныхъ занятій чертвертаго класса.

Народная словесность.

Содержаніе образцовъ народной словесности, желательныхъ для изученія въ четырехклассной общеобразовательной школѣ, разсмотрѣно было въ курсѣ перваго и второго классовъ. Сюда вошли былины: Святогоръ, Микула Селянинovичъ и Вольга Всеславьевичъ, Илья Муромецъ, Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ, Поганое идолище, Садко купецъ-богатый гость, Садко въ поддонномъ царствѣ и сказки: Василиса Прекрасная, Горе горинское, Летучій корабль.

Сюда слѣдуетъ присоединить лирическія пѣсни, рисующія религіозную и бытовую жизнь, какъ напримѣръ: За рѣкой за быстрою; Весна, весна красная; Благослови Троица; Купала, наша Купала; Слава Богу на небѣ; А мы просо сѣяли; Идетъ кузнецъ изъ кузницы; Катилося зерно по бархату; Свѣтелъ мѣсяцъ-родимый батюшка; Ахъ! кабы на цвѣты да не морозы; Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ; Выдавала меня матушка далече замужъ; Ужъ какъ палъ туманъ на сине море; А и горе, горе гореваньице; Не шуми, мати, зеленая дубравушка.

Былины и сказки, какъ то предполагается, уже извѣстны ученикамъ. Слѣдовательно, изученіе этихъ образцовъ народной словесности въ третьемъ и четвертомъ классахъ должно производиться въ другомъ отношеніи. Желательно раскрыть учащимся ту сумму нравственныхъ понятій, которыя отражены въ этихъ произведеніяхъ, какъ мысли, думы и вѣрованія самого народа.

Прежде всего мы встрѣчаемся здѣсь съ отношеніемъ къ земледѣльческому труду. Такое отношеніе полно поэзіи. Оно прекрасно разъяснено въ одномъ изъ разсказовъ Г. И. Успенскаго, гдѣ авторъ сравниваетъ Ивана Афанасьевича съ Микулой Селяниновичемъ. Послѣдній дѣйствительно крестьянинъ-богатырь. Земледѣльческій трудъ для него является любимымъ занятіемъ; лошадь онъ называетъ не иначе, какъ лошадушкой, соху-сошкою, гужики у него шелковые и т. п. Удивительно цѣльное міровоззрѣніе сквозитъ у него въ каждомъ движеніи. Обычное дѣло для него помочь Вольгѣ Всеславьевичу собирать дань съ мужиковъ гурьевцевъ и орѣховцевъ, такъ какъ по понятіямъ Микулы Вольга Всеславьевичъ ѣдетъ по праву, а не по прихоти. Съ такой же открытой душой собираетъ къ себѣ гостей Микула Селяниновичъ и потчуетъ ихъ, а тѣ хвалятъ гостепріимнаго хозяина и величаютъ по имени и отчеству.

Микула Селяниновичъ богатырь-титанъ. И то, что не подъ силу самому Святогору богатырю—можетъ легко и незамѣтно дѣлать Микула Селяниновичъ. Земледѣльческій трудъ—его стихія и тяга земная для него легка и пріятна.

Если сопоставить все это съ литературой Кольцова, напримѣръ: Пѣсней пахаря, Косарь, Урожай и т. п., то тѣмъ самымъ дѣтская мысль легко отвлечется отъ спеціально былиннаго творчества и въ состояніи соединить идеи народной словесности съ реальной стороной современности. Не смотря на ея отрицательныя стороны, не смотря на исключительность идеальныхъ картинъ былиннаго эпоса, все же дѣти видятъ и понимаютъ то глубокое удовлетвореніе человѣка, которое рождается у него отъ соприкосновенія съ земледѣльческимъ трудомъ и природою. Этимъ самымъ былины пріобрѣтаютъ реальное значеніе.

Еще больше реализма увидятъ ученики въ примѣненіи къ конкретнымъ случаямъ основныхъ настроеній народа. Эта сторона отражена въ Ильѣ Муромцѣ, котораго по спра-

ведливости можно назвать гражданиномъ-богатыремъ. Мы видимъ здѣсь и выполненіе великой заповѣди Ивана Тимофеевича, который не велѣлъ ему ни помыслить зломъ на татарина, ни убивать въ чистомъ полѣ христіанина. Илья Муромецъ въ точности исполняетъ заповѣдь отцовскую и въ отношеніяхъ его къ врагамъ своей родины нѣтъ чувства вражды и ненависти: здѣсь лишь необходимая защита себя и своего отечества. Ильѣ свойственно миролюбіе, правдивость, уваженіе къ человѣческому достоинству, въ немъ нѣтъ корысти и честолюбія. Все это вытекаетъ изъ ряда событій и эпизодовъ, имѣвшихъ мѣсто въ его біографіи: онъ не убиваетъ, а лишь только пугаетъ станичниковъ, не казнитъ лютой казнью Соловья-разбойника, всегда правду говоритъ въ лицо Владимиру, не позволяетъ надъ собою куражиться, не беретъ золотой казны отъ жены Соловья разбойника, не желаетъ сѣсть въ Черниговѣ воеводою.

Илья—гражданинъ богатырь. Онъ идетъ на защиту отечества, сражается съ Поганымъ Идолищемъ.

Илья владѣетъ могучими силами отъ соприкосновенія съ религіей. Богатырское могущество дали ему три странника, калики перехожіе, а Идолище Поганое онъ побѣждаетъ шляпой земли Греческой. Нетрудно видѣть олицетвореніе въ этихъ образахъ тѣхъ духовныхъ богатствъ, которыя были сообщены народу христіанской религіей: сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и вдругъ пошелъ Илья Муромецъ.

На этой былинѣ легче всего разъяснить дѣтямъ, какимъ образомъ былины складывались и какъ замѣчательный человѣкъ выросталъ въ національнаго героя, вокругъ котораго группировались многіе случаи національной жизни. Ясно, что Илья имя собирательное. Это вытекаетъ изъ его соприкосновенія съ старшими богатырями, которые по народному міровоззрѣнію жили задолго до Владимира, а не можетъ же человѣкъ два вѣка жить. Это вытекаетъ и изъ

обилія тѣхъ подвиговъ, совершеніе которыхъ только въ былинахъ происходитъ быстро и почти одновременно. Наконецъ постепенный ростъ былины вытекаетъ, какъ то поймутъ ученики, и изъ наличности разныхъ варіацій ея, наблюдающихся въ разныхъ мѣстахъ въ изложеніи разныхъ сказателей.

Былины про Садко купца рисуютъ жизнь Новгорода, разъясняютъ народныя вѣрованія и облекаютъ въ художественныя формы народную мысль о богатствахъ этого города. Не будемъ возвращаться къ разбору этихъ былинъ, потому что онѣ менѣе сложны въ своемъ содержаніи. Достаточно вспомнить сказанное о нихъ въ курсѣ перваго и второго классовъ.

Сказки, какъ образецъ воплощенія нравственныхъ понятій народа, тоже разсмотрѣны ранѣе, а потому можно лишь присоединить ихъ къ изложенному объясненію учителя для дополненія картины народнаго эпоса.

Лирическія пѣсни затрагиваютъ совершенно особый міръ. И изученіе ихъ имѣетъ особое значеніе. Оно вводитъ учащихся не только въ кругъ нравственныхъ понятій народа, но и открываетъ имъ глубину сердечныхъ переживаній его. Понимая народныя пѣсни, ученикъ можетъ понять горе и радости человѣка и цѣлой націи, можетъ сжиться съ ней не только своимъ умомъ, но и привязаться къ ней чувствительными струнами сердца. А потому нужно изучать лирическія пѣсни съ учащимися, нужно раскрыть передъ ними не только мысль, но и душу народную.

Само собой разумѣется, что такое изученіе можетъ ограничиться лишь отдѣльными образцами, между собою связанными, но и при такомъ условіи дѣти разовьютъ въ себѣ чуткость и пониманіе другихъ образцовъ, если придется имъ столкнуться съ ними въ жизни или въ литературномъ произведеніи.

Лирическая пѣсня „За рѣкою за быстрою“ рисуетъ

языческій обрядъ жертвоприношенія, который совершается въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ добры молодцы и красны дѣвицы поютъ пѣсни Коліодушкѣ. Въ серединѣ ихъ старикъ стоитъ, онъ точитъ свой булатный ножъ; котелъ кипитъ горючій; возлѣ котла козелъ стоитъ; хотятъ козла зарѣзати.

„Весна, весна красная"... есть торжественный гимнъ веснѣ, которая идетъ съ радостью, съ великою милостью, съ льномъ высокіимъ, съ корнемъ глубокіимъ, съ хлѣбами обильными.

„Благослови, Троица"...—хвала лѣту и Ладо, такъ какъ послѣ Троицы можно въ лѣсъ пойти, вѣнки завивать и цвѣты срывать, а изъ цвѣтовъ вѣнки заплетать.

„Купала наша, Купала"... говоритъ о довольствѣ, которое принесло съ собою красное лѣто, и о связанномъ съ нимъ радостномъ настроеніи.

„Слава Богу на небѣ"... рисуетъ вѣнецъ этой радости, такъ какъ славу эту хлѣбу поютъ, ему честь воздаютъ.

„А мы просо сѣяли, сѣяли"... открываетъ собою серію свадебныхъ праздниковъ, такъ какъ въ ней главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является дѣвица. Еще въ большей степени сюда относится пѣсня „Идетъ кузнецъ изъ кузницы" и „Катилося зерно по бархату".

Слѣдующія пѣсни говорятъ о тяжеломъ положеніи молодой крестьянской женщины, а именно: „Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка"... „Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы"... „Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ"... „Выдавала меня матушка далече замужъ"...

Въ первой изъ нихъ крестьянская дѣвушка проситъ своего родимаго батюшку не выдавать ее, горемычную, на чужую дальнюю сторонушку. Во второй молодая женщина кручинится о своемъ замужествѣ, такъ какъ выдали ее за неровню, а вѣдь не съ хоромами жить—съ человѣкомъ. Въ третьей пѣснѣ молодая женщина плачется на свою участь горькую, такъ какъ замужъ она не сама пошла, а по приказу сударя-батюшки и государыни матушки. Въ

чужихъ же людяхъ надо жить умѣючи, держать голову поклонную, ретиво сердце покорное. Въ четвертой пѣснѣ—таже жизнь неприглядная и настолько тяжелая, что бѣлое тѣло молодой женщины—на шелковой плеткѣ ея мужа немилаго, алый румянецъ—на правой на ручкѣ.

„Ужъ какъ палъ туманъ на сине море“ рисуетъ умирающаго добра молодца вдали отъ своего роду-племени, отца, матери родимой, малыхъ дѣтушекъ и молодой жены. „А и горе, горе, гореваньице“... раскрываетъ душу человѣка, несчастливаго и удрученнаго, а „Не шуми, мати, зеленая дубравушка“ воспѣваетъ удаль молодецкую.

Такимъ образомъ, дѣти могутъ познакомиться на этихъ образцахъ съ основными настроеніями народныхъ пѣсенъ. Въ религіозныхъ пѣсняхъ они увидятъ отраженіе религіознаго чувства, будутъ ли то пѣсни языческія или христіанскія, или отражающія на себѣ вліяніе того и другого періода. Въ бытовыхъ пѣсняхъ ученики свяжутъ чувство радости съ успѣхами труда, а чувства грусти и тяжелаго горя съ положеніемъ въ чужой семьѣ молодой крестьянской женщины. Подблюдныя пѣсни вновь создадутъ у нихъ праздничное настроеніе, а пѣсни молодецкія покажутъ удаль и раздумье добра молодца. Все это, какъ уже было сказано, раскроетъ дѣтямъ не только народную мысль, но и чувство, а отъ этого понятнѣе станетъ жизнь и человѣческія переживанія.

Что касается до пословицъ, поговорокъ и прибаутокъ, то едвали слѣдуетъ создавать изъ нихъ на этой ступени обученія самостоятельный отдѣлъ, но безусловно желательно отъ времени до времени разъяснить дѣтямъ скрытую въ нихъ аллегорію, пользуясь для того или подходящимъ литературнымъ матеріаломъ или даже обычнымъ разговоромъ—бесѣдою. Несомнѣнно, ко многимъ случаямъ обыденной жизни примѣнимы такія выраженія какъ: не красна изба углами, а красна пирогами, на ворѣ и шапка горитъ, на-

звался груздемъ—такъ полѣзай въ кузовъ и т. п. Ввести въ обыденный языкъ эти выраженія желательно, такъ какъ тѣмъ самымъ въ него вкладывается опредѣленное отношеніе къ случаю, жизненный опытъ и даже философское пониманіе.

До-Петровская словесность.

Изъ до-Петровской словесности естественно остановиться на Словѣ о полку Игоревѣ, такъ какъ этотъ памятникъ въ своемъ родѣ единственный. Что же касается другихъ древнихъ памятниковъ, какъ лѣтописи и поученіе Владимира Мономаха, то имъ скорѣй мѣсто въ исторіи, такъ какъ исторіи литературы въ четырехклассной общеобразовательной школѣ нѣтъ.

Въ сущности Словомъ о полку Игоревѣ можно было бы и ограничиться изъ до-Петровской литературы, но тутъ приходится столкнуться съ другимъ соображеніемъ. Изучая новыхъ писателей, ученики могутъ спросить, и дѣйствительно спрашиваютъ: неужели до Петра Великаго, кромѣ Слова о полку Игоревѣ, ничего въ русской литературы не было. Вопросъ этотъ понятенъ. Въ представленіи учениковъ образуется, такъ сказать, пустое мѣсто. Его надо заполнить, иначе чувство неудовлетворенности не будетъ покидать ихъ и создастъ смутное настроеніе. Конечно дѣтямъ придется сказать, что и до Петра Великаго русская литература существовала, но она имѣла совершенно особый характеръ, нося на себѣ отпечатокъ византійскаго вліянія, что эта литература изучается въ особомъ курсѣ, но и для такой бесѣды необходимо привести имъ примѣръ изъ образцовъ древней словесности. Вотъ почему желательно въ отрывкахъ познакомить дѣтей хотя бы съ двумя образцами до-Петровской литературы, напримѣръ духовнымъ стихомъ о книгѣ Голубиной и сочиненіемъ Сильвестра Домостроя.

Слово о полку Игоревѣ состоитъ изъ четырехъ частей.

Въ первой описывается походъ Игоря Святославовича, во второй—сонъ Святослава, въ третьей — плачъ Ярославны и въ четвертой—возвращеніе Игоря на родину.

Вторая часть разъясняетъ основную причину гибели Игоря, а именно междоусобныя распри удѣльнаго времени. Пѣвецъ Слова глубоко скорбитъ объ этихъ междоусобіяхъ. Но не смотря на это, все же допустимо исключеніе второй части изъ чтенія Слова съ учениками четырехклассной общеобразовательной школы, такъ какъ въ этой части много именъ, незнакомыхъ учащимся, что отвлекаетъ ихъ вниманіе отъ развитія основнаго дѣйствія и мѣшаетъ сосредоточить мысль именно на походѣ Игоря Сѣверскаго. Такое исключеніе было бы невозможно въ курсѣ исторіи литературы, но въ данномъ случаѣ памятникъ изучается исключительно въ цѣляхъ художественныхъ. Полное чтеніе его возможно было бы лишь послѣ продолжительной бесѣды, устанавливающей родословную князей, названныхъ въ памятникѣ, но такая бесѣда отвлекла бы преподавателя русскаго языка очень далеко отъ содержанія курса, почему для сохраненія яркости впечатлѣній отъ памятника названную часть можно опустить, тѣмъ болѣе что плачъ Ярославны, описанный въ третьей части, непосредственно связывается съ гибелью Игоря.

Первая часть полна художественныхъ красотъ. Фабула ея очень несложна и заключается въ томъ, что Игорь сталъ собираться въ походъ на половцевъ, пригласилъ съ собою младшаго брата Всеволода и, несмотря на тяжелыя предзнаменованія, ушелъ съ нимъ въ степи половецкія. Первая битва была удачна для русскихъ князей, но во второй половцы побѣдили, Всеволодъ погибъ, а Игорь очутился въ плѣну. На фонѣ этихъ событій пѣвецъ Слова скромно отмѣчаетъ недостатокъ своихъ силъ описать походъ Игоря по сравненію съ тѣмъ, какъ это сдѣлалъ бы вѣщій Баянъ, но когда онъ рисуетъ картину приготовленія къ войнѣ и са-

мую битву, то даетъ рядъ художественныхъ образовъ. Вся природа принимаетъ участіе въ дѣлѣ Игоря, какъ будто бы человѣкъ составляетъ съ нею одно цѣлое. Два раза солнце шлетъ ему предзнаменованіе своимъ затмѣніемъ. „Солнце путь имъ тьмою заступило. Ночь пришла та, взвыла, застонала, стономъ—воемъ птицъ поразбудила. Вкругъ стоянки свистъ пошелъ звѣриный. Высоко поднявшися по древу, черный Дивъ заклиналъ, подавая вѣсть на всю незнаемую землю... Игорь путь на Донъ великій держитъ, а надъ нимъ бѣду ужъ чуютъ птицы и несутся слѣдомъ за полками; воютъ волки по крутымъ оврагамъ, ощетинясь, словно бурю кличутъ; на красны щиты лисицы брешутъ, а орлы зловѣщимъ клектомъ, словно по степямъ звѣрье зовутъ на кости...“ (переводъ Майкова). Черныя тучи идутъ отъ моря, синіи въ нихъ молніи трепещутъ... Чу! Стрибожьи чада пронеслися, вѣютъ вѣтры, ужъ наносятъ стрѣлы... Помутились, пожелтѣли рѣки, загудѣло поле, пыль поднялась... А когда русскіе полегли за отческую землю, „въ полѣ травы съ жалости поникли, дерева съ печали преклонились“.

Храбрость витязей была неописуема. Авторъ Слова рисуетъ ее яркими красками, разсказывая не только о самой битвѣ, но и о томъ, какъ воины — куряне еще въ дѣтствѣ „повиты подъ бранною трубою, повзросли подъ шлемомъ и кольчугой, со конца копья они вскормлены... сами скачутъ, словно волки въ полѣ, алчутъ чести, а для князя славы!..“

Не будемъ останавливаться на другихъ красотахъ этой пѣсни. Иначе пришлось бы заняться подробнымъ разборомъ художественныхъ сторонъ ея, а между тѣмъ для рѣшенія вопроса о характерѣ чтенія съ учащимися достаточно и сказаннаго.

Стало быть, дѣти узнаютъ изъ первой пѣсни о походѣ Игоря объ отношеніи къ нему автора, о томъ участіи, которая проявила природа къ личности Игоря, и проникнутся при этомъ рядомъ художественныхъ образовъ. Все это все-

литъ въ сердце учениковъ - читателей любовь къ удивительно-художественному произведенію, наполнитъ ихъ красотой человѣческихъ отношеній, воспитаетъ уваженіе къ литературному слову и покажетъ богатство старинной русской мысли.

Въ третьей пѣснѣ еще сильнѣе чувствуется связь человѣка съ природой. Ярославна обращается къ вѣтру, Днѣпру и солнцу, какъ къ могущественнымъ стихіямъ, которыя могутъ помочь ей въ ея неописуемомъ горѣ. Здѣсь также сквозитъ еще старое воззрѣніе на природу, какъ на божественное начало, а употребленіе въ Словѣ языческихъ названій славянскихъ божествъ (вѣтры—Стрибожьи чада, Баянъ—Велесовъ внукъ, Даждбогъ) подтверждаетъ это какъ нельзя болѣе.

Плачъ Ярославны есть перлъ художественнаго творчества. Страданіе ея выливается широкой рѣкой и несется на встрѣчу стихіямъ. Чувствуется въ ея словахъ и безпредѣльная любовь къ Игорю и томящая грусть одинокой души. „О рѣка! отдай мнѣ друга, на волнахъ его взлелѣй, чтобы грустная подруга обняла его скорѣй...“ (переводъ Козлова).

Нужно выучить на память этотъ отрывокъ, чтобы могущественное впечатлѣніе отъ него сохранилось у дѣтей на возможно большее время. Такія переживанія, которыя вызываются плачемъ Ярославны, цѣнны, такъ какъ они воспитываютъ человѣка, пробуждая въ его душѣ искры любви, восторга и красоты.

Впрочемъ говорить о художественныхъ сторонахъ Слова—значитъ говорить о каждой пѣснѣ. Трогательно возвращеніе Игоря и чувствуется всѣми та радость, которая охватила всѣхъ русскихъ отъ такого извѣстія. И опять, когда вслѣдъ за Игоремъ помчались въ погоню Гзакъ съ Кончакомъ половецкіе, „стихло, вороны не каркали, галки смолкли и съ сороками по деревьямъ только прыгали; дятелъ путь къ рѣкѣ указывалъ; соловей веселымъ пѣніемъ утро ясное

привѣтствовалъ". А „на Дунаѣ запѣли дѣвицы — и летятъ голоса чрезъ моря и лѣса къ высямъ Кіева, пышной столицы. Игорь ѣдетъ домой..." (переводъ Гербеля).

Такимъ образомъ, Слово о полку Игоревѣ внесетъ интересъ въ классныя занятія и будетъ способствовать всестороннему развитію учащихся.

Духовный стихъ о книгѣ Голубиной интересенъ своимъ содержаніемъ, которое удовлетворяло запросы русскаго читателя и слушателя долгіе годы. Еще и до сихъ поръ, вѣроятно, можно слышать монотонный речитативъ слѣпыхъ пѣвцовъ, которые въ глухихъ мѣстахъ нашей родины повѣствуютъ неприхотливымъ слушателямъ, что „у насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія, солнце красное — отъ лица Божьяго, младъ свѣтелъ мѣсяцъ — отъ грудей Божіихъ, звѣзды частыя — отъ ризъ Божіихъ, ночи темныя — отъ думъ Божіихъ"... что „на трехъ рыбахъ земля основана; какъ китъ-рыба потронется, вся земля восколеблется... Интересны тутъ и вопросы князя Владимира Давиду библейскому: „Который городъ у насъ всѣмъ городамъ отецъ? Какая рыба всѣмъ рыбамъ мать и т. п.

Разъясняя пѣснь о книгѣ Голубиной, нельзя не сказать учащимся вообще о византійскомъ вліяніи на русскую жизнь и на литературу въ частности. Дѣтямъ интересно будетъ узнать о путешествіи паломниковъ ко Святымъ мѣстамъ и о религіозномъ значеніи этихъ странствованій для всего народа русскаго. Чѣмъ то роднымъ и далекимъ пахнетъ на слушателя отъ разсказовъ о тьмѣ египетской, о неопалимой купинѣ и т. п. реликвіяхъ далекихъ странствованій. Здѣсь встанетъ передъ дѣтьми уголокъ исканія той Божеской правды, что такъ своеобразно выражалось въ міровоззрѣніи Божьихъ странниковъ. Вообще духовный стихъ можетъ приподнять передъ учащимися первую попытку религіозныхъ исканій, которыя отразились впослѣдствіи, напримѣръ, въ мечтахъ о Бѣловодіи и т. п. религіозныхъ идилліяхъ. Дѣти

живо интересуются этой стороной жизни и невольно чувствуютъ въ ней цѣлую философію прошлаго, родного, далекаго и въ тоже время близкаго. Интересны формы, въ которыхъ выражались религіозныя исканія, интересна вся полоса этой жизни, интересенъ духовный стихъ, который вѣками удовлетворялъ запросы на знанія, и самая потребность разрѣшить вопросы міровые, космическіе. Стихъ о книгѣ Голубиной оживляетъ прошлое. И если въ историческихъ событіяхъ дѣти видѣли чисто внѣшнее теченіе жизни, то здѣсь они почувствуютъ духовный міръ человѣка и поэтическую сторону жизни.

Въ отрывкахъ изъ Домостроя ученики увидятъ укладъ бытовой жизни болѣе близкаго къ намъ времени и тѣ патріархальныя начала, отраженіе которыхъ можно наблюдать еще и въ современности. „Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ; ты бо бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися... Сокруши ему ребра, донележе растетъ... И слуги тако же, посмотря по винѣ и по дѣлу, наказывати и раны возлагати... А только жены, или сына, или дщери по уху ни по видѣнью ни бити; ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть; ни какимъ желѣзнымъ или деревяннымъ не бить, а плетію съ наказаніемъ, бережно бити: и разумно, и страшно, и здорово... а люди бы того не вѣдали и не слыхали“...

Вотъ то ужасное воспитаніе, которое возводилось въ принципъ и оправдывалось религіозными соображеніями. Не смотря на мрачную картину Домостроя, его нельзя исключить совершенно изъ класснаго чтенія, какъ нельзя выбросить изъ наблюденія цѣлую полосу русской жизни. И интересъ занятій здѣсь будетъ заключаться не столько въ

выясненіи самаго факта, который такъ ярко описанъ приведенными выдержками, сколько въ разъясненіи, почему именно такими стали взгляды русскаго общества эпохи Сильвестра на воспитаніе и на своеобразное главенство въ домѣ хозяина.

Здѣсь съ одной стороны нельзя не поставить въ связь со всѣмъ изложеннымъ грубыя времена татарщины и складъ религіозныхъ понятій съ другой.

Едва-ли слѣдуетъ читать съ дѣтьми подробныя выдержки изъ сочиненія протоіерея Сильвестра. Достаточно лишь описать общій характеръ семейной жизни, покоившейся на внѣшнемъ порядкѣ и заключенной въ опредѣленно выработанныя формы.

Выше были изложены соображенія, по которымъ приходится ввести въ курсъ литературнаго чтенія отрывки изъ Стиха о книгѣ Голубиной и Домостроя. Этимъ соображеніямъ можетъ удовлетворить изложенное, а потому въ дальнѣйшемъ слѣдуетъ перейти уже къ русскимъ писателямъ новаго времени.

М. В. Ломоносовъ.

Съ Ломоносова опредѣленно начинается новый періодъ русской литературы. Ученики могутъ съ нимъ познакомиться на одахъ: Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ по случаю великаго сѣвернаго сіянія и на день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны. Здѣсь однако могутъ быть сдѣланы возраженія: слѣдуетъ ли читать съ учениками четырехклассной общеобразовательной школы оды Ломоносова, тѣмъ болѣе что сами по себѣ эти сочиненія не представляютъ для нихъ интереса. Хотя этимъ соображеніямъ и нельзя отказать въ извѣстной долѣ справедливости, однако все же вопросъ приходится рѣшать положительно, такъ какъ курсъ литературнаго чтенія въ

четырехклассномъ училищѣ, помимо своихъ самостоятельныхъ задачъ, является въ тоже время и пропедевтикой къ исторіи литературы, съ которой ученики будутъ знакомиться въ старшихъ классахъ средняго учебнаго заведенія. Слѣдовательно, они должны имѣть нѣкоторый запасъ предварительныхъ фактическихъ знаній. Недостатокъ такихъ знаній у учащихся младшихъ классовъ средней школы въ настоящее время ставитъ серьезныя препятствія правильному изученію исторіи русской литературы въ старшихъ классахъ. Наконецъ, личность Ломоносова настолька ярка, біографія его такъ интересна, что не знакомить учащихся хотя бы съ нѣкоторыми изъ его сочиненій—значитъ не удовлетворять потребности научнаго знанія.

Съ другой стороны, было бы ошибочно долго останавливаться на изученіи названныхъ сочиненій Ломоносова. Необходимо поставить опредѣленную задачу этому чтенію и, только выходя изъ нея, давать объясненія учащимся. Такой задачей можетъ быть опредѣленіе предмета поэзіи Ломоносова и особенностей его стилистики. Оказывается, что предметомъ одъ Ломоносова являются торжественныя пѣснопѣнія въ честь Божества и царицы. Невольно напрашивается вопросъ, почему же этотъ народный самородокъ ни словомъ не обмолвился о простыхъ людяхъ, о положеніи крестьянства, съ которымъ онъ не порывалъ связей до конца своей жизни. Этотъ вопросъ или прямо ставится учащимися, или чаще безсознательно чувствуется ими на почвѣ неудовлетворенности его поэзіей. Такъ или иначе, а разрѣшить недоумѣніе учащихся слѣдуетъ. А это, помимо существованія чисто внѣшнихъ условій, заставляетъ обратить вниманіе на особенности стиля Ломоносова, гдѣ встрѣчаются часто имена древнихъ боговъ и другія особенности подражанія литературѣ древняго міра. Словомъ, мы подошли къ необходимости разъясненія главныхъ сторонъ ложнаго классицизма.

Едва ли слѣдуетъ, изучая біографію Ломоносова, подробно ставить вопросъ о сущности ложно—классическаго направленія. Достаточно установить лишь три момента въ его развитіи: особенность темы, которая касается лишь величайшихъ предметовъ жизни, особенность содержанія оды, состоящей въ восхваленіи изображаемаго въ ней лица, и особенность стилистическая, заключающаяся въ томъ, что въ оду введены имена древнихъ боговъ и нѣкоторыя другія подражательныя черты. Эти три момента непосредственно вытекаютъ изъ прочитанныхъ одъ и такимъ образомъ ложный классицизмъ получаетъ въ нихъ хотя и частичное, но достаточно опредѣленное отраженіе.

Переходя къ вопросу о перенесеніи Ломоносовымъ ложнаго классицизма на русскую почву, нужно прежде всего остановиться на вопросѣ о томъ, какъ это произошло, а затѣмъ—почему. Отвѣчая на первый вопросъ, приходится разсказать ученикамъ біографію Ломоносова, а отвѣчая на второй—указать на образцы западной литературы, оказавшей вліяніе на его творчество. Въ первомъ случаѣ передъ классомъ встанетъ талантливый юноша, который почти въ двадцать лѣтъ пришелъ съ далекаго сѣвера въ Москву учиться наравнѣ съ мальчиками. Стремленіе Ломоносова къ научному знанію такъ ярко, сила воли его такъ могуча, что и то и другое вытекаетъ само собой изъ біографическихъ данныхъ великаго человѣка. Научная работа у заграничныхъ профессоровъ сблизила его съ литературой Запада, а такъ какъ Россія вступала въ это время въ полосу царствованія Елизаветы Петровны, на которую смотрѣли съ надеждою, то понятно, что торжественный характеръ оды для выраженія его чувствъ подходилъ какъ нельзя болѣе. Беря безъ критики за образецъ поэзію древняго міра, преклоняясь предъ культурными успѣхами этого времени, Ломоносовъ вмѣстѣ съ другими писателями того времени не замѣтилъ, что народность классической литературы можно

разсматривать лишь по отношенію къ античной жизни и что по отношенію къ нашему времени таже черта должна опираться на современныя условія. Дѣти легко поймутъ такое сопоставленіе и уяснятъ себѣ причины появленія ложно—классическаго направленія въ русской литературѣ.

Что касается до преобразованія языка, произведеннаго Ломоносовымъ, составленія имъ русской грамматики и правилъ стихосложенія, то весь этотъ матеріалъ можетъ войти въ изложеніе его біографіи, а различіе въ языкѣ лучше всего опредѣлится изъ сопоставленія Ломоносовской рѣчи съ образцами до-Петровскаго періода, съ какой цѣлью эти образцы желательно прочитать частями не въ переводѣ на современный языкъ, а въ подлинникѣ. Однако главное мѣсто въ изученіи Ломоносова, помимо самой личности этого выдающагося человѣка, должны занимать названныя выше его сочиненія, а на остальное можно обратить вниманіе учащихся лишь мимоходомъ, пользуясь случаемъ.

Г. Р. Державинъ.

Доказательствомъ того, что торжественныя оды Ломоносова какъ нельзя болѣе отвѣчали потребности читающаго русскаго общества, является пышное развитіе ложно-классическаго направленія въ литературѣ Державина, восхвалявшаго въ своихъ стихахъ побѣды екатерининскаго времени. Только торжественная пѣснь могла отразить настроеніе придворныхъ круговъ того времени, почти единственно образованныхъ, и потому, какъ это ни странно, ложно-классическая литература Державина стала національной для этого времени. Такой именно взглядъ на нее впервые установила критика Бѣлинскаго, который считаетъ Державина выразителемъ настроеній русскаго общества. Лирическій талантъ этого писателя закрѣпилъ направленіе Ломоносова и такимъ образомъ сблизилъ чуждыя формы съ жизнью того

времени. Ясно, что торжественная пѣснь Державина въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи была родоначальникомъ реалистическихъ мотивовъ слѣдовавшихъ за нимъ писателей, а потому знакомство съ нею представляетъ еще большій интересъ для учащихся, чѣмъ оды Ломоносова.

Изъ сочиненій Державина слѣдуетъ прочитать съ дѣтьми оды: Богъ, Фелицу и Памятникъ. По своимъ темамъ и выполненію они очень близко стоятъ къ Ломоносову, но отличаются отъ него искрами поэтическаго творчества. Само собой разумѣется, что заучиваніе на память или подробный разборъ ихъ содержанія и въ этомъ случаѣ не оправдывался бы основной задачей изученія, да для характеристики времени и писателя—этого и не требуется. Но дѣти увидятъ, что въ памятникѣ Державина звучитъ уже новый мотивъ признанія литературнаго творчества, предѣлы котораго такъ пышно развернулись у дальнѣйшихъ писателей: „я памятникъ себѣ воздвигъ, чудесный, вѣчный; металловъ тверже онъ и выше пирамидъ“...

Біографія Державина, помимо ознакомленія съ личностью писателя, представляетъ интересъ для учениковъ и въ другомъ отношеніи. Изъ нея можно видѣть, что въ восемнадцатомъ вѣкѣ еще не создалось профессіональнаго литератора. Какъ Ломоносовъ былъ по преимуществу ученымъ, такъ Державинъ—чиновникомъ. Этотъ выводъ самъ собою напрашивается, если поставить учащимся соотвѣтствующій вопросъ. Съ нимъ гармонируетъ и слѣдующій взглядъ поэта на литературное творчество, который онъ приписываетъ Фелицѣ, благосклонно относящейся къ просвѣщенію: „поэзія тебѣ любезна, пріятна, сладостна, полезна, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“. Такимъ образомъ у Державина литература пока еще—удовольствіе, но общественное значеніе ея уже выдвигается его знаменитымъ современникомъ.

Д. И. Фонвизинъ.

Фонвизинъ былъ именно тѣмъ современникомъ Державина, который впервые поставилъ литературѣ широкія общественныя задачи. Своими комедіями Д. И. осмѣивалъ недостатки современнаго ему общества: невѣжество, грубость, слѣпое подражаніе иностранному. Наибольшее художественное значеніе имѣетъ его комедія Недоросль, а потому ее именно и слѣдуетъ прочитать съ учащимися.

Въ Недорослѣ дѣйствующія лица рѣзко разбиваются на двѣ группы: одна представляетъ живыхъ людей того времени, какъ Простаковы, Скотининъ, Еремѣевна, другая— резонеровъ, выведенныхъ въ комедіи въ силу традицій ложнаго классицизма и долженствующихъ представить собой идеи высшаго порядка, правды и справедливости; къ нимъ относятся Стародумъ, Правдинъ, Софья и Милонъ. Въ учителяхъ Митрофанушки и Тришкѣ имѣются реалистическія черты; постольку именно они и представляютъ собой матеріалъ для изученія.

Недоросль можетъ служить основаніемъ для характеристики помѣщичьей среды екатерининскаго времени, причемъ центральной фигурой комедіи является г-жа Простакова. По ней можно прослѣдить нѣкоторыя черты этого круга людей, а именно: въ вопросахъ воспитанія дѣтей, отношенія къ наукѣ, къ деньгамъ, отношенія къ крѣпостнымъ и другимъ людямъ, власть имѣющимъ.

Воспитаніе дѣтей опредѣляется слѣдующими сценами; заботы о матеріальномъ благополучіи, о питаніи Митрофанушки, ученье и экзаменъ. На основаніи всего этого можно составить слѣдующее представленіе о взглядахъ г-жи Простаковой на воспитаніе. Она желаетъ, чтобы сынъ ея пользовался матеріальнымъ благополучіемъ. Для этого Простакова въ силу закона Петра Великаго о недорослѣхъ должна кое

чему обучить Митрофанушку и пригласила съ этою цѣлью учителей—Кутейнина, Цифиркина и Вральмана, но къ занятіямъ сына относится несерьезно, всюду обнаруживая свое невѣжество и корыстолюбіе: рѣшаетъ ли Митрофанушка задачу съ Цифиркинымъ, отвѣчаетъ ли на экзаменѣ по географіи и исторіи. Въ результатѣ такихъ занятій обнаруживается умственное убожество Митрофанушки. Между тѣмъ г-жа Простакова любитъ своего сына, но любовь эта неразумна. Простакова заботится объ его насыщеніи, видя въ этомъ главную обязанность матери, потакаетъ лѣни, такъ какъ дитя ея еще малое, энергично вступается за Митрофанушку при столкновеніи съ дядюшкой, когда выяснилось, что оба они хотятъ жениться на Софьюшкѣ. Стало быть, все воспитаніе своего сына Простакова сводитъ къ заботамъ объ его насыщеніи и матеріальномъ благополучіи. Развитіе ума и духовныхъ способностей совсѣмъ отсутствуетъ, и учителя приглашены къ нему лишь для формы, по необходимости.

Отношеніе Простаковыхъ къ наукѣ отрицательное. Это вытекаетъ изъ тѣхъ же сценъ обученія Митрофанушки. Простакова, приглашая Вральмана, заботится о томъ, чтобы у Митрофанушки былъ учитель, который выучилъ бы его всѣмъ наукамъ, но въ чемъ состоятъ эти науки—она не знаетъ и знать не желаетъ. Поэтому Простакова очень довольна тѣмъ, что Вральманъ не утруждаетъ Митрофанушку. Она сознательно мѣшаетъ своему сыну учиться у Цифиркина и нисколько не интересуется его чтеніемъ у Кутейкина, какъ потому что сама неграмотна, такъ и потому что видитъ въ этомъ особую заслугу, ссылаясь на примѣръ покойнаго отца, который, сидя на сундукѣ съ деньгами, и умеръ неграмотнымъ.

Больше всего г-жа Простакова цѣнитъ деньги. Поэтому она стремится къ наживѣ всякими способами: вконецъ разорила крестьянъ, присвоила себѣ всю движимость имѣнія

Софьюшки и стремится женить сына на воспитанницѣ, чтобы получить назначенныя ей Стародумомъ десять тысячъ въ приданое. Для этого Простаковой приходится измѣнить свое прежнее намѣреніе выдать Софью замужъ за своего брата, Скотинина, и даже сцѣпиться съ Скотининымъ, когда тотъ не хотѣлъ отдать свою невѣсту Митрофанушкѣ.

Отношеніе Простаковой къ крѣпостнымъ тоже опредѣляется корыстными интересами. На Тришку она негодуетъ за то, что тотъ будто бы обузилъ кафтанъ Митрофанушкѣ, хотя негодованіе ея совершенно неосновательно, потому что тотъ ни у кого не учился портняжному дѣлу, да и кафтанъ то сшитъ изряднехонько. Еремѣевну она готова жестоко обругать за то, что та не заступилась за Митрофанушку, когда на него напалъ разъяренный дядюшка. За дѣвкой Палашкой Простакова не признаетъ права хворать, потому что та неблагородная. Наконецъ остальныхъ крѣпостныхъ готова жестоко наказать за неудачу въ похищеніи Софьи. И надъ всѣмъ этимъ возвышается отношеніе къ крѣпостнымъ, какъ къ рабочей силѣ, которая должна составить ея матеріальное благополучіе.

Къ людямъ, власть имѣющимъ, Простакова и ея семья относятся подобострастно и льстиво, когда они ожидаютъ отъ этого для себя выгодъ. Таковы отношенія ихъ къ Стародуму, Правдину и Милону.

Характеристика Митрофана, Простакова и Скотинина менѣе сложна, чѣмъ г-жи Простаковой. Первый изъ нихъ обрисованъ въ комедіи глупымъ и безсердечнымъ человѣкомъ; это видно изъ его поступковъ по отношенію къ матери, изъ его занятій и наконецъ ярко вытекаетъ изъ послѣдней сцены, когда Простакова бросается къ нему на шею со словами: „одинъ ты остался у меня мой сердечный другъ, Митрофанушка“... а тотъ говоритъ: „да отвяжись, матушка!“ Г-нъ Простаковъ—совершенно безличный человѣкъ, глаза котораго при женѣ ничего не видятъ. Скотининъ—грубый

и глупый человѣкъ, свинья для него стоитъ выше жены. Надъ всѣми ими всецѣло властвуетъ Простакова, безгранично и всемогуще. Всѣ эти краткія характеристики можно подтвердить ссылками на примѣры, описанные въ комедіи.

Что касается до способа выясненія ученикамъ изложеннаго, то здѣсь необходимо совершенно отказаться отъ догматическаго сообщенія знаній. Необходимо помнить, что знанія, полученныя этимъ путемъ, непрочны и невысоки въ образовательномъ отношеніи. Достаточно лишь ставить учащимся вопросы, вокругъ которыхъ они будутъ группировать фактическія данныя, чтобы самимъ сдѣлать надлежащее заключеніе. Напримѣръ, дается задача: опредѣлить отношеніе Простаковыхъ къ наукѣ. Дѣти должны выдѣлить изъ комедіи всѣ факты, которые сюда относятся, объединить ихъ между собою той или другой связью, сгруппировавъ по времени или по степени важности и затѣмъ отвѣтить по содержанію вопроса учителя. Такія работы могутъ быть устными или письменными. Въ послѣднемъ случаѣ они становятся наиболѣе цѣнными, такъ какъ заставляютъ учащихся глубже изучить литературное произведеніе и лучше продумать его содержаніе. При чемъ разнымъ учащимся могутъ быть предложены и разныя упражненія: одна группа объединяетъ матеріалъ вокругъ вопроса объ отношеніи Простаковыхъ къ наукѣ, другая—объ отношеніи къ крѣпостнымъ, третья дѣлаетъ личную характеристику того или другого лица, включая сюда и г-жу Простакову, которую можно разсмотрѣть или съ точки зрѣнія какой либо отдѣльной черты, или въ совокупности всѣхъ отличающихъ ея особенностей, и т. п. Такого рода работы могутъ и должны быть предметомъ класснаго обсужденія, чтобы выяснить, правильно ли произведена группировка событій и соотвѣтствуютъ ли выводы ихъ содержанію. Ученики любятъ эти занятія, а образовательное значеніе ихъ повышается какъ наличностью самодѣятельности, такъ и

присутствіемъ разсужденія, что является первой ступенью къ литературной критикѣ.

Больше всего трудностей для учащихся представляетъ развитіе самого дѣйствія, тѣмъ болѣе что оно осложнено описательной стороной. Поэтому опредѣлить развитіе дѣйствія комедіи лучше всего не сразу послѣ ея прочтенія, а послѣ изученія отдѣльныхъ лицъ. Но и при этомъ понадобится помощь учителя, который, пользуясь конкретными примѣрами, можетъ спрашивать: что было дальше послѣ прошедшаго. Въ концѣ концовъ ученики разскажутъ слѣдующее.

Г-жа Простакова стала обучать Митрофанушку, чтобы тотъ могъ выдержать экзаменъ, какъ того требовалъ указъ Петра Великаго. Для этого она пригласила учителей, но заниматься сыну мѣшала, такъ какъ считала науку пустымъ дѣломъ. Впрочемъ черезъ нѣкоторое время Простакова стала просить Митрофанушку поучиться хоть для виду, чтобы выдержать экзаменъ въ присутствіи Стародума, племянница котораго жила въ ея домѣ на положеніи воспитанницы. У Простаковой явилось желаніе женить на Софьѣ Митрофанушку, чтобы получить десять тысячъ ея приданаго. Ей пришлось поэтому измѣнить свое первое намѣреніе выдать Софью за Скотинина и выполнять свой планъ, несмотря на противодѣйствіе Софьи, Стародума и Скотинина. Когда выяснилось, что Софья помолвлена за Милона, Простакова рѣшила насильно увезти ее и тайно обвѣнчать съ Митрофанушкой, но планъ ея потерпѣлъ крушеніе. Внѣ себя отъ бѣшенства Простакова хотѣла жестоко наказать своихъ крестьянъ, участниковъ неудачнаго похищенія, но была остановлена Правдинымъ, которому поручено было взять въ опеку ея имѣніе.

Такъ развивается дѣйствіе по отношенію къ главному лицу комедіи. Подобнымъ же образомъ можно прослѣдить развитіе дѣйствія примѣнительно и къ каждому изъ осталь-

ныхъ лицъ, что можетъ явиться предметомъ самостоятельныхъ разъясненій со стороны учащихся.

Связывая изученіе Недоросля съ біографіей Фонвизина, придется остановиться главнымъ образомъ на двухъ моментахъ: во-первыхъ, на характеристикѣ времени Фонвизина, что вытекаетъ изъ Недоросля, а также изъ Бригадира, и во-вторыхъ, на индивидуальныхъ чертахъ писателя, избравшаго для своего сочиненія драматическую форму. Это возможно поставить въ связь съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое получилъ Фонвизинъ отъ придворнаго спектакля, куда Д. И. получилъ доступъ, благодаря Шувалову. Остальныя черты біографическаго характера должны дополнить собою личность Фонвизина, чтобы въ представленіи учащихся писатель сдѣлался живымъ лицомъ.

И. А. Крыловъ.

Въ начальной школѣ, а также въ курсѣ перваго и втораго классовъ дѣти уже получили значительный запасъ литературныхъ знаній изъ области басенъ Крылова. На долю третьяго и четвертаго классовъ, такимъ образомъ, придется объединеніе этихъ знаній по категоріямъ, непосредственно вытекающимъ изъ содержанія басенъ. Такими категоріями являются: басни, трактующія о воспитаніи, о невѣжествѣ и другихъ недостаткахъ общества, какъ лѣнь, взяточничество, лесть, неискренность и проч., о несправедливомъ судѣ и т. п., а также басни историческія.

Взгляды Крылова на воспитаніе вытекаютъ изъ басенъ Крестьянинъ и змѣя, Червонецъ, Кукушка и горлинка. Въ первой изъ нихъ разсказывается, что къ крестьянину вползла змѣя и стала просить его взять ее къ себѣ воспитателемъ, увѣряя, что она обладаетъ высокими нравственными качествами. Но крестьянинъ не согласился на это, боясь, что

со змѣей ему не ужиться и что за нею приползутъ десятки другихъ. Въ этой баснѣ Крыловъ возстаетъ противъ распространеннаго въ его время обычая поручать иностранцамъ воспитаніе русскаго юношества. Доказательствомъ служитъ аллегорія. Къ тому же методу доказательства онъ прибѣгаетъ и въ другихъ басняхъ. Въ „Червонцѣ“ Крыловъ указываетъ, какъ осторожно слѣдуетъ относиться при воспитаніи къ духовной сторонѣ человѣка, иначе можно вмѣстѣ съ дурными качествами утратить и много хорошаго, какъ то случилось съ червонцемъ, который потерялъ много цѣны, когда мужикъ-простакъ, желая придать червонцу внѣшній блескъ, вздумалъ потереть его пескомъ, дресвой и мѣломъ. Въ „Кукушкѣ и горлинкѣ“ Крыловъ совѣтуетъ родителямъ самимъ воспитывать своихъ дѣтей, а не отдавать ихъ въ чужія руки, какъ то сдѣлала кукушка, которая вслѣдствіе этого чувствовала себя сиротою, такъ какъ не знала своихъ птенцовъ и не могла получить отъ нихъ ласки.

Цѣлый рядъ общественныхъ недостатковъ указанъ Крыловымъ въ басняхъ: Свинья, Оселъ и соловей, Свинья подъ дубомъ, Прудъ и рѣка, Двѣ собаки, Собачья дружба, Лисица и сурокъ, Пушки и паруса, Листы и корни, Гуси. Въ первой изъ нихъ осмѣивается невѣжество въ лицѣ свиньи, которая, затесавшись на барскій дворъ, нашла тамъ лишь кучу сору и не могла замѣтить цѣнныхъ сокровищъ. Во второй баснѣ оно выступаетъ въ образѣ осла, который не въ состояніи былъ оцѣнить искусства и считалъ пѣніе пѣтуха выше, чѣмъ пѣніе соловья. Въ третьей невѣжество опять выступаетъ въ образѣ свиньи, которая, наѣвшись жолудей до сыта, до отвала, стала у дуба подрывать корни: гибель дерева ее нисколько не тревожитъ—лишь были-бъ жолуди, она отъ нихъ жирѣетъ. Въ четвертой баснѣ осмѣивается лѣность, которая является для человѣка причиною его преждевременной гибели. Въ пятой—льстивость, выдвигающая людей не по заслугамъ и создающая ихъ благопо-

лучіе. Въ шестой—непрочность дружбы, если первая кость, выброшенная изъ кухни, можетъ послужить причиной раздора. Въ седьмой—взяточничество. Въ восьмой—отсутствіе солидарности между лицами, которые каждый по своему служатъ одному и тому же дѣлу. Въ девятой—чванство. Въ десятой—честь не по заслугамъ.

Несправедливый судъ и управленіе нашло свое отраженіе въ басняхъ: Щука, Рыбьи пляски, Слонъ на воеводствѣ, Моръ звѣрей. Въ баснѣ Щука осмѣиваются глупые судьи, приговорившіе потопить щуку въ рѣкѣ подъ вліяніемъ рѣчей лисицы. Въ баснѣ Рыбьи пляски главное мѣсто занимаетъ воеводство лисы и волка, которые поджаривали на сковородкѣ отданныхъ на ихъ попеченіе несчастныхъ рыбокъ; и только разумное вмѣшательство льва прекратило это кровожадное издѣвательство. Слонъ на воеводствѣ оказался такимъ глупымъ, что не могъ разобраться въ порученномъ дѣлѣ, разрѣшивши волкамъ снять съ овецъ по шкуркѣ и ни по волоску больше. Въ баснѣ Моръ звѣрей торжествуетъ право сильнаго, когда кругомъ виноватые звѣри набрасываются на вола, признавшагося въ томъ, что однажды у попа изъ стога онъ клочокъ сѣнца стянулъ.

Историческія басни Крылова говорятъ о разныхъ событіяхъ его времени. Волкъ на псарнѣ изображаетъ собою Наполеона, который, не разсчитывая на серьезное сопротивленіе русскихъ, ошибся въ своемъ предположеніи, а когда понялъ, что попалъ въ бѣду, съ хитростью пошелъ въ переговоры; подъ ловчимъ въ этой баснѣ слѣдуетъ подразумѣвать Кутузова. Въ баснѣ Обозъ, старая опытная лошадь, умѣло спустившая со большой горы тяжелый возъ, изображаетъ собою его же, а въ баснѣ Квартетъ, высмѣивается недоумѣніе относительно распредѣленія мѣстъ между членами одного государственнаго учрежденія. Эти басни являются историческими лишь потому, что написаны на опредѣленныя событія, имѣвшія историческое значеніе, но

ихъ можно разсматривать и примѣнительно къ современности. Въ такомъ случаѣ въ первой изъ нихъ осмѣивается коварство, во второй необузданная горячность и въ третьей— бездарность.

Такимъ образомъ могутъ быть отнесены къ той или другой категоріи и другія басни. Связывая ихъ содержаніе съ личностью автора, придется отмѣтить въ біографіи взгляды Крылова на различныя стороны жизни и оттѣнить тѣ недостатки общества, на борьбу съ которыми выступилъ Крыловъ своими баснями. Необходимо обратить вниманіе учащихся также и на языкъ басенъ Крылова, поставивъ въ связь съ его народностью біографическія черты писателя и его могучій талантъ ярко изображать общечеловѣческую жизнь въ наиболѣе замѣтныхъ ея проявленіяхъ. Необходимо подчеркнуть, наконецъ, особенность Крылова въ изображеніи недостатковъ общества: нигдѣ у него не встрѣчается злобы противъ изображаемыхъ лицъ, будутъ ли эти лица глупые, невѣжественные или порочные; всюду наоборотъ сквозитъ любовь къ человѣку и затаенная надежда на исправленіе.

В. А. Жуковскій.

Изъ сочиненій Жуковскаго можно избрать для класснаго чтенія и литературныхъ бесѣдъ въ четырехклассной общеобразовательной школѣ сравнительно немногое, какъ вслѣдствіе особенностей его романтизма, такъ и потому, чтобы сохранить время для болѣе глубокаго изученія Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Нѣкоторыя стихотворенія Жуковскаго уже могли быть прочитаны въ курсѣ перваго и второго классовъ, напримѣръ, Лѣсной царь, Море, и слѣдовательно ученики уже имѣли возможность почувствовать его стиховъ плѣнительную сладость. Теперь эти впечатлѣнія слѣдуетъ углубить, раскрывая передъ дѣтьми три основныхъ момента

его поэзіи: фантастическій міръ, героизмъ и религіозное настроеніе. Первое осуществляется при помощи Свѣтланы, второе—баллады Перчатка и третье — драматической поэмы Орлеанская дѣва. Въ послѣднемъ сочиненіи, впрочемъ, второй и третій моменты соединяются.

Свѣтлана Жуковскаго знакомитъ учащихся съ святочными гаданьями. Въ ней описаны ихъ разнообразные виды, но больше всего мѣста отведено самому таинственному, когда дѣвица смотритъ въ зеркало, ожидая увидѣть тамъ своего милаго. Волшебная греза открыла передъ Свѣтланой фантастику и чудится ей, что за плечами ея кто-то блеститъ яркими очами. Оказалось, что это милый. И рисуетъ себѣ Свѣтлана свадебный поѣздъ, видитъ жениха, съ которымъ мчится по пустынному полю. Луна таинственно освѣщаетъ блѣдное лицо ея спутника. Вотъ промелькнула одинокая церковь, въ которой совершается печальный обрядъ отпѣванія. Вотъ хижина подъ снѣгомъ, куда примчались лихіе кони, а въ хижинѣ лежитъ въ гробу ея женихъ. Страшная картина рисуется Свѣтланѣ, и пробужденіе отъ тяжелаго сна застаетъ ее на самомъ трагическомъ мѣстѣ. Но пробужденіе несетъ съ собою и радость. Свѣтлана уже на яву встрѣчаетъ милаго, который возвратился изъ далекаго путешествія и передъ нею раскрываются двери храма для вѣнчанія.

Смыслъ этой баллады Жуковскій объясняетъ слѣдующими стихами: „Лучшій другъ намъ въ жизни сей вѣра въ Провидѣніе; благъ Зиждителя законъ: здѣсь несчастье — лживый сонъ, счастье — пробужденіе“. Такимъ образомъ, фантастика служитъ для Жуковскаго отправнымъ пунктомъ въ мечтахъ о блаженствѣ. Къ нему авторъ возвращается во многихъ своихъ сочиненіяхъ, но и Свѣтлана даетъ уже нѣкоторый матеріалъ для выясненія настроеній писателя. Длительнаго несчастья нѣтъ въ жизни, оно лишь промелькнетъ мимолетно и несетъ за собою радость.

Но къ Свѣтланѣ можно подойти и съ другой точки зрѣнія. Ясно, какъ въ грезахъ дѣвушки перемѣшалось фантастическое съ дѣйствительностью: предчувствіе горя отъ долгой разлуки съ милымъ и сладкія мечты о счастьѣ. Человѣку свойственны оба эти настроенія, и потому Свѣтлана реальна въ своей туманной мечтательности. Кромѣ того, баллада даетъ матеріалъ для литературной бесѣды на тему о характерѣ святочныхъ гаданій, знакомыхъ уже каждому юношѣ.

Что касается до особенностей класснаго чтенія этой баллады, то необходимо замѣтить, что усвоеніе ея довольно затруднительно для учащихся, потому что въ фантастическихъ событіяхъ здѣсь нѣтъ закономѣрнаго развитія, — „Въ ней большія чудеса, очень мало складу“. А потому необходимо отмѣчать чередующіяся явленія непосредственно во время самого чтенія, чтобы облегчить учащимся ея пониманіе.

„Перчатка“ переноситъ дѣтей въ средневѣковую жизнь. Здѣсь разсказывается, какъ рыцарь проявилъ героическія чувства храбрости лишь только во имя долга. Событія баллады заключается въ слѣдующемъ. На аренѣ свирѣпые звѣри. Въ ложѣ прекрасная дама, которая уронила перчатку, упавшую между звѣрей. Красавица проситъ рыцаря достать ей эту перчатку. Тотъ спускается на арену, смѣло поднимаетъ перчатку и возвращаетъ ее своей дамѣ, говоря: „не требую награды!“ Такимъ образомъ, героическій поступокъ рыцаря совершенъ только во имя долга. Это вытекаетъ изъ его лаконическаго заявленія. Ясно, что рыцарь не могъ бы остаться для самого себѣ тѣмъ идеальнымъ носителемъ рыцарскихъ завѣтовъ, неуклонное выполненіе которыхъ сообщаетъ ему душевный міръ. Значитъ и въ этомъ произведеніи Жуковскій остается вѣрнымъ себѣ, какъ пѣвецъ свободнаго духа.

Жанна д'Аркъ также дорожитъ этимъ сокровищемъ. Въ этомъ произведеніи мы видимъ, что неисполненіе завѣтовъ

несетъ съ собою страшныя испытанія для человѣческаго духа и только побѣда надъ страстями возвращаетъ счастье и радость. Жанна д'Аркъ родилась въ пастушеской семьѣ и всю юность свою провела въ общеніи съ лѣсомъ, лугами. Особенно она любила сидѣть подъ раскидистымъ дубомъ, не смотря на то, что мѣсто это считалось нечистымъ. Здѣсь слетали къ Жаннѣ волшебныя грезы, здѣсь она услышала Божественный голосъ, повелѣвавшій ей сдѣлаться спасительницей отечества, изгнать англичанъ изъ Франціи и ввести французскаго короля въ Реймсъ на торжественное коронованіе. Жанна подъ дубомъ слышала: „Иди о мнѣ свидѣтельствовать, дѣва! Надѣть должна ты латы боевыя, въ желѣзо грудь младую заковать; страшись надеждъ, не знай любви земныя: вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать, не быть душой семьи родныя; цвѣтущаго младенца не ласкать... Но въ битвахъ Я главу твою прославлю; всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю...“ И дѣйствительно, Жанна воодушевила французовъ, сдѣлала ихъ побѣдителями и ввела Карла въ Реймсъ на коронованіе. Но въ пылу одной битвы она полюбила Ліонеля, вождя британцевъ. Съ этого момента для Жанны начинается рядъ несчастій. Она не могла стоять въ храмѣ во время коронаціи, такъ какъ ей казалось, что своды храма готовы задавить ее, почувствовавшую силу земной любви, не смотря на то, что она подчинилась завѣтамъ священнаго Голоса, говорившаго съ нею подъ деревенскимъ дубомъ, и рѣшилась исполнить его волю. Жанну обвиняетъ въ чародѣйствѣ ея отецъ, который всегда неблагосклонно относился къ ея уединенію подъ тѣнистымъ деревомъ. И Жанна стойко выноситъ испытаніе Божіе, какъ смотритъ она на это тяжелое обвиненіе. Народъ увѣренъ въ ея чародѣйствѣ, какъ за минуту вѣрилъ въ то, что она Божія посланница. Небесный громъ, который понятъ всѣми былъ какъ знаменіе, усилилъ эту вѣру, и Жанна была почти всѣми покинута. Во время своихъ скитаній она попадаетъ

въ англійскій лагерь; Ліонель проситъ ее сдѣлаться его женою, но Жанна считаетъ Ліонеля своимъ самымъ страшнымъ врагомъ. Въ этой послѣдней борьбѣ съ своими страстями Жанна выходитъ побѣдительницей, къ ней возвращается Божіе благословеніе, она разрываетъ сковывавшія ее тяжелыя цѣпи и вновь несетъ побѣду Франціи, которая во время плѣненія Жанны терпѣла временныя пораженія. И Жанна, счастливая, умираетъ. Въ послѣднія минуты кажется ей „радуга на небесахъ, растворены врата ихъ золотыя...“

Такъ торжествуетъ человѣческій духъ надъ страстями. И къ Орлеанской дѣвѣ примѣнимо выраженіе писателя, высказанное имъ въ послѣсловіи къ Свѣтланѣ: „Лучшій другъ намъ въ жизни сей вѣра въ Провидѣнье; благъ Зиждителя законъ: здѣсь несчастье — лживый сонъ, счастье — пробужденье“. Такова вѣра Жуковскаго. Но въ Орлеанской дѣвѣ подчеркнута и другая мысль, а именно, что прочное, истинное счастіе возможно лишь на небесахъ и что земная жизнь есть лишь тяжелый искусъ, который необходимо пройти человѣку по пути въ царство духа и счастья.

Такимъ образомъ, Жуковскій въ перечисленныхъ сочиненіяхъ предстанетъ передъ учащимися въ главныхъ чертахъ своей поэзіи. Дѣти легко увидятъ ея особенности, какъ поэзіи свободнаго духа, и естественно пожелаютъ узнать, почему именно такая поэзія создалась у Жуковскаго. Поэтому въ біографіи писателя придется оттѣнить тѣ именно вліянія, которыя воспитали его впечатлительное сердце, открывшееся впослѣдствіи съ такимъ восторгомъ для произведеній Шиллера и другихъ европейскихъ романтиковъ.

Если въ біографію Жуковскаго ввести стихотворенія, прочитанныя съ учениками въ первые два года обученія, то изученіе его поэзіи можно считать достаточнымъ.

Остается сказать лишь нѣсколько словъ о способѣ изученія драматической поэмы Шиллера. Достаточно будетъ, если

ученики прочитаютъ Орлеанскую дѣву во внѣклассное время самостоятельно, а вмѣстѣ съ учителемъ только нѣкоторыя мѣста, отличающіяся наибольшей поэзіей. Такими мѣстами слѣдуетъ считать рѣшеніе Жанны совершить подвигъ спасенія отечества, ея душевныя страданія во время борьбы съ любовью къ Ліонелю и окончательную побѣду надъ своими страстями. Остальная часть сочиненія можетъ быть хотя бы лишь схематически усвоейной; тѣмъ не менѣе запасъ литературныхъ представленій у учащихся будетъ достаточнымъ, чтобы выяснить духовный міръ необыкновенной дѣвушки.

А. С. Грибоѣдовъ.

Съ именемъ Грибоѣдова связана комедія „Горе отъ ума“. И говорить объ этомъ писателѣ въ четырехклассной общеобразовательной школѣ значитъ говорить о его комедіи. Критическая оцѣнка ея дана Гончаровымъ въ статьѣ „Мильонъ терзаній“. И потому въ данномъ случаѣ слѣдуетъ подойти къ Горю отъ ума лишь съ точки зрѣнія педагогической критики. Комедія даетъ богатый матеріалъ для изученія всего общества начала девятнадцатаго вѣка. При помощи ея раскрываются историческія перспективы, а вѣчно юный типъ Чацкаго и представляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и интересъ современности.

Съ перваго же момента появленія Чацкаго въ домѣ Фамусовыхъ чувствуется, что между нимъ и всѣми остальными лицами, выведенными въ комедіи, начинается упорная борьба за идеалы. Борьба эта развивается и крѣпнетъ на протяженіи всей комедіи, сосредотачиваясь на опредѣленныхъ сторонахъ жизни.

Лишь только Александръ Андреичъ возвратился изъ своего путешествія, какъ въ разговорѣ съ Софьей Павловной готовъ уже смѣяться надъ ничтожностью интересовъ московскаго общества: одинъ изъ его среды остается до

гроба вѣрнымъ членомъ англійскаго клуба, другого постоянно можно встрѣтить въ столовыхъ и въ гостиныхъ, третьи молодятся съ полвѣка и пріобрѣли типическія черты бульварныхъ лицъ, четвертый занимается только своимъ театромъ, составленнымъ изъ крѣпостныхъ, пятый попалъ на службу въ ученый комитетъ и требовалъ присягъ, чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился, у шестого полонъ домъ мосекъ и воспитанницъ, а всѣ вмѣстѣ хлопочутъ набирать учителей полки, числомъ поболѣе, цѣною подешевле, почему молодое поколѣніе остается необразованнымъ, а въ обществѣ господствуетъ смѣшенье языковъ французскаго съ нижегородскимъ.

Вторымъ предметомъ нападокъ Чацкаго является отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ. Отношеніе Фамусова къ этому вопросу опредѣляется восхищеніемъ его передъ талантами своего дяди, Максима Петровича, который, когда нужно подслужиться, сгибался въ перегибъ, не смотря на то, что „онъ не то на серебрѣ, на золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ, весь въ орденахъ“... „На куртагѣ ему случилось оступиться—упалъ, да такъ что чуть затылка не прошибъ. Старикъ заохалъ; голосъ хриплый... Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой—изволили смѣяться. Какъ же онъ? Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ—упалъ вдругорядь—ужъ нарочно! А хохотъ пуще. Онъ и въ третій также точно... Упалъ онъ больно — всталъ здорово. За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ? Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово? Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ? Максимъ Петровичъ! Шутка! Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ? Максимъ Петровичъ“!..

Со всѣми силами возмущенія Чацкій нападаетъ на такого рода отношеніе къ службѣ. Онъ самъ служить бы радъ—прислуживаться тошно, а именно въ этомъ искусствѣ и изощрялись въ „вѣкъ минувшій“. „Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея; какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали

лбомъ — стучали объ полъ не жалѣя! Кому нужда — тѣмъ спесь, лежи они въ пыли, а тѣмъ, кто выше, лесть, какъ кружево, плели. Прямой былъ вѣкъ покорности и страха все подъ личиною усердія къ царю“..

Понятно, что горячая исповѣдь Чацкаго могла искренно возмутить Фамусова, такъ какъ этимъ самымъ колебались устои той жизни, которая мыслилась, какъ единственно возможная, которая создала положеніе людямъ прошлаго, не требовала ни знаній, ни талантовъ, ни дѣятельности. а покоилась лишь на связяхъ и угодничествѣ. Въ лицѣ Чацкаго послышался громкій протестъ противъ такой жизни, было высказано горячее желаніе измѣнить формы общественныхъ отношеній, выдвигая на первый планъ трудъ и способности. Тутъ столкнулись два совершенно противоположныхъ взгляда, взаимно исключающіе другъ друга, а потому для каждаго изъ участниковъ бесѣды поставленный вопросъ являлся вопросомъ жизни и смерти. Ясно, что борьба двухъ міровозрѣній въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ представителей того и другого взглядовъ должна была развиваться, затрагивая все новыя и новыя темы.

И Чацкій не могъ относиться съ уваженіемъ къ Фамусову: при немъ „служащіе чужіе очень рѣдки—все больше сестрины, свояченицы дѣтки“... а отношеніе его къ подчиненнымъ выражается въ слѣдующей фразѣ: „Какъ станешь представлять къ крестишку, иль къ мѣстечку, ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!..“

Фамусовъ съ искреннимъ огорченіемъ жалѣетъ двоюроднаго брата полковника Скалозуба за то, что тотъ тоже набрался „какихъ то новыхъ правилъ: чинъ слѣдовалъ ему — онъ службу вдругъ оставилъ, въ деревнѣ книги сталъ читать“. Это преклоненіе предъ чиномъ, достиженіе котораго является завѣтной мечтой, не взирая ни на какія средства, преклоненіе предъ богатствомъ, не смотря на содержаніе человѣка, — не могли конечно успокоить взволнованныхъ

чувствъ Чацкаго, и понятно, что тотъ при первомъ же подходящемъ случаѣ набрасывается съ успленной горячностью на своихъ судей изъ общества, которое осаждаетъ его за то, что онъ не служитъ.

„За древностію лѣтъ къ свободной жизни ихъ вражда не примирима; сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ временъ очаковскихъ и покоренья Крыма... Гдѣ, укажите намъ, отечества сыны, которыхъ мы должны принять за образцы?“ Одни изъ нихъ грабительствомъ богаты, защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ, великолѣпныя соорудя палаты, гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ“. Другой вымѣнялъ на слугъ своихъ борзыхъ три собаки. Третій довелъ дѣтей, отторженныхъ отъ матерей, отцовъ, до такого состоянія, что всѣ они были распроданы по одиночкѣ за неоплатные долги крѣпостника. Ясно, что не такимъ лицамъ можно было разсчитывать на преклоненіе молодого поколѣнія. Они ненавидятъ науку и видятъ въ ней страшную опасность для стараго порядка. Они называютъ опасными мечтателями ея адептовъ. Одинъ мундиръ вызываетъ у нихъ восторгъ и кружитъ голову и женъ и дочерей.

Къ такимъ лицамъ, какъ Молчалинъ, Чацкій тоже относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ, такъ какъ руководящимъ началомъ его жизни является угодливость и униженіе: „молчитъ, когда его бранятъ“, „отъ старичковъ не ступитъ за порогъ“ и съ ними цѣлый день играетъ, радъ не радъ,—и дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ. Въ этомъ Молчалинъ доходитъ до виртуозности, опредѣляя цѣлую систему своего поведенія: „мнѣ завѣщалъ отецъ: во первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья—хозяину, гдѣ доведется жить, начальнику, съ кѣмъ буду я служить, слугѣ его, который чиститъ платье, швейцару, дворнику, для избѣжанья зла, собакѣ дворника, чтобъ ласковѣй была“.

Чацкій конечно видитъ, что ума въ немъ только мало; „услужливъ, скромненькій, вотъ онъ, на цыпочкахъ, и не

богатъ словами"... Умѣренность и аккуратность—основы его поведенія. При помощи вліятельной поддержки мечтаетъ онъ и награжденья брать и весело служить, не смѣя своего сужденья произнесть — въ его лѣта не должно смѣть свое сужденіе имѣть.

И Чацкій не убѣждаетъ Молчалина въ низости его поведенія, такъ какъ тотъ не въ состояніи усвоить другого взгляда. А между тѣмъ вѣдь Чацкій не педантъ: „Когда въ дѣлахъ— я отъ веселья прячусь; когда дурачиться—дурачусь". Онъ считаетъ своимъ другомъ Горича, вмѣстѣ съ которымъ весело проводилъ время въ военной службѣ.

Онъ недоволенъ всей Москвой за глупое пустое подражанье, такъ ярко обрисовавшееся на балу у Фамусова, когда „французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь, собралъ вокругъ себя родъ вѣча, и сказывалъ, какъ снаряжался въ путь въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами". Однако онъ нашелъ, что „ласкамъ нѣтъ конца; ни звука русскаго, ни русскаго лица не встрѣтилъ: будто бы въ отечествѣ съ друзьями,—своя провинція!.. Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды"...

Ѣдкая критика со стороны Чацкаго московскихъ нарядовъ, людей, ихъ взглядовъ и поведенія должна была воспитать въ обществѣ, состоящемъ изъ тѣхъ самыхъ лицъ, противъ которыхъ металъ онъ громы своего возмущенія, враждебность къ опасному человѣку, колебавшему въ корнѣ устои ихъ жизни. Поэтому понятно, что случайно брошенная фраза, что Чацкій не въ своемъ умѣ, упала на подготовленную почву и сразу выросла до грандіозныхъ размѣровъ признанія его сумашествія. И нельзя сказать, что въ этомъ случаѣ обществомъ руководило корыстное побужденіе объявить сумашедшимъ разрушителя всѣми признанныхъ устоевъ. Нѣтъ, здѣсь мы видимъ непониманіе новыхъ взглядовъ, грядущихъ на смѣну старому, кажущаяся ненужность ихъ, тѣмъ болѣе что при старомъ укладѣ

жилось такъ хорошо, уютно и покойно. И вотъ, одинокая попытка Чацкаго открыто выразить свое возмущеніе дала ему лишь только мильонъ терзаній, но не принесла надежды на лучшее будущее. Не видитъ Чацкій этого лучшаго и въ другомъ кругу московскаго общества, которое группируется вокругъ князя Григорія и гдѣ бываетъ Репетиловъ. Шумятъ они—и только. Этотъ шумъ доставляетъ удовольствіе и чудаку единственному князь Григорью и весельчаку Воркулову и непризнанному генію Удушьеву, напечатавшему въ журналахъ „Взглядъ и Нѣчто“, и другимъ участникамъ веселой компаніи, но Чацкій не ждетъ отъ нея спасенія отечества.

Удрученный всѣми этими картинами, оскорбленный въ лучшихъ чувствахъ своего преклоненія предъ Софьей Павловной, такъ естественно кричитъ Чацкій: „Карету мнѣ, карету!“ чтобы навсегда покинуть чуждую для него въ своихъ идеалахъ московскую жизнь и итти искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли изображенныя въ комедіи сцены борьбы двухъ міровоззрѣній. На сторонѣ одного изъ нихъ традиціи, на сторонѣ другого—идея. Пока взяло верхъ первое. Такова историческая перспектива, и Грибоѣдовъ остался вѣренъ ей въ своей комедіи. Но Чацкій и московское общество вѣчно юны въ основныхъ противорѣчіяхъ своего міровоззрѣнія. Чацкій лишь первая ласточка, нарушающая покой старины и установившихся отношеній. Такія ласточки прилетаютъ во всякое время на борьбу съ отживающими порядками. Первоначальный удѣлъ ихъ—изгнаніе. И какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ, Чацкій — вѣчно юный типъ молодости, которая лишь въ разныхъ формахъ воюетъ съ дряхлостью. Также закономѣрна и дряхлость, которая всѣми силами старается удержать въ жизни свое вліяніе, спасая свою жизнь и покой. Она тѣмъ болѣе опасна для новой идеи, что имѣетъ своихъ служи-

телей не только среди отживающаго поколѣнія, но и среди только что вступающихъ въ самостоятельную жизнь, какъ напримѣръ Молчалинъ, княжны Тугоуховскія и проч.

Теперь подойдемъ съ педагогической точки зрѣнія къ этой комедіи. Содержаніе ея довольно сложное, тема входитъ въ сферу, сравнительно отдаленную отъ личныхъ переживаній учащихся, хотя и понятную для юношей въ пятнадцать лѣтъ, а потому какъ чтеніе, такъ и изученіе должно производиться при непосредственномъ участіи учителя. Ясно, что Горе отъ ума нужно читать непремѣнно въ классѣ. Нѣсколько устарѣвшіе уже обороты рѣчи комедіи, обиліе разсужденій, скрывающихъ развитіе дѣйствія—все это требуетъ, чтобы ученики во время самаго чтенія отдавали себѣ отчетъ въ содержаніи отдѣльныхъ сценъ и характеровъ. Поэтому нельзя Горе отъ ума читать безъ разъясненій и провѣрки прочитаннаго. Необходимо ставить учащимся вопросы, имѣющіе цѣлью выяснить содержаніе бесѣды дѣйствующихъ лицъ и устанавливающихъ внутреннюю связь дѣйствія. Напримѣръ, когда прочитывается характеристика Московскаго общества, вложенная авторомъ въ уста Чацкаго, слѣдуетъ точно установить, про кого онъ говоритъ и что именно; когда происходитъ у него разговоръ съ Фамусовымъ на тему объ отношеніи къ службѣ, слѣдуетъ выяснить противоположность ихъ взглядовъ, дѣлая это путемъ соотвѣтствующихъ вопросовъ, обращенныхъ къ учащимся. Больше того, необходимо въ нѣкоторыхъ случаяхъ разъяснять даже самую мысль писателя, выраженную наиболѣе трудными оборотами, какъ напримѣръ: „кому нужда—тѣмъ спесь, лежи они въ пыли“ и т. п.

Въ самомъ разборѣ комедіи можно итти двумя путями: или разъясняя первоначально основную мысль борьбы идей, а затѣмъ болѣе подробно останавливаясь на отдѣльныхъ характеристикахъ, или обратно. И въ томъ и въ другомъ случаѣ изученіе должно быть основано на группировкѣ фак-

тическихъ данныхъ, относящихся къ поставленной задачѣ. Такую группировку естественно должны производить сами учащіеся, лишь при руководительствѣ со стороны учителя, который только помогаетъ имъ разобраться, что относится и не относится къ тому или другому заданію. Рѣшая вопросъ, какимъ путемъ итти въ изученіи комедіи, слѣдуетъ оцѣнить основное значеніе главной темы, какой въ данномъ случаѣ является борьба идей. Учащихся надобно пріучить брать изъ литературнаго произведенія прежде всего самое главное, а потому ясно, что первый способъ предпочтительнѣе. Къ тому же выводу приводитъ и техническая сторона дѣла. Начиная съ отдѣльныхъ характеристикъ, пришлось бы ввести въ изученіе развитіе дѣйствія, чтобы понять не только мысли, а и поступки литературныхъ персонажей комедіи, но это слишкомъ усложнило бы работу, такъ какъ сразу же въ ней было бы соединено двѣ трудности, тѣмъ болѣе что развитіе дѣйствія временами искусно соединено Грибоѣдовымъ съ содержаніемъ идей. А потому проще сначала разсмотрѣть именно ихъ главное выраженіе.

Способъ изученія идей можетъ быть тоже различенъ, въ зависимости отъ ихъ расположенія: или по степени важности, или по ходу комедіи. Проще всего послѣднее. Подходя къ комедіи именно съ этой стороны, нужно спросить у учащихся, въ какихъ сценахъ отражена основная идея произведенія борьбы новыхъ взглядовъ со старыми, причемъ и самая идея комедіи выводится на основаніи отвѣтовъ учащихся примѣрно на слѣдующіе вопросы: нашелъ ли Чацкій сочувствіе въ средѣ московскаго общества начала XIX вѣка? въ какихъ вопросахъ обнаружилось различіе его взглядовъ отъ взглядовъ отдѣльныхъ представителей и цѣлаго московскаго общества? къ чему привела ихъ взаимная борьба? въ чемъ состоитъ главное содержаніе комедіи?

Послѣ этого ученикамъ придется послѣдовательно перечислить сцены, отражающія борьбу идей Чацкаго, съ од-

ной стороны, и отдѣльныхъ представителей общества или цѣлаго—съ другой. Такими сценами являются: насмѣшка надъ московскимъ обществомъ во время перваго разговора съ Софьей, возмущенное негодованіе по поводу взглядовъ Фамусова на службу и на покровительство родственникамъ, ѣдкая характеристика общества въ монологѣ: „а судьи кто?“ презрѣніе къ низкопоклонничеству Молчалина, возмущеніе безразсуднымъ подражаніемъ французскимъ модамъ въ монологѣ: „французикъ изъ Бордо“... и наконецъ недовольство безсодержательнымъ шумомъ кружка князя Григорія.

Теперь остается лишь послѣдовательно изложить содержаніе этихъ сценъ, какъ то сдѣлано выше, и тѣмъ самымъ окончательно выяснить общественное значеніе комедіи и ея главную мысль.

Дальше слѣдуетъ перейти къ отдѣльнымъ характеристикамъ, опять таки группируя событія вокругъ соотвѣтствующихъ лицъ, сообразно съ развитіемъ дѣйствія. Такими характеристиками въ комедіи являются: Чацкій, Фамусовъ, Софья, Молчалинъ, Скалозубъ, Репетиловъ, Загорѣцкій и др. Наиболѣе сложны изъ нихъ характеристики первыхъ четырехъ лицъ, остальныя же группируютъ вокругъ себя меньше матеріала, въ нихъ почти отсутствуетъ дѣйствіе и потому о нихъ можно ограничиться немногими словами. Въ заключеніе необходимо произвести объединеніе отдѣльныхъ характеристикъ, чтобы яснѣе противопоставить имъ новое начало, отраженное въ лицѣ Чацкаго и намѣченное нѣсколькими штрихами въ Софьѣ.

Чацкій провелъ въ Москвѣ свое дѣтство. Онъ близокъ былъ съ домомъ Фамусова, и съ дочерью его Софьей провелъ дѣтство, играя и мечтая о будущемъ; затѣмъ онъ поступилъ въ полкъ, а потомъ уѣхалъ на три года за границу. Оттуда Чацкій стремился своими мыслями къ Софьѣ, представляя ее своей невѣстой. Поэтому, возвратясь въ

Москву, онъ прежде всего поѣхалъ къ Фамусовымъ, даже не заглянувъ къ себѣ, но здѣсь ждало его разочарованіе, такъ какъ Софья уже успѣла полюбить другого, Молчалина, съ которымъ проводила все свое время, разыгрывая дуэты. Холодно встрѣченный, Чацкій не замѣчаетъ истинной причины этого и непроизвольно выливаетъ свою обиду на все московское общество, которое отличается своей безсодержательностью. Съ отцомъ Софьи, Фамусовымъ, Чацкій тоже не можетъ говорить спокойно, такъ какъ видитъ въ немъ наиболѣе виднаго представителя стараго уклада жизни, покоившейся на подслуживаніи къ лицамъ, стоявшимъ выше по положенію, на рабскомъ угодничествѣ, угнетеніи низшихъ и покровительствѣ родному человѣку. Протестъ противъ всего этого былъ опасенъ, потому что люди не могли простить посягательства на ихъ благополучіе; но Чацкій вступаетъ съ ними въ словесный бой, не боясь прослыть корбонаріемъ, опаснымъ мечтателемъ и вреднымъ человѣкомъ, котораго нужно отдать подъ судъ. Онъ съ ожесточеніемъ бранитъ взяточниковъ, крѣпостниковъ и людей, пресмыкающихся предъ богатствомъ и почетомъ и восторгающихся лишь гвардейскимъ мундиромъ.

Все это еще больше отдаляетъ его отъ Софьи, которая видитъ отраженіе названныхъ чертъ въ любимомъ человѣкѣ Молчалинѣ, не понимая, что эти черты дѣйствительно являются недостатками. Но Чацкій не замѣчаетъ этой привязанности, потому что занятъ не только любимой дѣвушкой, а и своей ненавистью къ недостаткамъ московскаго общества, а между тѣмъ внимательному человѣку на его мѣстѣ ясны были бы отношенія Софьи къ Молчалину и къ нему самому, особенно въ моментъ ея обморока по случаю паденія Молчалина съ лошади. Чацкій лишь смутно чувствуетъ, что его мѣсто занято въ сердцѣ дѣвушки кѣмъ то другимъ, но не можетъ понять, кѣмъ именно, потому что Скалозубъ слишкомъ не уменъ, а Молчалинъ ничто-

женъ настолько, что Софья повидимому его не уважаетъ, какъ это можно заключить изъ ея же собственныхъ словъ, тѣмъ болѣе что къ ней Чацкій привыкъ относиться съ уваженіемъ.

Не замѣчая истиннаго настроенія Софьи, громя московское общество, Чацкій встрѣчается на балу у Фамусова съ многочисленными представителями послѣдняго, жалкими и ничтожными, темными и невѣжественными. Онъ возстановилъ противъ себя всѣхъ этихъ людей и достаточно было случайнаго замѣчанія Софьи Павловны, что Чацкій не въ своемъ умѣ, какъ вѣсть эта выросла до громадныхъ размѣровъ и окончательно опредѣлила къ нему отношеніе общества, признавшаго Чацкаго сумашедшимъ. Въ этомъ было объясненіе тѣхъ непонятныхъ поступковъ и мыслей, которые составляли содержаніе Чацкаго: онъ не желалъ служить, а люди не могли понять, что причиной этому являлось отвращеніе къ прислуживанію—слишкомъ тѣсно сжились они съ такимъ качествомъ; онъ почему то всѣхъ бранилъ и разносилъ порядки, которые давали обществу покой, довольство и богатство. Поэтому естественнымъ результатомъ столкновенія двухъ міропониманій былъ разрывъ между двумя сторонами, закончившійся душевной драмой Чацкаго, который не видалъ ничего хорошаго и за предѣлами знакомыхъ Фамусова, у тѣхъ людей, которые группировались вмѣстѣ съ Репетиловымъ вокругъ князя Григорія.

Окончательно разочаровался Чацкій въ лучшихъ привязанностяхъ своего сердца, когда явился нечаяннымъ свидѣтелемъ заключительной сцены въ романѣ Софьи и Молчалина. Ему было больно, что Софья притворялась въ своихъ отношеніяхъ къ этому низкому человѣку и обидно, что такое ничтожество могло завладѣть ея сердцемъ.

Не находя отклика своимъ стремленіямъ, отверженный

въ интимныхъ чувствахъ, Чацкій долженъ былъ итти искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ.

Фамусовъ—представитель стариннаго уклада жизни. Онъ занимаетъ крупное мѣсто, но дѣлами не занимается, предпочитая подписывать бумаги: что дѣло, что не дѣло—подписано, такъ съ плечъ долой. Таково его отношеніе къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Въ жизни его красной нитью проходятъ три главныхъ момента дѣятельности: заботы о приличной партіи дочери, устройство служебной карьеры и охраненіе старинныхъ устоевъ жизни.

Первое осложняется для него тѣмъ обстоятельствомъ, что Софья живетъ самостоятельно, уже давно лишившись матери и находясь на попеченіи гувернантки, которая однако позволила себя сманить на другое мѣсто за лишніе пятьсотъ рублей. Поэтому обязанности Фамусова осложнились болѣе близкимъ надзоромъ за ея чувствами. Безпокойство его выросло до высокихъ размѣровъ, когда онъ однажды рано утромъ увидѣлъ Софью вмѣстѣ съ Молчалиномъ, и служебная готовность послѣдняго поднести ему на просмотръ приготовленныя ранѣе бумаги не могла разсѣять подозрѣнія. Безпокойство это было тѣмъ понятнѣе, что Фамусовъ ни въ какомъ случаѣ не могъ согласиться на бракъ Софьи съ Молчалинымъ, такъ какъ желалъ выдать ее за богатаго и знатнаго, умѣющаго составить себѣ прочное положеніе. Поэтому онъ отрицательно относится къ исканіямъ Чацкаго, такъ какъ послѣдній не удовлетворялъ этимъ условіямъ. Всѣ мысли его направлены на Скалозуба, который давно полковникомъ уже, хотя служитъ и недавно, умѣетъ заслужить отличіе и подаетъ надежды на будущее. Поэтому къ Скалозубу онъ относится очень предупредительно, даже заискивающе, защищаетъ его отъ ѣдкихъ насмѣшекъ Чацкаго и ухаживаетъ на балу, преслѣдуя одну и туже цѣль замужества дочери.

Какъ громомъ поразило Фамусова открытіе, что Софья

устраиваетъ свиданіе съ Чацкимъ на лѣстницѣ. Обстоятельства сложились такъ, что Фамусовъ долженъ былъ притти именно къ этому заключенію, не подозрѣвая того, что предметомъ любви его дочери былъ его же служащій, взятый имъ изъ ничтожества въ секретари. Злоба заговорила въ Фамусовѣ, нашедшая выходъ въ рѣшеніи отправить дочерь въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ, а боязнь за свое положеніе вылилась въ этой классической фразѣ: что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна!

Устройство служебной карьеры очень заботило Фамусова. Онъ шелъ очевидно въ этомъ тѣмъ же путемъ, какимъ онъ восторгается въ примѣрахъ двоюроднаго дяди Максима Максимыча, который, увидѣвши, что его случайное паденіе вызвало благосклонную улыбку императрицы, повторилъ тоже еще два раза, но уже нарочно. „Зато, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ? Кто слышалъ при дворѣ привѣтливое слово? Максимъ Максимычъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ? Максимъ Максимычъ! Шутка! Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ? Максимъ Максимычъ!“

На службу Фамусовъ смотритъ какъ на средство наживы, личное и своихъ родственниковъ. Поэтому при немъ „служащіе чужіе очень рѣдки: все больше сестрины, свояченицы дѣтки“. Одинъ Молчалинъ лишь не свой, „и то затѣмъ, что дѣловой“. Какъ станетъ представлять къ крестишку иль къ мѣстечку, ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!...“

Ясно поэтому, что Фамусовъ долженъ былъ всѣми силами своей энергіи напасть на опасныя идеи Чацкаго, который совершенно отрицалъ всѣ установившіеся въ этомъ дѣлѣ традиціи, считая ихъ недостойными и вредными для государства. Фамусовъ не можетъ назвать такого человѣка иначе, какъ корбонаріемъ, опаснымъ, который вольность хочетъ проповѣдать и котораго нужно отдать подъ судъ.

Въ Фамусовѣ мы видимъ, такимъ образомъ, откровенное признаніе, чѣмъ жило чиновное общество XVIII вѣка, не одно только московское, а именно все чиновное русское. Это типъ того времени и потому личность Фамусова отличается въ комедіи особенной выпуклостью, будучи поставлена въ центрѣ всѣхъ, сочувствующихъ ему и одинаково мыслящихъ.

Софья занимаетъ особое положеніе въ комедіи. По складу своихъ воззрѣній она принадлежитъ старому времени. Это видно изъ отношенія ея къ жестокой критикѣ Чацкаго. Софья не на его сторонѣ, когда онъ обрушился на безсодержательность московскаго общества. Ей не нравится его рѣзкіе отзывы о людяхъ, и она ищетъ причину этого не въ нихъ, а въ Чацкомъ, говоря, что этотъ человѣкъ унизить радъ, кольнуть—завистливъ, гордъ и золъ; она считаетъ его чуть не сплетникомъ, котораго бы съ тетушкою свесть, чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть; не видитъ въ немъ благороднаго негодованія, а лишь озлобленность и особое наслажденіе говорить людямъ колкости, что выражается въ ея искреннемъ возмущеніи: „хочу у васъ спросить: случалось ли, чтобъ вы, смѣясь или въ печали, ошибкою добро о комъ сказали? хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть?“ Его отношеніе къ Молчалину только усиливаетъ ея настроеніе, а возмущеніе угодничествомъ послѣдняго, выразившееся особенно ѣдко во время бала, когда тотъ вовремя предупредилъ разгнѣванность Хлестовой, наговоривъ любезностей о ея собачкѣ и составивъ партію для карточной игры, вызываетъ у ней искреннее негодованіе и фразу, что Чацкій не въ своемъ умѣ.

Такимъ образомъ, Софья не понимала Чацкаго, ей не доступны были колкія насмѣшки послѣдняго надъ знакомыми, бывавшими въ домѣ ея отца, потому что Софья не задавалась вопросомъ о правильности той жизни, которая текла вокругъ. Въ этой жизни она не принимала участія и

жила совершенно изолированно, увлекаясь Молчалинымъ, съ которымъ разыгрывала дуэты.

Но въ этомъ Софья поступаетъ совершенно самостоятельно. Здѣсь она не преслѣдуетъ какихъ либо корыстныхъ разсчетовъ, такъ какъ замужество съ Молчалинымъ не несетъ ей никакихъ матеріальныхъ выгодъ, наоборотъ, его посѣщенія грозятъ бѣдою. Софья не понимаетъ Молчалина. Въ его угодливости она видитъ услужливость, а въ умѣньѣ снискать расположеніе домашнихъ—доброе сердце. Поэтому она увлекается искренно, и въ этомъ идетъ наперекоръ установившимся взглядамъ, осуждающимъ замужество съ человѣкомъ, стоящимъ ниже по своему достатку и чиновному положенію. Такимъ образомъ, Софья вѣрна себѣ. Понятно, почему она ненавидитъ Чацкаго, несправедливо по ея мнѣнію унижающаго Молчалина. Ей приходится хитрить, скрывая чувства отъ постороннихъ глазъ, такъ какъ со стороны она можетъ встрѣтить лишь осужденіе, и это даетъ ей силы болѣе или менѣе удачно объяснить прорвавшееся наружу чрезмѣрное участіе къ этому человѣку, когда тому грозила опасность во время паденія съ лошади, даетъ ей силы выдержать испытаніе Чацкаго, прямо ставившаго вопросъ, кого она любитъ.

Искренность ея чувства смѣняется столь же искреннимъ возмущеніемъ, когда ея глаза раскрыты подлостью, такъ ярко выразившеюся въ разговорѣ Молчалина съ Лизой на темной лѣстницѣ. Софья поняла, кого она любила, и съ благороднымъ негодованіемъ созналась въ своей ошибкѣ, не желая больше видѣть недостойнаго человѣка. Софья послѣдовательна, какъ послѣдовательна была и въ отношеніи Чацкаго, отвергнувъ его исканія. Въ своей душѣ она носитъ много благородства и богатыхъ возможностей, которыя въ иныхъ условіяхъ воспитанія могли бы создать изъ нея дѣвушку, отрицательно относящуюся къ подлости и лжи. И только потому, что въ кругу общественныхъ отношеній она

ни того ни другого не замѣчаетъ, Софья живетъ согласно съ окружающими.

Молчалинъ самый ничтожный человѣкъ изъ числа всѣхъ лицъ комедіи. Свое положеніе онъ создаетъ низостью и угожденіемъ начальнику, съ кѣмъ будетъ онъ служить, слугѣ его, который чиститъ платье, швейцару, дворнику, для избѣжанья зла, собакѣ дворника, чтобъ ласковѣй была. Онъ притворяется влюбленнымъ въ Софью Павловну, такъ какъ и на этомъ расчитываетъ построить свою карьеру, разыгрываетъ съ нею дуэты и проводитъ за этимъ занятіемъ цѣлыя ночи. Фамусова онъ обманываетъ своей молчаливостью и готовностью выполнить каждое распоряженіе и вынести всякую обиду. Тѣмъ же самымъ пріобрѣтаетъ расположеніе и всѣхъ остальныхъ лицъ, отъ которыхъ можетъ зависѣть. Покровительство Хлестовой пріобрѣтаетъ умѣлымъ угодничествомъ и мечтаетъ о благодѣяніяхъ Татьяны Юрьевны, къ которой каждый долженъ ѣздить съ визитомъ, какъ къ всесильной дамѣ, знакомой съ министрами и способной устроить судьбу каждаго человѣка. Онъ боится раскрытія своихъ отношеній къ Софьѣ Павловнѣ, что особенно выражается въ опасеніи, какъ бы не повредила ему откровенность Софьи, когда та упала въ обморокъ, увидѣвши его паденіе съ лошади.

Итакъ, во всемъ расчетъ, нѣтъ чувства, нѣтъ полета, да нѣтъ и широты размаха даже въ низости поведенія. Во всемъ умѣренность и аккуратность. Живетъ онъ скромно, день за день, нынче, какъ вчера; по мѣрѣ силъ, съ тѣхъ поръ какъ числится въ архивахъ, три награжденья получилъ, но не мечтаетъ о почестяхъ и знатности, такъ какъ у всякаго талантъ есть свой. Молчалинъ покорно сноситъ презрѣніе Чацкаго и также покорно готовъ снести негодованіе Софьи, когда у той раскрылись глаза на его поведеніе, но спасенья нѣтъ, такъ

какъ на пути у него встала дѣвушка послѣдовательная, съ искреннимъ чувствомъ.

Молчалины не могутъ примирить съ собою правдивыхъ людей, хотя бы тѣ и принадлежали вслѣдствіе недостатковъ своего воспитанія къ тому самому обществу, которое создаетъ угодничество и ложь.

Скалозубъ—неумный солдатъ своего времени. Онъ занятъ карьерой и тѣмъ, чтобъ не отстать отъ гвардіонцевъ, принося съ собою всюду самодовольство и недостатокъ ума.

Хлестова цѣльная натура XVIII вѣка, по своему содержанію приближающаяся къ Фамусову. Она считаетъ плутомъ Загорѣцкаго, не уважаетъ его, но побѣждена его услужливостью и принимаетъ у себя въ домѣ. Также она относится и къ Молчалину, внимательность котораго пріобрѣтаетъ ея расположеніе.

Объ остальныхъ лицахъ комедіи можно было бы высказать тоже совершенно опредѣленныя мысли, характеризуя Лизу, какъ преданную служанку своей барышни, хотя и пользующуюся выгодами положенія, Горича—какъ обезличеннаго мужа, Наталью Дмитріевну—какъ его повелительницу, семейство князей Тугоуховскихъ и графинь Хрюминыхъ—какъ лицъ изъ общества, создающихъ фонъ его жизни, Загорѣцкаго — какъ лгуна и мошенника, Репетилова—какъ добраго малаго, прожигающаго жизнь въ недомысліи и т. д.,—но подробный разборъ слишкомъ далеко отвлекъ бы насъ отъ главныхъ персонажей комедіи.

Такимъ образомъ, ученикамъ можно выяснить общую картину той жизни, на борьбу съ которой выступилъ Чацкій со всей силой своего ума и горячаго сердца. Теперь понятно будетъ названіе комедіи, чье горе въ ней описано и въ чемъ заключается причина этого. Именно умъ Чацкаго заставилъ его отрицательно отнестись къ безсодержательности, пустотѣ, угодничеству, подлости и другимъ недостаткамъ людей, связанныхъ однородностью интересовъ

въ общество, отрицательно отнестись къ нему въ цѣломъ и устранить себя отъ участія въ его жизни съ горькимъ сознаніемъ своего одиночества и мильономъ душевныхъ терзаній.

Разсматривая произведенный разборъ съ педагогической точки зрѣнія, слѣдуетъ признать описанную работу довольно сложной для учащихся старшаго класса четырехклассной общеобразовательной школы, но все же посильной. Что же касается до содержанія изображенныхъ идей и яркости типовъ, то все это говоритъ о крайней желательности чтенія Горе отъ ума съ учащимися. Они получатъ здѣсь знаніе жизни, передъ ними раскроются историческія перспективы и современность будетъ яснѣе. Наконецъ на этой комедіи ученики познакомятся съ методомъ изученія драматической поэзіи и тѣмъ самымъ сдѣлаютъ себѣ болѣе доступнымъ самостоятельное чтеніе литературы того же рода, какъ напримѣръ сочиненія Островскаго, А. Толстого, Чехова и др. писателей. Наконецъ нужно сказать, что въ изученіи Горя отъ ума ученики могутъ и должны имѣть нѣкоторую подготовку черезъ классное чтеніе и разборъ такихъ произведеній, какъ Недоросль и Борисъ Годуновъ; несомнѣнно, эти произведенія должны быть прочитаны въ классѣ раньше, чѣмъ Горе отъ ума, такъ какъ они проще по содержанію, а Горе отъ ума лишь дополнитъ литературное образованіе учащихся, когда они будутъ изучать біографіи главнѣйшихъ русскихъ писателей на фонѣ исторической жизни.

Въ заключеніе необходимо оговориться, почему такъ несоразмѣрно долго пришлось остановиться здѣсь на комедіи Горе отъ ума. Это вытекаетъ изъ тѣхъ трудностей ея изученія, на которыя было указано, и вызвано необходимостью точно опредѣлить, что именно могутъ почерпнуть учащіеся изъ ея изученія, а также въ краткихъ чертахъ намѣтить послѣдовательность классной работы. Само собой разумѣется, что послѣдняя можетъ и не охватывать всѣхъ характеристикъ

комедіи, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ желательно дать учащимся для самостоятельной разработки въ сочиненіяхъ, будутъ ли они домашними или классными. Но и въ такомъ случаѣ необходимо установить характеръ требованій, къ нимъ относящійся.

А. С. Пушкинъ.

Дѣти уже познакомились съ нѣкоторыми изъ сочиненій Пушкина въ курсѣ перваго и второго классовъ, а именно, по изложенному выше плану предполагались къ прочтенію: отрывки изъ Руслана и Людмилы, Бѣсы, Утопленникъ, Гаданье и сонъ Татьяны, Осень, Туча, Кавказъ, Обвалъ, Эхо, Поэтъ, Пророкъ, Памятникъ, Зимній вечеръ, Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли... Мадонна, Москва, Анчаръ, Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ, Келья въ Чудовѣ монастырѣ, Монологъ царя Бориса, Мѣдный всадникъ, Отрывки изъ Полтавы: Малороссія передъ Полтавской битвой, Кочубей въ темницѣ, Полтавскій бой, Отрывки изъ повѣсти Капитанская дочка: вожатый, приступъ, Пугачевъ.

Поэтому нѣтъ надобности снова возвращаться къ изученію лирики Пушкина, достаточно будетъ лишь соединить ее съ біографіей писателя. Изъ остальныхъ сочиненій Пушкина въ третьемъ и четвертомъ классахъ придется прочитать слѣдующія: Капитанскую дочку, Полтаву, Кавказскаго плѣнника, Галуба, Цыганъ, Скупого рыцаря, Бориса Годунова и Евгенія Онѣгина

Что касается до послѣдовательности чтенія этихъ произведеній, то здѣсь не встрѣчается надобности держаться какого-либо обязательнаго плана, сообразно развитію основныхъ моментовъ творчества Пушкина, такъ какъ каждое изъ его произведеній разсматривается пока совершенно самостоятельно, безъ связи съ другими, и потому литературный матеріалъ достаточно расположить лишь по степени труд-

ности, причемъ Бориса Годунова и Евгенія Онѣгина непремѣнно слѣдуетъ прочитать не ранѣе четвертаго класса. Что касается до объединенія произведеній Пушкина и изученія основныхъ настроеній писателя, отразившихся въ этихъ произведеніяхъ, то объ этомъ придется говорить впослѣдствіи, когда будемъ разсматривать его біографію.

Капитанская дочка.

Чтеніе „Капитанской дочки“ возможно отнести или на классныя или на внѣклассныя занятія, такъ какъ это произведеніе отличается удивительной простотой изложенія, наряду съ художественностью формы и увлекательностью содержанія. Въ послѣднемъ случаѣ все же желательно прочитать въ классѣ совмѣстно съ учащимися хотя бы первую главу повѣсти, чтобы поставить для ихъ дальнѣйшей самостоятельной работы опредѣленные вопросы, способствующіе выясненію содержанія, напримѣръ: Какъ протекала служба Гринева? Съ какими лицами ему приходилось войти въ соприкосновеніе? Къ кому изъ нихъ Гриневъ относился съ уваженіемъ, съ любовью и кто ему не нравился? Почему? Въ чемъ состоятъ главныя событія жизни Гринева?

Ученики безъ затрудненія могутъ отвѣтить на всѣ эти вопросы, послѣ чего возможно приступить къ болѣе подробному изученію отдѣльныхъ лицъ повѣсти. Для этого нужно предложить учащимся разсказать все, что изложено въ повѣсти о каждомъ изъ ея персонажей. И учителю придется лишь только внимательно слѣдить, чтобы не было въ этомъ разсказѣ существенныхъ пропусковъ. Въ концѣ концовъ дѣти разскажутъ слѣдующее.

Петръ Андреевичъ Гриневъ былъ сынъ отставного премьеръ-маіора. Дѣтство его протекало въ деревенской глуши, гдѣ онъ воспитывался въ родительскомъ домѣ подъ руководствомъ дядьки Савельича и француза Бопре. Послѣдній

ничему не научилъ юношу, и за порочную жизнь былъ уволенъ отъ своей должности. Мальчикъ окончательно былъ предоставленъ Савельичу, который привязался къ нему всей душой. Когда Гриневу исполнилось шестнадцать лѣтъ, отецъ отправилъ его на службу въ Оренбургъ. По дорогѣ съ молодымъ человѣкомъ случилось несчастіе—онъ проигрался въ карты, впервые напившись пьянымъ. Савельичъ упрекалъ Гринева за совершонный поступокъ, но юноша, желая сбросить съ себя опеку дядьки, приказалъ ему слушаться, такъ какъ тотъ его крѣпостной. Въ степи случился буранъ и путники заблудились. Случайно они наткнулись на человѣка, который довезъ ихъ до умета. Гриневу захотѣлось отблагодарить вожатаго и онъ велѣлъ Савельичу выдать ему полтину. Савельичъ наотрѣзъ отказался это исполнить, такъ какъ деньги находились въ его завѣдываніи, и на поступокъ своего воспитанника онъ смотрѣлъ, какъ на мотовство. Молодой человѣкъ распорядился отдать незнакомцу свою безспорную собственность — заячій тулупъ, желая остаться благодарнымъ... и т. д.

Не будемъ, однако, излагать дальнѣйшее содержаніе повѣсти, такъ какъ характеръ этой работы уже опредѣлился изъ сказаннаго.

Для изученія личности Гринева ученикамъ необходимо будетъ предложить послѣдовательно слѣдующіе вопросы.

Изъ какой среды происходилъ Петръ Андреевичъ Гриневъ? Кто былъ его воспитателемъ? Какъ онъ учился? Какая разница была въ отношеніи къ нему Бопре и Савельича? Кто стоялъ ближе къ воспитаннику? Къ кому изъ своихъ воспитателей мальчикъ чувствовалъ больше привязанности? Чѣмъ привлекала Гринева военная служба? Какъ разлетѣлись его мечты о веселой жизни? Какъ относился къ сыну отецъ? Мать? Какъ относился Савельичъ къ молодому барчуку, когда тотъ поступилъ подъ его исключительную опеку? Какія попытки дѣлалъ Гриневъ для освобожденія отъ этой

опеки? Чѣмъ это кончилось? Почему опека Савельича не была тяжелой? Почему молодой человѣкъ слушался своего дядьки? Какія первыя впечатлѣнія получилъ Гриневъ на службѣ? Кого онъ встрѣтилъ въ Бѣлогорской крѣпости? Какъ развивалось его сердечное чувство къ Марьѣ Ивановнѣ? Какъ онъ проявилъ свое благородство, защищая честь любимой дѣвушки? Почему онъ сдѣлалъ это путемъ дуэли? Какъ Гриневъ выполнилъ свой служебный долгъ во время осады и взятія Бѣлогорской крѣпости? Какъ онъ относился къ Пугачеву? Какъ себя держалъ съ нимъ? Какъ держалъ себя на военномъ совѣтѣ въ Оренбургѣ? Какъ проявилъ неустрашимость и мужество, спасая Марью Ивановну? Почему презиралъ Швабрина? Почему не оправдался на судѣ, когда его обвинили въ измѣнѣ, хотя и имѣлъ полную возможность? Можно ли назвать Гринева благороднымъ рыцаремъ? Укажите примѣры его рыцарскаго отношенія къ Марьѣ Ивановнѣ, къ Швабрину, къ своему служебному долгу?

Для изученія Швабрина можно попросить учениковъ разсказать событія, относящіяся къ его личности и, когда потребуется, ставить слѣдующіе вопросы.

Какъ Швабринъ попалъ въ Бѣлогорскую крѣпость? Почему онъ преслѣдовалъ Марью Ивановну? Въ чемъ выразилось его безчестное отношеніе къ ней, къ Гриневу, къ служебному долгу? Почему онъ присталъ къ Пугачеву? Почему завѣдомо ложно оклеветалъ Гринева? Чѣмъ Швабринъ отличается отъ Гринева и какъ послѣдній поступилъ бы на его мѣстѣ?

Другихъ обитателей Бѣлогорской крѣпости, кромѣ Марьи Ивановны, слѣдуетъ изучать не отдѣляя другъ отъ друга, потому что жизнь ихъ — одно цѣлое. Вопросы могутъ быть заданы слѣдующіе.

Чья была дочь Марья Ивановна? Гдѣ она выросла? Откуда видна ея скромность? Самоотверженіе? Глубокая привязанность къ родителямъ? Любовь къ Гриневу? Какъ

выразилась ея героическая стойкость въ отношеніи къ Швабрину? Уваженіе къ родителямъ Гринева? Исканіе правды?

Какъ жили въ Бѣлогорской крѣпости Иванъ Кузьмичъ, Василиса Егоровна и Иванъ Игнатьичъ? Откуда видно, что всѣ они герои?

Для изученія исторической обстановки повѣсти необходимо выяснить общій фонъ жизни крѣпости и ея обитателей.

Походила ли Бѣлогорская крѣпость на нынѣшнія? Чѣмъ отличалась? Какъ происходили тамъ ученья? Каковъ былъ гарнизонъ? Оборона? Почему ненадежны были казаки? Почему возмущались башкирцы? Почему Пугачевъ имѣлъ успѣхъ въ возмущеніи этихъ слоевъ населенія? Чѣмъ онъ руководствовался, объявивъ себя императоромъ Петромъ III?

Нѣсколько въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ лицъ стоитъ личность Савельича. Это удивительно привлекательный человѣкъ въ своемъ отеческомъ отношеніи къ Гриневу, и характеристика его въ повѣсти изображена настолько художественно, что Савельичъ передъ нами совершенно живой человѣкъ. Для изученія его можно спросить у учащихся:

Кто былъ Савельичъ? Съ какого времени его приставили къ Гриневу? Какъ онъ относился къ Бопре? Почему? Какъ относился къ воспитаннику? Какъ смотрѣлъ на барское добро? Какъ оберегалъ юношу отъ необдуманныхъ поступковъ, когда они казались ему дурными? Какъ заботился объ его защитѣ? Какъ вступился передъ Пугачевымъ? Былъ ли преданъ Гриневу? Почему не хотѣлъ остаться въ Оренбургѣ? Какъ относился къ Марьѣ Ивановнѣ? Была ли въ его отношеніи къ Гриневу рабская покорность или отеческая заботливость? Почему воспиталось послѣднее?

Наконецъ ученикамъ могутъ быть предложены для письменныхъ работъ характеристики Гринева, Швабрина, капитана Миронова, Марьи Ивановны, Василисы Егоровны, Савельича, или темы болѣе общаго характера, какъ напримѣръ:

воспитаніе барчука въ половинѣ XVIII вѣка, повседневная жизнь обитателей Бѣлогорской крѣпости, рыцарство Гринева и т. п.

Въ заключеніе необходимо обратить вниманіе учащихся и на языкъ повѣсти, отличающійся удивительной простотой, образностью и изяществомъ. Для этого нужно подвергнуть отдѣльныя мѣста художественному и синтаксическому разбору.

Полтава.

Эта поэма по простотѣ своего содержанія приближается къ „Капитанской дочкѣ“, но художественная сторона ея сложнѣе и пониманіе ея затрудняется стихотворной формой, гдѣ почти каждый стихъ представляетъ художественный образъ, надъ которымъ слѣдуетъ задуматься, чтобы вполнѣ усвоить красоту изложенія. Поэтому Полтаву непремѣнно слѣдуетъ читать въ классѣ совмѣстно съ учителемъ, обязанности котораго въ этомъ случаѣ сводятся главнымъ образомъ къ контролю чтенія и разъясненію наиболѣе трудныхъ мѣстъ. На ряду съ этимъ необходимо остановить вниманіе учащихся на удивительныхъ описаніяхъ Пушкина, иначе дѣти могутъ коснуться ихъ своимъ сознаніемъ лишь поверхностно, слѣдя за развитіемъ дѣйствія. Нѣкоторыя мѣста слѣдуетъ заучить наизустъ, напримѣръ: „Тиха украинская ночь“, „Горитъ востокъ зарею ясной“.

Изученіе Полтавы должно быть основано на усвоеніи характеристикъ дѣйствующихъ лицъ и исторической обстановки. Въ этихъ занятіяхъ слѣдуетъ итти тѣмъ же путемъ, какъ и въ Капитанской дочкѣ, т. е. въ изложеніи ряда событій, относящихся къ тому или другому лицу и хронологической группировкѣ. На ряду съ этимъ возможны вопросы учителя, если они вызываются необходимостью обратить вниманіе учащихся на ту или другую сторону сочиненія.

Въ поэмѣ есть матеріалъ для характеристики Мазепы, Маріи и Кочубея. Остальныя лица играютъ въ ней лишь служебную роль для выясненія главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Вопросы могутъ быть предложены слѣдующіе.

Кто былъ Мазепа? Какой замыселъ онъ лелѣялъ противъ Петра? Почему? Не было ли тутъ кромѣ честолюбія и причинъ личнаго характера? Какъ онъ скрывалъ свои сношенія съ Карломъ? Кто проникъ въ его планы? Какъ это случилось? Почему Мазепа сохранилъ довѣріе Петра, не смотря на доносъ Кочубея? Почему для его дѣла нужна была казнь Кочубея? Какъ онъ рѣшился на это? Какъ измѣнилась его личная жизнь послѣ казни? Когда онъ открыто принялъ сторону Карла? Какова дальнѣйшая судьба Мазепы послѣ Полтавской битвы?

Чья дочь была Марія? Какими качествами она отличалась? Какое впечатлѣніе произвелъ на нее отказъ родителей въ сватовствѣ Мазепы? Какъ измѣнилась ея жизнь послѣ этого? Почему? Знала ли она о горѣ домашнихъ? О планахъ Кочубея? Почему не знала? Понимала ли, что своими словами о томъ, кто ей дороже—отецъ или Мазепа—она обрекала отца на казнь? Почему ее ошеломили слова матери? Что случилось съ Маріей, когда она узнала о казни отца? Въ какой сценѣ проявилось ея сумашествіе? Почему Марія была несчастна?

Кто былъ Кочубей? Почему онъ рѣшился раскрыть Петру Великому планы Мазепы? Какъ онъ это сдѣлалъ? Почему его постигла неудача? Не потерялъ ли онъ мужества во время пытокъ? Откуда это видно? Почему это случилось? Не надломило ли его семейное горе?

Къ какому времени относятся всѣ событія, изложенныя въ Полтавѣ? Какое значеніе имѣла эта война со шведами для Россіи? Почему Пушкинъ такъ восторженно описываетъ полтавскій бой? Какъ нарисованъ авторомъ Петръ Великій въ этомъ произведеніи?

Кавказскій плѣнникъ. Галубъ. Цыганы.

Эти поэмы Пушкина можно разсматривать съ двухъ сторонъ: этнографически-художественной и біографической. Отношеніе самого Пушкина установилось къ нимъ очень опредѣленное: Галубъ не законченъ, Кавказскій плѣнникъ представляетъ неудачную попытку нарисовать духовную старость русской молодежи его времени, Алеко имѣетъ тѣ же черты. Поэтому изучать названныя поэмы съ біографической стороны—значитъ входить въ курсъ исторіи литературы для характеристики байронизма на русской почвѣ, но такая задача не можетъ принадлежать четырехклассной общеобразовательной школѣ или младшимъ классамъ средняго учебнаго заведенія. А потому Кавказскаго плѣнника, Галуба и Цыганъ слѣдуетъ разсматривать, такъ сказать, со стороны этнографически-художественной. Въ этомъ отношеніи они даютъ много матеріала.

Кавказскій плѣнникъ привлекаетъ вниманіе читателя тремя моментами: жизнь черкесовъ въ мирное время, набѣгъ и черкесская пѣсня, черкешенка. Первая картина описана въ извѣстныхъ стихахъ: „Но европейца все вниманье народъ сей чудный привлекалъ“... и изображаетъ собою послѣдовательно какъ черкесъ пріучается къ войнѣ, видъ черкеса въ бранной одеждѣ и качества его коня, нападеніе на путника и бѣшеную скачку съ плѣнникомъ, ночное нападеніе, гостепріимство черкеса въ мирное время и праздничныя игры молодежи. Все это изложено удивительно сильными и привлекательными стихами, а потому представляетъ особый интересъ.

Вторая картина начинается стихами: „Однажды слышитъ русскій плѣнный,—въ горахъ раздался кликъ военный: „въ табунъ, въ табунъ!“ и представляетъ собою описаніе черкесскаго набѣга, отраженнаго и въ черкесской пѣснѣ.

Третій моментъ поэмы—черкешенка. Образъ ея настолько

яркій, что даже неясности возникновенія ея любви къ плѣнику проходятъ незамѣтными. Она—воплощеніе героизма, выразившагося и въ ночныхъ свиданіяхъ, и въ освобожденіи плѣнника, и въ ея смерти. А потому черкешенка заслуживаетъ того, чтобы на ней, какъ на личности, было остановлено вниманіе учениковъ.

Что касается до самого плѣнника, то его можно было бы коснуться лишь въ томъ случаѣ, если ученики зададутъ тотъ или другой вопросъ, но конечно и тогда нельзя разбирать его какъ олицетвореніе молодой старости.

Галубъ—также по преимуществу бытовая картина. Она рисуетъ похороны молодого черкеса, убитаго рукою завистника. Смерть юноши требовала мести, которую обязанъ былъ привести въ исполненіе Тазитъ, какъ братъ погибшаго, но онъ не дѣлаетъ этого, не смотря на то, что встрѣчаетъ убійцу: тотъ былъ израненъ, безоруженъ. Тазитъ не совершаетъ и другихъ поступковъ, какія по понятіямъ Галуба онъ обязанъ былъ сдѣлать: не убилъ и не ограбилъ попавшагося на встрѣчу армянина, не притащилъ на арканѣ бѣжавшаго раба. Тазитъ поступаетъ, видимо, въ соотвѣтствіи съ воспринятымъ у своего воспитателя христіанскимъ ученіемъ и потому входитъ въ противорѣчіе съ понятіями своего народа. Отсюда изгнаніе юноши и неописуемое горе Галуба, который оставался вѣренъ своему складу жизни. Два міровоззрѣнія столкнулись въ этомъ эпизодѣ, могучія и непреклонныя. Но Пушкинъ не отвѣчаетъ на вопросъ, за которымъ изъ нихъ будущее въ жизни черкесовъ, такъ какъ поэма не кончена.

Цыганы, какъ и Кавказскій плѣнникъ, по преимуществу интересны описаніемъ жизни этого народа, и дѣти еще въ начальной школѣ знакомятся съ отрывкомъ: „Цыганы шумною толпой по Бессарабіи кочуютъ“. Здѣсь мы видимъ ихъ ночлегъ, ихъ скромный ужинъ, сонный таборъ; ручной медвѣдь лежитъ на волѣ... Цыганская жизнь, съ ея безпрерыв-

нымъ кочевьемъ, звономъ походной наковальни и нежатымъ пшеномъ; вся эта жизнь вполнѣ раскрывается передъ читателемъ. Такому образу жизни соотвѣтствуютъ и неглубокія чувства людей, порхающія отъ одного къ другому. Такъ было съ Маріулой, такъ было и съ Земфирой, которая вдругъ, внезапно, полюбила Алеко и также быстро его разлюбила. Для выясненія этой стороны чувства Земфиры можно сопоставить ее съ черкешенкой въ Кавказскомъ плѣнникѣ: мимолетныя настроенія одной и глубина чувства другой. Все это говоритъ не въ пользу Земфиры, рисуетъ ее человѣкомъ поверхностнымъ, и попытка стараго цыгана оправдать Земфиру традиціями народа не можетъ возвысить ея образъ въ глазахъ читателя.

Въ этомъ произведеніи, однако, слѣдуетъ оттѣнить, что не смотря на отрицательныя черты личности, самый типъ Земфиры выполненъ Пушкинымъ въ высокой степени образно, а это даетъ возможность опредѣленно поставить вопросъ о томъ, что художественно можно описывать и отрицательныя черты, т. е. что искусство есть въ высокой степени правдивое изображеніе жизни, не смотря на то, положительныя или отрицательныя черты служатъ темой произведенія.

Скупой рыцарь.

Эта драма раскрываетъ душевный міръ человѣка, искаженный подъ вліяніемъ страсти къ золоту его сказочнымъ могуществомъ и блескомъ. Главный моментъ произведенія —рабское преклоненіе передъ нимъ рыцаря, который, стремясь собрать въ своихъ подвалахъ неизмѣримыя богатства, сдѣлался безсердечнымъ скрягой.

Все исчезло для этого человѣка, кромѣ наслажденія видѣть золото. Съ сердечнымъ трепетомъ онъ сходитъ въ свой подвалъ, открываетъ сундуки, зажигаетъ свѣчи и... царствуетъ. Барону кажется, что онъ владыка: „Отселѣ править

міромъ я могу; лишь захочу—воздвигнутся чертоги; въ великолѣпные мои сады сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою; и музы дань свою мнѣ принесутъ, и вольный геній мнѣ поработится, и добродѣтель, и безсонный трудъ смиренно будутъ ждать моей награды. Я свистну и ко мнѣ послушно, робко, вползетъ окровавленное злодѣйство, и руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли. Мнѣ все послушно, я же—ничему; я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ; я знаю мощь мою: съ меня довольно сего сознанья"...

На самомъ дѣлѣ, баронъ—не царь: онъ—рабъ. Не можетъ онъ воздвигнуть великолѣпные чертоги, не можетъ и инымъ путемъ истратить свои сокровища, потому что онъ тогда лишится самаго могучаго изъ своихъ наслажданій—любоваться блескомъ золота, лишится своего праздника.

Страсть къ золоту сдѣлала сердце барона нечувствительнымъ къ чужому горю, безразличнымъ къ злодѣйству, къ позору и душевному страданію своего сына. Несчастная вдова съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ стояла на колѣняхъ, воя. Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ. И если бы она не заплатила долга, баронъ отправилъ бы ее въ тюрьму. Тибо досталъ дублонъ тамъ, на большой дорогѣ, въ рощѣ... иль можетъ быть укралъ. Сынъ его, Альберъ, выѣзжаетъ на великосвѣтскій праздникъ совсѣмъ не въ той одеждѣ, въ какой полагается рыцарю, съ сокрушеніемъ смотритъ на свой шлемъ, пробитый на турнирѣ, не имѣя возможности купить новый. И это не мотъ, а прекрасный молодой человѣкъ, который дѣлится послѣднею бутылкою вина съ больнымъ кузнецомъ, съ негодованіемъ отвергаетъ мысль объ отравленіи своего отца, подсказанную Соломономъ, чтобы овладѣть богатствами. Баронъ не видитъ и не хочетъ видѣть униженія юноши. Онъ въ концѣ концовъ даже лишается рыцарской чести, клевеща на своего сына, когда Герцогъ проситъ назначить тому содержаніе. И та-

кимъ образомъ окончательно падаетъ въ нравственномъ отношеніи, какъ рыцарь.

Главная мысль драмы ясна сама по себѣ, но если бы ученики не точно ее опредѣлили, то легко помочь имъ примѣрно путемъ слѣдующихъ вопросовъ.

Кто главное лицо драмы? Какая его отличительная черта? Онъ владыка своихъ сокровищъ, или золото—владыка его? Откуда это видно? Чѣмъ особенно привлекаетъ золото скупого рыцаря? Откуда видно, что онъ не можетъ лишиться золота? До чего довела скупого рыцаря страсть къ золоту? Укажите примѣры его безсердечія, преступности и безчестья?

На основаніи этой драмы можетъ быть дана письменная работа: какъ повліяла страсть къ золоту на духовный міръ скупого рыцаря.

Борисъ Годуновъ.

Предметомъ драмы является душа Бориса, котораго неимовѣрно мучатъ угрызенія совѣсти за сдѣланное имъ страшное дѣло. Душевныя страданія его постепенно разростаются и достигаютъ высшаго напряженія, когда Борисъ увидѣлъ, что все идетъ противъ него. Послѣдовательный ходъ дѣйствія развертывается въ двадцати четырехъ сценахъ связанныхъ между собою главной мыслью произведенія.

Въ первой сценѣ описывается разговоръ Шуйскаго и Воротынскаго, гдѣ Шуйскій опредѣленно говоритъ объ убійствѣ Борисомъ царевича Дмитрія и находитъ, что онъ самъ, и Воротынскій, имѣютъ больше правъ на престолъ, чѣмъ Борисъ, какъ потомки Рюрика.

Во второй сценѣ изображается смутное состояніе народной массы вслѣдствіе отказа Бориса принять престолъ.

Въ третьей—искусственный подъемъ народнаго настрое-

нія, созданный боярами, и радость по случаю вступленія на престолъ.

Въ четвертой—намѣренія Бориса царствовать правдиво, со смиреньемъ, и лукавство Шуйскаго, который объяснилъ Воротынскому свою прежнюю бесѣду съ нимъ, какъ желаніе испытать вѣрность своего собесѣдника.

Въ пятой—лѣтописецъ Пименъ, его сказанія и первыя мечты чернеца Григорія о самозванствѣ.

Въ шестой—извѣстіе въ патріаршемъ домѣ о бѣгствѣ и ереси Григорія.

Въ седьмой страданія Бориса, который шестой годъ ужъ царствуетъ спокойно, но не имѣетъ счастія въ своей душѣ. Народная молва обвиняетъ его въ ужасныхъ преступленіяхъ, семейныя дѣла тяготятъ горемъ; душа горитъ; какъ молоткомъ, стучитъ въ ушахъ упрекомъ... и мальчики кровавые въ глазахъ...

Въ восьмой—корчма на Литовской границѣ, откуда Григорій Отрепьевъ окончательно скрылся въ Литву.

Въ девятой—первыя извѣстія въ домѣ Шуйскаго, сообщенныя Пушкинымъ, о томъ, что въ Литвѣ явился самозванецъ.

Въ десятой—Борисъ, какъ отецъ семейства и разумный воспитатель дѣтей, и вѣсть о самозванцѣ, сообщенная Шуйскимъ, первое безпокойство Бориса за обладаніе престоломъ, новыя мученія совѣсти за убійство Дмитрія и рѣшительныя мѣры защиты.

Въ одиннадцатой—первое появленіе Самозванца въ Краковѣ, какъ царевича Дмитрія; пріемъ бояръ, казаковъ и ляховъ, извѣстіе о походѣ въ Москву.

Въ двѣнадцатой—честолюбивые замыслы Марины сдѣлаться московской царицей, женою Лжедмитрія.

Въ тринадцатой—торжественный балъ въ домѣ Мнишекъ и жажда похода.

Въ четырнадцатой—ночь, садъ, фонтанъ; искреннее признаніе Лжедмитрія въ самозванствѣ, оскорбленное самолюбіе его и самоувѣренныя надежды на успѣхъ честолюбивыхъ замысловъ.

Въ пятнадцатой—переходъ черезъ границу и зависть Лжедмитрія къ священному трепету Курбскаго, искренно идущаго на родину совершить великое дѣло.

Въ шестнадцатой—совѣтъ въ царской думѣ, желаніе патріарха убѣдить народъ въ самозванствѣ Лжедмитрія перенесеніемъ въ Москву чудотворныхъ мощей царевича; страданія Бориса, связанныя съ разсказомъ патріарха о чудесахъ, совершаемыхъ мощами Дмитрія; тактическій пріемъ Шуйскаго, отклонившаго совѣтъ патріарха.

Въ семнадцатой—первая побѣда Лжедмитрія.

Въ восемнадцатой—неопредѣленное состояніе умовъ въ Москвѣ, распространеніе слуховъ о Самозванцѣ, обвиненіе Бориса юродивымъ.

Въ девятнадцатой — Самозванецъ въ городѣ Сѣвскѣ, получающій свѣдѣнія о русскомъ войскѣ, и новый походъ.

Въ двадцатой—неудача и самоувѣренная надежда Лжедмитрія овладѣть московскимъ престоломъ.

Въ двадцать первой—внезапная смерть Бориса, погибшаго въ нравственной борьбѣ за престолъ; присяга Ѳеодору.

Въ двадцать второй—переходъ Басманова на сторону Лжедмитрія вслѣдствіе убѣжденій Пушкина.

Въ двадцать третьей—признаніе народомъ Лжедмитрія.

Въ двадцать четвертой—убійство Ѳеодора.

Для изученія этой драмы ученикамъ необходимо прежде всего ясно представить себѣ ея содержаніе. Это достигается выясненіемъ каждой сцены, краткимъ разсказомъ содержанія каждой изъ нихъ и наконецъ краткимъ изложеніемъ дѣйствія сообразно съ разъясненными уже сценами. Этимъ устанавливается внутренняя связь событій и единство основной темы сочиненія, нашедшей свое постепенное

развитіе какъ въ тѣхъ явленіяхъ, которыя относятся непосредственно къ Борису, такъ и въ тѣхъ, которыя съ нимъ связаны. Для достиженія поставленныхъ цѣлей полезно предложить учащимся записать въ тетради краткое содержаніе каждой сцены подобно тому, какъ это сдѣлано выше. Въ такомъ случаѣ пониманіе драмы Пушкина значительно упростится.

Затѣмъ можно приступить къ изученію отдѣльныхъ личностей и исторической обстановки дѣйствія. На основаніи литературнаго матеріала слѣдуетъ выяснить душевное состояніе Бориса, его страданія и постепенное развитіе ихъ, а также составить характеристики Лжедмитрія и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, окружавшихъ того и другого, какъ напримѣръ—Шуйскаго и Пушкина. Остальные персонажи, хотя и не имѣютъ самостоятельнаго значенія въ драмѣ, тоже должны быть отмѣчены: лѣтописецъ Пименъ, Воротынскій, Ѳеодоръ, юродивый, народъ,— безъ нихъ неясна будетъ историческая дѣйствительность, а лѣтописецъ Пименъ сверхъ того требуетъ особаго вниманія, какъ въ высшей степени художественное воплощеніе образа.

Для составленія характеристикъ, учащимся необходимо прежде всего отмѣтить, въ какихъ сценахъ встрѣчается данное лицо, и собрать весь литературный матеріалъ, относящійся къ его описанію, для необходимой связи событій, и тѣ сцены, въ которыхъ этого лица нѣтъ, но безъ которыхъ оно будетъ неясно. Когда весь матеріалъ такимъ образомъ собранъ, остается послѣдовательно, или по иному плану, передать его въ устномъ или письменномъ изложеніи, разъясняя на главныхъ моментахъ наиболѣе крупныя черты дѣйствующаго лица.

Характеристика Бориса Годунова составляется главнымъ образомъ на основаніи литературнаго матеріала четвертой, седьмой, десятой, пятнадцатой, восемнадцатой и двадцать первой сценъ. Въ остальныхъ Борисъ не участвуетъ, хотя

другія лица и ведутъ о немъ разговоры. А потому эти сцены будутъ служить необходимой связью между главными событіями въ характеристикѣ. Планъ этой работы можетъ состоять или въ послѣдовательномъ изложеніи относящагося сюда матеріала, или въ объединеніи его вокругъ трехъ основныхъ моментовъ: Борисъ, какъ человѣкъ; Борисъ, какъ царь; Борисъ, какъ семьянинъ. Выборъ того или другого плана зависитъ отъ степени развитія учащихся.

Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ дѣти узнаютъ, что Борисъ—несчастный человѣкъ, что его государственныя распоряженія были весьма разумны и клонились къ пользѣ государства, что семейныя отношенія обнаруживаютъ въ немъ прекраснаго отца семейства.

Первое видно изъ его душевнаго состоянія, постепенно усиливающагося въ своихъ тяжелыхъ переживаніяхъ. Это съ особенной силой вытекаетъ изъ монолога: „Шестой ужъ годъ я царствую спокойно, но счастья нѣтъ моей душѣ". Борисъ не пріобрѣлъ народной любви. Уже при избраніи его на царство чувствовалась искусственность въ томъ возбужденіи, которое старались вызвать бояре въ народной средѣ, когда объявили о согласіи Бориса царствовать. Чувствовалось это и въ неопредѣленномъ отношеніи боярства къ убійству царевича Дмитрія, что видно изъ разговоровъ Воротынскаго съ Шуйскимъ. Дальнѣйшія событія показали, что народная молва считала Бориса виновникомъ цѣлаго ряда несчастій: голодъ, пожаръ, внезапная смерть жениха дочери, кончина Ѳеодора, царицы. Душа горитъ... „Какъ молоткомъ, стучитъ въ ушахъ упрекомъ, и все тошнитъ, и голова кружится, и мальчики кровавые въ глазахъ... И радъ бѣжать, да некуда, ужасно!.. Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!"

Эти страданія усиливаются при первомъ извѣстіи о появленіи Самозванца, который называлъ себя Дмитріемъ. Тѣнь царевича не даетъ Борису покоя. Онъ какъ бы хо-

четъ найти себѣ оправданіе своему царствованію въ законномъ восшествіи на престолъ, въ народномъ избраніи, въ вѣнчаніи патріархомъ. Впервые у него является сомнѣнье и боязнь, не было ли въ Угличѣ подмѣна. Тринадцать лѣтъ ему все снилося убитое дитя. „Ухъ, тяжело!.. Дай духъ переведу! Я чувствовалъ: вся кровь въ лицо мнѣ кинулась и тяжко опускалась...“

Успѣхи Самозванца доводятъ Бориса до высшихъ предѣловъ страданія. Его мучаетъ образъ Димитрія, мощи котораго, какъ о томъ свидѣтельствовалъ патріархъ, даютъ исцѣленія. Въ этомъ видѣнъ былъ какъ бы перстъ Божій, указывающій на злодѣяніе.

И, вотъ, неожиданно Борисъ умираетъ, преслѣдуемый тѣнью царевича. Въ послѣднія минуты онъ трепещетъ за прочность престола своего сына, но думаетъ, что наказаніе за сдѣланное имъ преступленіе постигнетъ только его главу.

Какъ царь, Борисъ отличался разумнымъ правленіемъ, широкими замыслами и умѣньемъ властвовать. Передъ патріархомъ и боярами онъ проситъ благословенія у своего державнаго отца (Ѳеодора): „да правлю я во славѣ свой народъ, да буду благъ и праведенъ, какъ ты“.

Народныя несчастія вызываютъ съ его стороны разумныя мѣры: онъ открываетъ житницы, раздаетъ деньги, даетъ работу голоднымъ, возводитъ новыя жилища, истребленныя пожарнымъ огнемъ. Передъ его могучей волей склоняется непокорное боярство и молва о появленіи Самозванца сдерживается страхомъ передъ грознымъ царемъ. Борисъ умѣетъ выбирать къ себѣ въ помощники умныхъ людей, какъ напримѣръ Басманова, который одержалъ побѣду надъ Лжедмитріемъ. Своему сыну Борисъ даетъ передъ смертью рядъ удивительно умныхъ совѣтовъ по управленію: избрать надежнаго совѣтника, холодныхъ зрѣлыхъ лѣтъ, любимаго народомъ, а въ боярахъ почтеннаго породой или славой;

искуснаго вождя для войска; совѣтуетъ не измѣнять теченья дѣлъ; отмѣнить казни, понемногу затягивая державныя бразды, быть милостивымъ, доступнымъ къ иноземцамъ, строгимъ хранителемъ церковныхъ уставовъ; быть молчаливымъ и вѣщать народу велику скорбь или великій праздникъ.

Какъ отецъ семейства, Борисъ обнаруживаетъ привлекательныя черты. Онъ любитъ своихъ дѣтей: ласково утѣшаетъ Ксенію, которая все плакала о мертвомъ женихѣ; поощряетъ ученье Ѳеодора, такъ какъ наука сокращаетъ намъ опыты быстротекущей жизни; заботится объ упроченіи престола для своего сына; даетъ ему разумные совѣты по управленію и завѣщаетъ хранить святую чистоту невинности и гордую стыдливость, быть главою семьи и любить свою сестру, какъ единственному ея хранителю.

Подобнымъ же образомъ группируя литературный матеріалъ, можно составить характеристику Самозванца, Шуйскаго, Басманова, Пушкина, изучить историческія картины: келью въ Чудовѣ монастырѣ, корчму на Литовской границѣ. Характеристику Пимена, какъ она изображена стихами Пушкина, слѣдуетъ выучить наизустъ, а корчму на Литовской границѣ желательно поставить на школьной сценѣ.

Самозванецъ встанетъ передъ учащимися какъ честолюбивый и предпріимчивый человѣкъ, умѣло воспользовавшійся для своихъ цѣлей именемъ Дмитрія. Шуйскій—какъ коварный царедворецъ; Басмановъ—какъ умный и расчетливый, а Пушкинъ—какъ искусный заговорщикъ. Личность Пимена поразитъ могучими чертами лѣтописца. А все, вмѣстѣ взятое, раскроетъ историческую картину, нарисованную правдиво, смѣло и талантливо геніальнымъ писателемъ.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что историческая сторона драмы основана на Исторіи Государства Россійскаго Карамзина.

Воспользовавшись Борисомъ Годуновымъ, слѣдуетъ по-

знакомить учащихся съ особенностями драматической поэзіи. Предыдущее изученіе даетъ для этого достаточно матеріала. Ученики видѣли, что драма Пушкина, какъ и каждое произведеніе той же категоріи, характеризуется непрерывнымъ развитіемъ дѣйствія и діалогической формой. Этихъ особенностей они не наблюдали, напримѣръ, въ Капитанской дочкѣ, которая можетъ раскрыть основныя черты эпоса; особенности лирики вытекаютъ изъ стихотвореній того же писателя.

Итакъ, драма — какъ непрерывное развитіе дѣйствія въ діалогической формѣ, эпосъ — какъ изображеніе жизни, совершающейся внѣ самого автора, и лирика — какъ отраженіе его чувствъ и настроеній. Изъ Полтавы ученики увидятъ, что всѣ эти элементы поэзіи могутъ быть совмѣщены въ одномъ произведеніи, а изъ другихъ примѣровъ русской литературы узнаютъ, что каждое изъ нихъ можно отнести къ тому или другому роду по главнымъ чертамъ изложенія. Комедія Ревизоръ, трагедія Толстого Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ и разобранная драма Пушкина позволятъ указать имъ разницу основныхъ категорій драматической поэзіи и выяснить ихъ отличительныя черты: комедія—какъ изображеніе въ смѣшномъ видѣ отрицательныхъ сторонъ жизни, драма — какъ душевное страданіе и трагедія—какъ высшая форма послѣдняго.

Евгеній Онѣгинъ.

При изученіи этого романа мы опять должны остановиться передъ вопросомъ, въ какой мѣрѣ возможно здѣсь подойти къ байронизму Пушкина, отразившемуся въ Онѣгинѣ и существовавшему въ русскомъ обществѣ XIX вѣка. При чтеніи Кавказскаго Плѣнника и Цыганъ вопросъ этотъ можно было обойти, потому что и то и другое произведеніе заключаютъ въ себѣ лишь только намеки, а не характери-

стику этого направленія, но Онѣгинъ въ высшей степени цѣльное художественное сочиненіе, отличающееся полной законченностью типа.

Нельзя объяснить ученикамъ Онѣгина, какъ разочарованнаго человѣка, потому что этотъ терминъ имъ не понятенъ, тѣмъ болѣе нельзя разъяснить его, ставя въ связь съ общественными переживаніями того времени и съ настроеніемъ западно-европейской литературы, потому что ни на то, ни на другое нѣтъ возможности опираться, какъ на извѣстное. Наоборотъ, для характеристики времени нужно исходить отъ Онѣгина, разсмотрѣвъ его сначала какъ личность, а потомъ выдѣливъ типическія черты.

Онѣгинъ становится нѣсколько понятнѣе учащимся лишь съ того момента, когда „недугъ, котораго причину давно бы отыскать пора, подобный англійскому сплину, короче — русская хандра имъ овладѣла понемногу". Этотъ терминъ — хандра — довольно распространенъ и отъ него именно слѣдуетъ исходить въ объясненіи жизни Онѣгина.

Родившись на брегахъ Невы, Евгеній получилъ воспитаніе, типичное для того времени: учился понемногу чему нибудь и какъ нибудь, не привыкъ къ труду, къ самостоятельной работѣ, къ серьезному чтенію, но зато пріобрѣлъ необходимыя черты свѣтскости. Юность Онѣгина протекала шумно и какъ будто бы весело: онъ одѣвался по послѣдней модѣ, появлялся въ гостиныхъ, на гуляньѣ, въ балетѣ, на танцевальныхъ вечерахъ, въ театрѣ. Этимъ заполнялось все его время, но разнообразія не было: одинъ день проходилъ такъ же, какъ другой. Понемногу Онѣгину стали надоѣдать такія развлеченія, однако жизнь шла по заведенному порядку: смѣны впечатлѣній не было, пытливая мысль не придавала жизни высшаго интереса, научныя знанія и работа отсутствовали и не освѣщали пути. И вотъ Онѣгинъ появляется въ гостиныхъ и въ балетѣ уже лишь только потому, что больше некуда дѣваться. Однако скука

отъ пустой жизни давала себя знать все больше и больше, и Онѣгинъ принялся за работу: онъ сталъ писать, когда же изъ этого ничего не вышло, занялся чтеніемъ. Однако и чтеніе не принесло Онѣгину никакой пользы, потому что одно ему казалось скучнымъ, въ другомъ онъ видѣлъ лишь обманъ и бредъ, въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ. Хотя неудачныя попытки Онѣгина и не внесли въ его жизнь интереса, но все же они обнаружили въ немъ сознательное недовольство той жизнью, которая текла вокругъ и которая ему такъ нравилась сначала. Значитъ, Евгеній стоялъ выше окружающей среды. Ему хотѣлось другого, высшаго, но какъ получить его—онъ не зналъ, первыя же попытки оказались неудачными, такъ какъ въ дѣтствѣ не были развиты у него навыки самостоятельно думать и трудиться.

Въ это время жизнь Онѣгина, однако, измѣнилась сама собой. Онъ поѣхалъ въ деревню къ больному дядѣ, отъ котораго долженъ былъ получить наслѣдство. Дядя умеръ и Евгеній сдѣлался помѣщикомъ. Однако онъ не зналъ, что дѣлать, и вотъ „среди своихъ владѣній, чтобъ только время проводить, сперва задумалъ нашъ Евгеній порядокъ новый учредить“: „яремъ онъ барщины тяжелой оброкомъ легкимъ замѣнилъ“. Другихъ занятій не было, а между тѣмъ „деревня, гдѣ скучалъ Евгеній, была прелестный уголокъ; тамъ другъ невинныхъ наслажденій благословить бы небо могъ“. Съ сосѣдями Онѣгинъ не знакомился, потому что это были люди неинтересные. Вскорѣ впрочемъ въ сосѣднее имѣніе пріѣхалъ молодой помѣщикъ Ленскій, получившій образованіе въ Германіи. Восторженность юноши понравилась Евгенію и они сошлись, хотя представляли собой полную противоположность: „волна и камень, стихи и проза, ледъ и пламень не столь различны межъ собой“. „Межъ ними все рождало споры и къ размышленію всего“,

хотя Онѣгину и казалось забавнымъ все, искренно волновавшее Ленскаго.

Послѣдній уговорилъ своего пріятеля познакомиться съ семействомъ Лариныхъ, гдѣ были двѣ молодыхъ барышни: Татьяна и Ольга. Первая не походила на подругъ своей задумчивостью и мечтательностью, а вторая наоборотъ поражала живостью нрава, весельемъ и общительностью; она была невѣстой Ленскаго. Онѣгинъ началъ бывать въ домѣ Лариныхъ и временами разговаривалъ съ Татьяной, которая заинтересовалась имъ, такъ непоходившимъ на другихъ знакомыхъ. Татьяна надѣлила Онѣгина качествами того героя, который стоялъ въ ея воображеніи, и призналась ему въ любви. Онѣгинъ однако не отвѣчалъ чувствамъ Татьяны, во первыхъ, потому что онъ уже слишкомъ привыкъ къ женскому поклоненію, во вторыхъ, потому что побѣда досталась ему безъ всякихъ усилій. Въ брачномъ союзѣ онъ предвидѣлъ лишь только взаимное несчастье и потому не хотѣлъ жениться. Высказавши все это дѣвушкѣ, Онѣгинъ почти пересталъ бывать въ домѣ Лариныхъ. Ленскому стоило много труда уговорить его поѣхать къ нимъ на именины въ Татьянинъ день, и молодой человѣкъ употребилъ даже хитрость, сказавши, что у Лариныхъ не будетъ гостей. Когда Онѣгинъ увидѣлъ себя обманутымъ, онъ захотѣлъ отомстить своему другу и началъ усиленно ухаживать за Ольгой. Ленскій закипѣлъ ревностью и только дуэль могла, по его понятіямъ, смыть обиду. Дуэль состоялась. Онѣгинъ отнесся къ ней съ той же холодностью, какъ и ко всѣмъ другимъ явленіямъ своей жизни. Онъ не боялся смерти, но и не искалъ ея. Смерть Ленскаго произвела на Онѣгина тяжелое впечатлѣніе, и онъ отправился путешествовать. Послѣ долгихъ скитаній безъ какой либо опредѣленной цѣли, Онѣгинъ возвратился въ Петербургъ и на балу у своего знатнаго родственника увидѣлъ Татьяну, которая въ это время уже была замужемъ.

Его поразила ея красота и величественность, и въ Онѣгинѣ зажглось сильное чувство любви. Онъ съ трепетомъ искалъ встрѣчъ съ Татьяною, однако видѣлъ лишь одну непреклонность и холодность. Наконецъ Евгеній написалъ ей письмо, полное признаній, но вскорѣ окончательно убѣдился, что Татьяна для него навѣкъ потеряна: она сказала, когда онъ засталъ ее въ слезахъ за чтеніемъ его письма: „я васъ люблю (къ чему лукавить?), но я другому отдана; я буду вѣкъ ему вѣрна“.

Такова цѣпь внѣшнихъ событій въ жизни Онѣгина. Прежде чѣмъ приступить къ разъясненію его личности, необходимо послѣдовательно связать вмѣстѣ изложенное, что ученики, конечно, могутъ сдѣлать на основаніи прочитаннаго въ классѣ романа. Послѣ этого необходимо выяснить, какъ текла жизнь Онѣгина: направлялъ ли онъ ее сознательно по опредѣленной дорогѣ или событія развертывались сами собой; если не было перваго, то почему именно; если было второе, то какія событія и какимъ образомъ вліяли на его душевный міръ. Для всего этого необходимо отмѣтить, какъ послѣдовательно измѣнялась жизнь Онѣгина: сначала онъ веселился въ Петербургѣ, затѣмъ ему надоѣло это веселье; онъ принялся за работу, но не могъ увлечься научными интересами; поѣхалъ въ деревню, тамъ улучшилъ положеніе крѣпостныхъ, а затѣмъ опять началъ скучать; познакомился съ Ленскимъ и Ларинными; Татьяна объяснилась ему въ любви, но онъ отклонилъ брачный союзъ, поссорился съ молодымъ другомъ, убилъ его на дуэли; отправился путешествовать, а по возвращеніи въ Петербургъ увидѣлъ Татьяну, величественную и пышную; полюбилъ ее, но не могъ уже устроить своего счастья.

Ученикамъ можно задать слѣдующіе вопросы.

Къ какой средѣ русскаго общества принадлежалъ Евгеній Онѣгинъ? Къ какому времени относится романъ Пушкина? Почему Онѣгинъ получилъ поверхностное образованіе? Къ

какой жизни онъ былъ приготовленъ своимъ воспитаніемъ? Почему ему наскучили развлеченія? Почему онъ не могъ самостоятельно устроить свою жизнь, направивъ ее по опредѣленной дорогѣ? Почему Онѣгина слѣдуетъ отнести всетаки же къ лучшимъ людямъ его времени? Не было ли историческихъ причинъ въ русской жизни, создававшихъ неудовлетворенность? Какъ развилась хандра Онѣгина? Чѣмъ хандра отличается отъ скуки? Почему деревенская жизнь не интересовала Онѣгина? Кто изъ числа знакомыхъ ему больше нравился? Почему онъ сблизился съ Ленскимъ? Почему нѣсколько заинтересовался Татьяной? Почему не женился на ней? Почему не отклонилъ дуэли съ Ленскимъ? Почему уѣхалъ путешествовать? Почему въ Петербургѣ увлекся Татьяной?

Какъ слѣдуетъ считать Онѣгина: счастливымъ или несчастнымъ человѣкомъ? Гдѣ причина его несчастья? Какое основное настроеніе проходитъ черезъ всю его жизнь? Какая типическая черта въ немъ описана? Въ какое историческое время развилась эта черта? Что въ Онѣгинѣ принадлежитъ опредѣленному лицу и что русскому обществу двадцатыхъ годовъ XIX вѣка?

Затѣмъ можно приступить къ характеристикѣ Татьяны. Для этого ученикамъ нужно будетъ выдѣлить изъ романа относящіяся къ ней событія біографическаго характера и изложить ихъ въ устномъ или письменномъ разсказѣ.

Татьяна была дочь помѣщиковъ Ларинныхъ. Семья эта жила той же жизнью, какъ и всѣ окружающіе, но отъ матери своей Татьяна унаслѣдовала любовь къ чтенію; однако ей попадались лишь только одни романы, преимущественно сентиментальные, которыми она и зачитывалась. За книгами Татьяна проводила все время и постепенно сдѣлалась задумчивой; голова ея постоянно была наполнена мечтами о романтическихъ герояхъ; „сердечное томленье тѣснило ей младую грудь; душа ждала... кого нибудь“. И вотъ явился

Онѣгинъ, который такъ не походилъ на остальныхъ молодыхъ людей, бывавшихъ у Лариныхъ. Замкнутость молодого человѣка дѣлала его въ глазахъ Татьяны романтическимъ, и Татьяна полюбила Онѣгина. Ея письмо Евгенію свидѣтельствуетъ, что въ дѣвушкѣ загорѣлось сильное чувство, сулившее ей и счастье и горе. Предчувствіе говорило ей, что горе возможнѣе счастья, поэтому Татьяна въ порывѣ своего увлеченія ставитъ тяжелый вопросъ: „Кто ты: мой ангелъ ли хранитель, или коварный искуситель? Мои сомнѣнья разрѣши. Быть можетъ, это все пустое, обманъ неопытной души, и суждено совсѣмъ иное“... Татьяна пишетъ письмо противъ установившихся обычаевъ общества, и понятно, почему его ей страшно перечесть: „стыдомъ и страхомъ замираю... но мнѣ порукой ваша честь“.

Евгеній разсѣялъ ея сомнѣнія. Татьяна не была любима. Она поняла, что счастье невозможно, но „любви безумныя страданья не перестали волновать младой души; нѣтъ, пуще страстью безотрадной Татьяна бѣдная горитъ; ея постели сонъ бѣжитъ; здоровье, жизни цвѣтъ и сладость, улыбка, дѣвственный покой—пропало все, что звукъ пустой, и меркнетъ милой Тани младость“. Тяжелыя настроенія создали кошмарный сонъ во время святочныхъ гаданій, который тоже не предвѣщалъ ничего хорошаго, а Татьяна была суевѣрна. Ей приснились лѣсъ, луга, медвѣдь, избушка, чудовища и Евгеній, который властвуетъ надъ всѣмъ этимъ сбродомъ. Образъ Онѣгина и во снѣ не оставлялъ Татьяну въ покоѣ. Однажды, впрочемъ, ей какъ будто бы улыбнулось счастье. Татьяна прочитала въ глазахъ Онѣгина нѣжность, когда онъ подходилъ къ ней съ поздравленіемъ въ день ангела. Но это было такъ мимолетно. Все остальное время Татьяна была грустна, задумчива и одинока. Дуэль и смерть Ленскаго измѣнили положеніе Тани. Евгеній уѣхалъ. Очутившись во время одной изъ прогулокъ вблизи его дома, Татьяна захотѣла посмотрѣть жилище того человѣка, кото-

рый такъ властно завладѣлъ ея душой и мыслями. Среди обычной обстановки помѣщика Татьяна увидѣла книги, хранившія на себѣ слѣды чтенія. И только теперь поняла дѣвушка интересы Евгенія. Только теперь она увидѣла въ замѣткахъ его отношеніе изображенному въ нихъ современному человѣку, „съ его безнравственной душой, себялюбивой и сухой, мечтанью преданной безмѣрно, съ его озлобленнымъ умомъ, кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ“.

Татьяну повезли въ Москву, на ярмарку невѣстъ. Дѣвушка безучастно относилась къ этому и также безучастно вышла замужъ за стараго генерала, чтобы только доставить покой своей матери, которая хотѣла пристроить дочь. Свою новую роль свѣтской дамы Татьяна выполняла блестяще. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ лицѣ ея, когда она увидѣла Онѣгина, ни однимъ намекомъ не показала она, что глубокое чувство любви не остыло у ней къ Евгенію. И только случайно застигнутая врасплохъ, Татьяна сказала Онѣгину правду, страдая и плача, но оставаясь вѣрной сама себѣ.

Такимъ образомъ Пушкинъ нарисовалъ удивительно цѣльную дѣвушку, богато одаренную и заключающую въ себѣ высокія возможности, которыя могли бы пышно развернуться при широкомъ образованіи. Татьяна самостоятельна; это видно изъ ея привязанностей, изъ ея письма къ Онѣгину, а выходъ въ замужество, не согласованный съ личнымъ желаніемъ, свидѣтельствуетъ лишь, что въ это время ей было все равно, какъ жить. Татьяна глубока въ своихъ чувствахъ; это видно изъ отношенія ея къ Онѣгину, изъ ея любви. Татьяна послѣдовательна и неуклонна въ своихъ обязательствахъ; это видно изъ ея отвѣта Онѣгину: „я другому отдана, я буду вѣкъ ему вѣрна“. Въ Татьянѣ Ларіной Пушкинъ изобразилъ пробуждающееся самосознаніе русскаго общества. Поэтому она является предшественницей Лизы и Елены въ романахъ Тургенева, точно также какъ и

Онѣгинъ — предшественникъ послѣдующихъ персонажей русской литературы.

Слѣдовательно, романъ Пушкина далеко выходитъ за предѣлы изображенія личной жизни. Это лѣтопись русскаго общества, которое изъ своей среды выдвигало людей, подобныхъ Евгенію и Татьянѣ. Поэтому нельзя изучать эти типы внѣ фона широкой жизни, изображенной Пушкинымъ. Дѣйствительно, вѣдь въ ней кромѣ Онѣгина встрѣчались Ленскіе, канцеляристы Пѣтушковы; кромѣ Татьяны—Ольга. Ларины и другіе помѣщики давали картину помѣщичьей жизни, которая соприкасалась съ крестьянской, такъ идеалистически нарисованной Пушкинымъ въ Онѣгинѣ.

Поэтому послѣ изученія характеристикъ Онѣгина и Татьяны необходимо выяснить общій фонъ жизни того времени. Ученикамъ могутъ быть заданы слѣдующіе вопросы.

Чѣмъ Онѣгинъ отличается отъ Ленскаго? Чѣмъ и тотъ и другой отличаются отъ Пѣтушковыхъ и другихъ молодыхъ людей, бывшихъ на балу у Лариныхъ? Чѣмъ Татьяна отличается отъ Ольги? Въ какихъ случаяхъ жизни Ольги можно видѣть, что она не отличается глубиною натуры? Какъ обычно проводили день Ларины? Какъ жили ихъ сосѣди помѣщики? Въ какихъ эпизодахъ изобразилъ Пушкинъ крестьянскую жизнь? Правдиво ли она описана? Какая главная цѣль романа—описаніе жизни общества или народа?

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли почти всѣ наиболѣе крупныя сочиненія Пушкина, тщательно избѣгая вдаваться въ разъясненіе его байронизма, почему и Онѣгина не ставили въ связь съ Чайльдъ-Гарольдомъ. Конечно, во время чтенія ученикамъ придется дать краткія объясненія, что такое чайльдъ-гарольдовскій плащъ и т. п., но это касается фразъ, а не глубины настроеній. Поэтому и въ біографіи Пушкина не слѣдуетъ касаться увлеченія его Байрономъ.

Изъ прочитанныхъ сочиненій совершенно опредѣленно является потребность остановиться на слѣдующихъ моментахъ жизни Пушкина: происхожденіе, воспитаніе и среда, что разъяснитъ знаніе имъ общественной жизни; образованіе, выясняющее широту мысли Пушкина, то изучающей современное общество, то углубляющейся въ глубь вѣковъ; значеніе Арины Родіоновны, приблизившей его талантъ къ народной жизни, откуда Пушкинъ черпалъ мотивы для многихъ своихъ сочиненій; путешествіе на Кавказъ и жизнь на югѣ, познакомившая его съ бытовыми картинами; село Михайловское, заставившее Пушкина много работать и глубоко мыслить.

М. Ю. Лермонтовъ.

Изъ сочиненій Лермонтова въ курсѣ перваго и второго классовъ предполагалось прочитать слѣдующія: Сосна, Горныя вершины, Кавказъ (изъ Демона), Утесъ, Пророкъ, Ангелъ, Молитва, Вѣтка палестины, Родина, Дубовый листокъ, Умирающій гладіаторъ, Парусъ, Мцыри (отрывокъ), Валерикъ, Пѣсня про царя Ивана Васильевича, Бела. Такимъ образомъ на долю третьяго и четвертаго классовъ останется Демонъ, Мцыри (безъ сокращеній) и Максимъ Максимычъ въ связи съ Белою изъ Героя нашего времени. Едвали нужно доказывать, что княжну Мери и Фаталиста читать въ этомъ возрастѣ преждевременно, но впрочемъ объ этомъ — ниже. Что же касается до Тамани, то она пріобрѣтаетъ наибольшее значеніе лишь въ цѣломъ романѣ писателя.

Демонъ.

Художественная сторона этой поэмы такъ высока, стихи настолько изящны, картины такъ поэтичны и образы настолько великолѣпны, что уже только поэтому Демона слѣ-

дуетъ прочитать въ классѣ. И дѣйствительно, поэма читается съ захватывающимъ интересомъ. Само собой разумѣется, что въ ней нельзя раскрыть учащимся философскую сторону, сближающую сочиненіе Лермонтова съ Фаустомъ. Дѣти не могутъ понять, что Демонъ живетъ въ самой Тамарѣ. Для нихъ онъ останется реальнымъ лицомъ, и потому поэма пріобрѣтетъ характеръ поэтической сказки, приближающейся къ тому типу фантастическихъ повѣстей, которыя Лермонтовъ называетъ восточными. Но отъ этого художественная сторона поэмы нисколько не проиграетъ, и содержаніе ея не сдѣлается менѣе интереснымъ.

Изучая Демона, слѣдуетъ намѣтить схему взаимоотношеній дѣйствующихъ лицъ, чтобы яснѣе представить учащимся цѣпь совершающихся событій, но не въ этомъ будетъ заключаться главный интересъ занятій. Его слѣдуетъ перенести въ область душевныхъ переживаній Тамары и Демона.

Демонъ пролеталъ надъ вершинами Кавказа и надъ долинами прекрасной Грузіи, но красота міра не оставила въ немъ впечатлѣнія: „и на челѣ его высокомъ не отразилось ничего“. Демонъ увидѣлъ Тамару. „На мгновенье неизъяснимое волненье въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ. Нѣмой души его пустыню наполнилъ благодатный звукъ, и вновь постигнулъ онъ святыню любви, добра и красоты“. Демонъ погубилъ жениха Тамары и сталъ къ ней прилетать съ утѣшеніемъ, напѣвая дивныя пѣсни: „Не плачь, дитя, не плачь напрасно! Твоя слеза на трупъ безгласный живой росой не упадетъ“!.. Онъ смутилъ душу несчастной дѣвушки и та рѣшилась уйти въ монастырь, гдѣ защититъ ее Создатель: „Предъ нимъ тоску мою пролью“. Но одинокая келья не уничтожила ея желаній: „ея окно озарено лампадой, блещетъ; кого то ждетъ она давно“. И Демонъ видѣлъ: „входитъ онъ, любить готовый, съ душой открытой для добра“. Пышными рѣчами и своей любовью онъ побѣдилъ

сердце дѣвушки и страшной клятвой увѣрялъ, что хочетъ съ небомъ примириться: „хочу любить, хочу молиться, хочу я вѣровать добру“. Смерть искупила грѣхъ Тамары: душа ея улетѣла на небо, а Демонъ проклялъ, побѣжденный, мечты безумныя свои, „и вновь остался онъ надменный, одинъ, какъ прежде, во вселенной безъ упованья и любви“.

Для изученія душевной жизни Демона и Тамары могутъ быть предложены слѣдующіе вопросы.

Какое событіе измѣнило душевный міръ Демона? Какъ онъ относился къ красотѣ и къ людямъ до того, какъ увидѣлъ Тамару? Въ какихъ стихахъ это выражается? Что почувствовалъ Демонъ, когда онъ увидѣлъ Тамару? Въ какихъ стихахъ это выражается? Чѣмъ именно произвела Тамара впечатлѣніе на Демона? Прочитайте, какъ описываетъ ее Лермонтовъ? Какимъ образомъ Демонъ устранилъ со своей дороги ея жениха? Какое впечатлѣніе произвела на Тамару эта смерть? Прочитайте. Какъ Демонъ утѣшалъ дѣвушку? Прочитайте его пѣсню. Какъ отнеслась Тамара къ этой ласкающей пѣснѣ? Какимъ казался ей таинственный незнакомецъ? Какъ рѣшила поступить Тамара, чтобы облегчить свое горе? Удалось ли ей найти покой? Прочитайте отвѣтъ на этотъ вопросъ въ стихахъ Лермонтова. Что чувствовалъ Демонъ около кельи Тамары? Почему онъ смѣло вошелъ въ ея келью? Почему онъ остался побѣдителемъ въ борьбѣ съ ангеломъ? Какія желанія пробудились въ душѣ Демона подъ вліяніемъ любви? Прочитайте. Какъ отнеслась дѣвушка къ возможности этой перемѣны? Прочитайте клятву Демона. Прочитайте, что Демонъ обѣщалъ Тамарѣ. Какъ искупила Тамара свою любовь? Почему нужно было это искупленіе? Куда полетѣла ея душа? Почему ангелъ остался побѣдителемъ и Демонъ не могъ завладѣть ея душою? Какъ снова перемѣнился Демонъ, отверженный въ своихъ чувствахъ?

Стихи Лермонтова настолько прекрасны, что лучше не пересказывать содержаніе этой поэмы, а снова прочитывать

соотвѣтствующія мѣста, отвѣчая на вопросы учителя. Нѣкоторые отрывки слѣдуетъ выучить наизустъ. Въ этой поэмѣ ученики увидятъ силу любви, выраженную какъ въ личности Демона, такъ и въ Тамарѣ, увидятъ любовь, воскресающую, перерождающую, способную вознести человѣка и сдѣлать его прекраснымъ.

Мцыри.

Въ этой поэмѣ Лермонтовъ нарисовалъ любовь къ родинѣ, которая соединилась въ мечтахъ молодого монаха съ стремленіемъ къ свободѣ.

Мцыри выросъ въ тѣсныхъ стѣнахъ монастыря. Его мучила тоска по родинѣ и наконецъ онъ убѣжалъ, надѣясь пробраться въ милую страну, которая манила его къ себѣ съ первыхъ дней монастырской жизни. На свободѣ Мцыри почувствовалъ въ себѣ могучій духъ отцовъ: онъ ловилъ рукою молнію, боролся съ барсомъ, ощущая радость жизни, а молодая грузинка промелькнула въ его глазахъ прекраснымъ видѣніемъ. И за эти минуты счастья онъ готовъ былъ отдать безъ сожалѣнія остатокъ жизни. Мцыри заблудился въ дорогѣ и погибъ, сгорая отъ неудовлетворенныхъ желаній.

Изучая настроеніе Мцыри, придется сопоставлять его мечты съ дѣйствительностью. Ученикамъ могутъ быть заданы слѣдующіе вопросы.

Какъ попалъ въ монастырь ребенокъ? Какія воспоминанія сохранились въ немъ о родинѣ? Въ чемъ была разница между его мечтами и окружающей жизнью? Что его угнетало? Гдѣ мцыри испыталъ впервые радость? Почему онъ руками молнію ловилъ? Что придавало ему силы въ единоборствѣ съ барсомъ? Какія чувства пробудились въ немъ при встрѣчѣ съ грузинкой? Какой отголосокъ нашли они въ поэтическихъ грезахъ юноши, когда во снѣ онъ видѣлъ рыбокъ? Почему мцыри погибъ такъ рано?

Бела. Максимъ Максимычъ.

Белу ученики читали уже въ курсѣ перваго или второго класса, но тамъ они разсматривали преимущественно людей Кавказа, описанныхъ въ этомъ произведеніи. Печоринъ остался для нихъ неразъясненнымъ. Теперь возможно разобрать нѣкоторыя черты этого типа, поскольку даютъ на то матеріала обѣ повѣсти. Не во всѣхъ своихъ проявленіяхъ Печоринъ доступенъ учащимся даннаго возраста, а въ наиболѣе характерномъ для него сочиненіи — княжна Мери—и непонятенъ. Кромѣ того, въ послѣдней повѣсти, Печоринъ — ярко отрицательный типъ безсердечнаго и въ тоже время страдающаго эгоиста; и его возможно было бы разсматривать лишь въ томъ случаѣ, если бы ученики могли прочувствовать всю ту тяжелую драму, которая вытекаетъ отсюда, отражаясь въ сердцахъ самого Печорина, княжны Мери и Вѣры, но переживанія всѣхъ ихъ настолько сложны и тонки, что могутъ быть разсмотрѣны лишь въ болѣе старшемъ возрастѣ. Тоже самое можно сказать и о Фаталистѣ, хотя и по другимъ основаніямъ. А потому остановимся только на указанныхъ повѣстяхъ.

Ученики увидятъ въ нихъ типъ, напоминающій Онѣгина. Печоринъ походитъ на него своимъ скучающимъ видомъ, особенно во второй повѣсти, когда безнадежно машетъ рукой, говоря Максиму Максимычу, что ѣдетъ въ Персію и дальше, а зачѣмъ — не знаетъ, но и отличается отъ Онѣгина ключемъ бьющей энергіей, когда добивается своей цѣли. Второе мы видимъ въ Белѣ. Эгоизмъ Печорина уже и въ этихъ повѣстяхъ подчеркнутъ значительно, и рѣзко проявляется въ заботахъ только о своей жизни, когда, напримѣръ, онъ добивается любви Белы. Печоринъ не интересуется ея жизнью, ему нѣтъ также дѣла и до искренней

дружбы Максима Максимыча. Онъ слишкомъ занятъ собой. И Печоринъ несчастенъ, даже больше, чѣмъ Онѣгинъ, потому что послѣдній по преимуществу лишь только скучаетъ, а онъ кромѣ того и страдаетъ. Никого не любя, ни съ кѣмъ не сходясь надолго, Печоринъ одинокъ въ своей душевной жизни, которую онъ не раскрываетъ другому даже въ минуты мимолетной привязанности, а отъ этого — страданія его чувствуются особенно глубоко. Такимъ образомъ, Печоринъ отрицательный типъ. Въ немъ собраны недостатки современнаго общества, которые должны показать юнымъ читателямъ ужасъ эгоизма, тоски и одиночества. Печоринъ отваженъ, но только потому что не дорожитъ ненужной ему жизнью. Онъ уменъ, но умъ его не приноситъ ему никакой пользы. У него нѣтъ путеводной звѣзды, которая освѣщала бы собою жизненную дорогу и дѣлала бы интересными отдѣльные эпизоды личныхъ переживаній.

Ученики могутъ разсказать содержаніе той и другой повѣсти, группируя событія вокругъ изучаемой личности. А для большей картинности можно воспользоваться сравненіемъ, и черствому эгоизму Печорина противопоставить привязанность Максима Максимыча, а его разъѣдающей тоскѣ — радость жизни, отразившуюся въ характеристикѣ Казбича и Азамата.

Изучая біографію Лермонтова, придется остановиться на тѣхъ событіяхъ его жизни, которыя объясняютъ, почему М. Ю. въ своихъ сочиненіяхъ такъ часто воспѣваетъ Кавказъ съ его поэтическими красотами и могучими характерами, почему онъ ищетъ цѣльныя натуры въ русскомъ обществѣ не вокругъ себя, а углубляясь въ историческія времена царя Ивана Васильевича и купца Калашникова; наконецъ придется отмѣтить на основаніи лирическихъ произведеній поэта и его личныя настроенія тоски, одиночества и умиротворяющаго покоя на лонѣ природы.

Н. В. Гоголь.

Изъ сочиненій Гоголя могли быть прочитаны, по вышеизложенному плану, въ курсѣ перваго и второго классовъ: Разсказъ о панночкѣ (отрывокъ изъ Майской ночи), Украинская ночь, Лѣтній день въ Малороссіи, Днѣпръ (два описанія), Дорога, Старосвѣтскіе помѣщики, характеристики изъ Мертвыхъ душъ—Чичиковъ у пѣтуха и Чичиковъ у Коробочки, Казнь Остапа (изъ Тараса Бульбы). Такимъ образомъ на долю третьяго и четвертаго классовъ приходится: Тарасъ Бульба (безъ сокращеній), Ночь передъ Рождествомъ и Майская ночь (безъ сокращеній), Ссора Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, Шинель, Ревизоръ и Мертвыя души (характеристики: Манилова, Ноздрева, Собакевича, Плюшкина и Чичикова).

Тарасъ Бульба.

Чтеніе Тараса Бульбы слѣдуетъ перепести на внѣклассное время, причемъ ученики могутъ ознакомиться съ этимъ произведеніемъ самостоятельно, тѣмъ болѣе что по поводу этого произведенія у учителя уже была съ ними небольшая бесѣда, когда они читали отрывокъ—казнь Остапа. Самостоятельное чтеніе Тараса Бульбы безусловно возможно, такъ какъ простота изложенія и доступность литературнаго матеріала дѣлаютъ повѣсть понятной. Учителю придется лишь провѣрить домашнюю работу учениковъ, попросивъ ихъ разсказать содержаніе, группируя литературный матеріалъ вокругъ опредѣленныхъ вопросовъ, напримѣръ: школьные годы бурсаковъ, встрѣча Тараса Бульбы со своими сыновьями и пріѣздъ ихъ изъ бурсы, домашняя жизнь казака, главные интересы казака, Запорожская Сѣчь, выборъ атамана, казацкіе набѣги, осада города Дубно,

измѣна Андрія, героизмъ Остапа, привязанность Тараса къ своему сыну и героическая смерть Бульбы.

Устный разсказъ на эти темы могутъ дать разные ученики, но нѣкоторыя изъ нихъ желательно сдѣлать и предметомъ письменныхъ изложеній. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ работахъ ученикамъ придется выдѣлять литературный матеріалъ изъ цѣлаго произведенія и группировать его по опредѣленному плану, а потому такого рода занятія приближаются къ характеристикѣ.

Послѣ провѣрки прочитаннаго слѣдуетъ перейти къ характеристикѣ Тараса Бульбы.

Главной задачей его жизни является борьба за казацкую вольность и вѣру, какъ олицетвореніе этой вольности въ историческихъ условіяхъ момента. Къ этой борьбѣ онъ готовитъ своихъ сыновей, отсюда же вытекаютъ его отношенія къ женѣ, къ казачеству; въ этой борьбѣ находятъ свое отраженіе и его личныя черты.

Бульба учитъ своихъ сыновей въ Кіевской бурсѣ, но это лишь данъ времени, а главную школу онъ видитъ въ Запорожской Сѣчи. Поэтому совершенно понятно его насмѣшливое отношеніе къ наукѣ и твердое рѣшеніе немедленно везти своихъ сыновей въ Запорожье. Въ этомъ рѣшеніи не могутъ поколебать его ни слезы несчастной матери, которая не успѣла еще наглядѣться на сыновей своихъ, ни тайная грусть молодыхъ казаковъ, не успѣвшихъ еще насладиться радостями домашняго крова. Тарасъ съ презрѣніемъ относится ко всему, что выходитъ изъ круга его военныхъ стремленій. Онъ презираетъ домашнее хозяйство; онъ ставитъ казака неизмѣримо выше женщины, такъ какъ она не воюетъ, не борется за свободу. Поэтому онъ не признаетъ за нею правъ матери, правъ человѣка. Въ запорожцѣ Тарасъ видитъ олицетвореніе битвы и потому не выноситъ міра: въ немъ погибаетъ казацкая удаль, даромъ пропадаетъ жизнь человѣка. Тарасу не составляетъ боль-

шого труда возмутить Сѣчь, тѣмъ болѣе что въ ней постоянно тлѣется искра войны и разбоя. Казаки всегда должны были быть готовыми къ битвѣ: въ этомъ смыслѣ ихъ жизни, построенной на войнѣ и набѣгахъ. Война для Тараса праздникъ. Онъ живетъ въ ней полною жизнью. Здѣсь онъ готовъ жертвовать собою для общаго казацкаго дѣла. У него нѣтъ привязанностей, и казацкая воля торжествуетъ надъ сердцемъ. „Я тебя породилъ, я тебя и убью“, говоритъ онъ Андрію, когда тотъ измѣнилъ казацкому дѣлу, передавшись полякамъ. Но зато съ какой неутомимой энергіей добивается онъ свиданія съ Остапомъ, когда тотъ попадаетъ въ плѣнъ; какъ неустрашимъ Тарасъ, произнося свое знаменитое „слышу!“ какъ жестокъ въ поминкахъ по Остапу, какъ великъ въ совѣтахъ своимъ товарищамъ забирать съ собою всѣ челны, чтобы не было погони, не смотря на то что огненное пламя уже лизало его ноги, не смотря на то, что за такой совѣтъ онъ могъ ожидать и другія пытки.

Тарасъ—герой. Онъ не заботится о своей жизни, презираетъ семейныя связи, лишь бы это было на пользу казачеству. Тарасъ упрямъ, не смотря на то, что упрямство его грозитъ ему смертью, что было, напримѣръ, при потерѣ люльки. Тарасъ настойчивъ и никогда не отступаетъ отъ принятаго рѣшенія, не смотря на то, что ему придется разбить сердце матери или самому подвергать себя серьезной опастости, какъ это было во время поѣздки въ Варшаву. Тарасъ сливаетъ свои интересы съ интересами всего казачества и потому является выразителемъ его интересовъ, олицетворяя собою казака и въ отношеніи личныхъ качествъ.

Такимъ образомъ, Тарасъ Бульба—типъ казака XV—XVI вѣка.

Для изученія исторической и бытовой обстановки дѣйствія ученикамъ можно поставить слѣдующіе вопросы.

Подъ вліяніемъ какихъ историческихъ причинъ и въ какомъ вѣкѣ образовалась Запорожская Сѣчь? Какъ попол-

нялись ряды казаковъ? Въ чемъ состояла ихъ жизнь? Почему борьба за вѣру соединялась у нихъ съ борьбою за вольность? Съ кѣмъ они воевали? Какъ они были организованы въ военномъ отношеніи? Какими доблестями отличался казакъ во время войны и битвы? Почему у нихъ выработалась стойкость, героизмъ, товарищество?

Какъ протекало у казаковъ мирное время? Какъ они относились къ женщинѣ? Къ мирнымъ занятіямъ? Какъ воспитывали своихъ дѣтей Украинскіе казаки, жившіе не въ Запорожьѣ, а на хуторахъ? По какой жизненной дорогѣ должны были итти молодые казаки, пріѣхавъ въ Запорожье? Какъ казаки относились къ измѣнѣ? Къ смерти за вольность? Въ чемъ видѣли достоинства казака?

Перечислите типическія черты казака.

Майская ночь. Ночь передъ Рождествомъ.

Обѣ эти повѣсти—поэтическія картины Малороссіи, съ ея нравами, обычаями, природой. Нѣкоторыя мѣста первой изъ нихъ уже знакомы учащимся, а именно: описаніе лѣтней ночи—знаете ли вы Украинскую ночь!—и разсказъ о панночкѣ, а потому чтеніе Майской ночи безъ всякаго затрудненія можно отнести на внѣклассное время. Вторую повѣсть частями слѣдуетъ прочитать въ классѣ. Сюда относятся тѣ мѣста, гдѣ описывается снѣжная вьюга, которую художественная фантазія Гоголя, черпающая свои мотивы въ народномъ творчествѣ, нарисовала какъ продѣлки чорта, спрятавшаго въ карманъ мѣсяцъ, отчего по всему міру сдѣлалась такая тьма, что хоть глазъ выколи. Сюда же слѣдуетъ отнести и кокетство красавицы Оксаны передъ зеркаломъ, когда она любуется своими черными косами, когда пренебрежительно принимаетъ поклоненіе угрюмаго Вакулы и насмѣшливо посылаетъ его во время колядокъ

за царскими черевиками. Остальную часть повѣсти можно отнести и на внѣклассное время учащихся.

Такимъ образомъ, ученики познакомятся въ этихъ повѣстяхъ съ Ганной и Оксаной, съ Левко и Вакулой. Эти дѣвушки и парубки представляютъ между собою полную противоположность характеровъ. Ганна мечтательная и поэтическая натура. Она восторженно слушаетъ повѣсть о панночкѣ, о томъ, какъ заглохла усадьба на берегу заброшеннаго пруда, какъ утопилась въ немъ панночка, не перенеся притѣсненій злой мачехи. Ей кажется, что ангелы Божіи поотворяли на небѣ окошечки своихъ свѣтлыхъ домиковъ и глядятъ на насъ. Ей хочется полетѣть туда къ нимъ, высоко, высоко. Она вѣритъ въ возможность этого, какъ и въ то, что есть въ далекой землѣ „такое дерево, которое шумитъ вершиною въ самомъ небѣ, и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ Свѣтлымъ праздникомъ“. Ганна искренно любитъ своего ненагляднаго парубка и довѣрчиво сливается съ нимъ въ думахъ о панночкѣ и въ созерцаніи Божьяго міра.

Оксана совсѣмъ не то. Она знаетъ цѣну своимъ чернымъ очамъ и бровямъ, своимъ чернымъ косамъ, которыя, какъ длинныя змѣи, перевились и обвились вокругъ головы ея. Она искренно любуется своей плавной поступью, расшитою краснымъ шелкомъ сорочкою, головными лентами. Она знаетъ, какую радость принесетъ тому, чьей будетъ женой. Оксана довольна собой и снисходительно разрѣшаетъ Вакулѣ глядѣть на нее и говорить. Оксана совсѣмъ не склонна къ мечтательности. Она рѣзвится съ дивчатами и парубками, заразительно смѣется, съ увлеченіемъ колядуетъ и насмѣшливо издѣвается надъ неповоротливымъ Вакулой, отсылая его за черевичками царицы. Оксана кокетка.

Левко похожъ на Галю. Онъ мечтаетъ вмѣстѣ съ нею, и хотя не вѣритъ, что есть на свѣтѣ то дивное дерево, о которомъ разсказывала дѣвушка, но зато, по его словамъ, есть

у Бога длинная лѣстница, отъ неба до самой земли. „Ее ставятъ передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ святые архангелы, и какъ только Богъ ступитъ на первую ступень, всѣ нечистые духи полетятъ стремглавъ и кучами попадаютъ въ пекло“. Въ этомъ представленіи сквозитъ не только поэтичность, а и рѣшительность Левко, такъ пышно отразившаяся въ его шуткахъ надъ головою, которому онъ вмѣстѣ съ другими парубками вздумалъ отомстить за любимую дѣвушку.

Вакула тоже рѣшителенъ, но не такъ изобрѣтателенъ. Ему нуженъ чужой совѣтъ. И только случайно Пацюкъ выручаетъ его изъ бѣды, когда парубокъ настойчиво рѣшилъ добиться расположенія Оксаны. Вакула упрямъ и настойчивъ, что видно изъ его удивительныхъ приключеній и фантастическаго путешествія за черевиками.

Кромѣ этихъ типическихъ лицъ молодежи, въ повѣстяхъ описывается толпа парубковъ и дивчатъ, которые гуляютъ лѣтнею ночью и колядуютъ въ рождественскій сочельникъ подъ окнами. А съ середины неба на нихъ глядитъ мѣсяцъ. „Необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышетъ онъ“...

Гоголь удивительно поэтично умѣетъ поставить человѣка лицомъ къ лицу съ природою, отражая это и въ той и въ другой повѣсти. Напримѣръ, чортъ у него лишь затѣмъ поднимаетъ метель, чтобы напакостить своему врагу Вакулѣ и заставить Чуба вернуться домой.

Изучая характеры, необходимо выяснить ученикамъ и бытовую сторону жизни Малороссіи. Для этого можно поставить слѣдующіе вопросы.

Какъ гуляли парубки майской ночью? Какіе проказы они придумали, чтобы отомстить головѣ? Какъ гуляли дивчата и парубки въ рождественскій сочельникъ? Какая черта пожилыхъ людей противопоставляется въ повѣстяхъ веселости и подвижности молодежи? Укажите факты, гдѣ видна ихъ

лѣнивая неповоротливость? Въ какихъ сценахъ проглядываетъ ихъ добродушіе и юморъ?

Какія суевѣрія описаны Гоголемъ въ обѣихъ повѣстяхъ? Что въ этихъ суевѣріяхъ проглядываетъ: страхъ или поэтическое олицетвореніе природы? Откуда это видно?

Такимъ образомъ, у учениковъ составится характеристика описанныхъ лицъ и бытовой жизни. Въ изученіи ихъ мы отправлялись отъ содержанія повѣстей, группируя литературный матеріалъ вокругъ поставленной темы и уже затѣмъ дѣлая выводы. Многія темы изъ числа указанныхъ могутъ быть предложены и для письменныхъ работъ.

Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Этой повѣстью Гоголь вводитъ читателей въ жизнь помѣщиковъ стараго времени. Болѣе художественно эта жизнь описана имъ въ образахъ Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, съ которыми ученики уже познакомились раньше. Тамъ изображена и доброта этихъ старичковъ, и взаимная любовь, и гостепріимство, и убогій кругъ умственныхъ интересовъ вслѣдствіе неразвитости. Въ „Ссорѣ“ отмѣчена другая сторона жизни. Здѣсь мы видимъ, какъ два пріятеля, связанные между собою узами долголѣтней дружбы, поссорились изъ за чрезмѣрной обидчивости одного и упрямства другого, подогрѣтаго сварливой женщиной.

Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ долго жили на свѣтѣ, не дѣлая никому зла. Первый изъ нихъ отличался изысканной вѣжливостью, а второй хотя и былъ нѣсколько грубоватъ на видъ, но душевная доброта дѣлала пріятнымъ его общество. Неподдѣльнымъ юморомъ дышетъ описаніе бекеши Ивана Ивановича и шароваръ Ивана Никифоровича, какъ и вообще всего обихода жизни.

Причиною ссоры было ружье, ненужное ни тому, ни другому, и отсутствіе интересовъ однообразной жизни, катившейся безмятежно по установленному вѣками пути. Обидное слово „гусакъ“ оскорбило Ивана Ивановича, такъ какъ въ немъ онъ увидѣлъ оскорбленіе своего добраго имени, своей чести, тѣмъ болѣе что фигура Ивана Ивановича, высокаго, худощаваго человѣка, подавала поводъ принять оскорбительное слово, какъ преднамѣренное. И вотъ въ жизни друзей появились событія, взволновавшія ихъ спокойную жизнь и какъ бы наполнившія ее содержаніемъ. Иванъ Никифоровичъ выстроилъ на чертѣ владѣній Ивана Ивановича пустынный хлѣвъ, что уже явно имѣло злой умыселъ. Иванъ Ивановичъ подпилилъ это строеніе, а свѣтъ въ людской Ивана Никифоровича навелъ его на мысль о поджогѣ, какъ мести за его самоуправство. Покой этихъ людей нарушился. Вмѣсто него появилось въ ихъ жизни сутяжничество, и попытки примиренія со стороны миргородскихъ друзей остались безуспѣшными.

Великолѣпна картина повѣтоваго суда въ Миргородѣ, начиная съ описанія восхитительной лужи на площади, возлѣ самаго зданія, гусей и всякой другой птицы, подбиравшей съѣдобные остатки, разсыпанные на крыльцѣ признательными просителями, начиная съ некрашенной крыши, потому что масло, приготовленное для краски, было съѣдено канцелярскими, и кончая характеристикой судьи и подсудка, занимавшихся во время чтенія дѣла разговорами о хорошемъ угощеніи знакомаго, кончая всѣмъ дѣлопроизводствомъ и неслыханнымъ приключеніемъ съ бурой свиньей, утащившей ябеду Ивана Никифоровича. Все это превосходно, какъ и теченіе дѣла, залежавшагося на долгіе годы въ повѣтовомъ судѣ и палатѣ, повидимому до самой смерти тяжущихся. Великолѣпенъ слогъ дѣловыхъ бумагъ и розыски городничаго, явившагося арестовать бурую свинью Ивана Ивановича за преступленія ея въ канцеляріи.

Такимъ образомъ въ „Ссорѣ“ изображены два момента: безсодержательная жизнь помѣщиковъ, ихъ вражда, и повѣтовый судъ. Для всесторонняго изученія повѣсти можно предложить ученикамъ слѣдующіе вопросы.

Въ какомъ городѣ жили Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ? Опишите наружность и костюмы того и другого. Опишите ихъ домашнюю повседневную жизнь. Какъ выражалась изысканная вѣжливость Ивана Ивановича? Его вниманіе къ бѣднымъ? Какъ поссорились эти пріятели? Почему Иванъ Ивановичъ такъ обидѣлся словомъ гусакъ? Почему они не помирились? Какъ развивалась ихъ ссора? Что они писали другъ про друга въ своихъ жалобахъ? Чѣмъ окончились попытки къ ихъ примиренію?

Почему такъ долго затянулось ихъ дѣло? Какими чертами отличался повѣтовый судъ? Какъ въ немъ рѣшали дѣла? Какъ поступали съ просителями? Съ казеннымъ имуществомъ?

Какъ поступалъ городничій въ своихъ распоряженіяхъ? Какими чертами отличалась жизнь Миргорода?

Шинель.

Акакій Акакіевичъ представляетъ собою типъ маленькаго чиновника, создавшагося въ условіяхъ столичной жизни. Онъ получалъ незначительное жалованье и потому долженъ былъ крайне ограничить свои расходы. Служебныя занятія заполняли все его время, такъ какъ Акакій Акакіевичъ и домой уносилъ съ собою служебную переписку, не имѣя возможности заполнить досугъ какимъ либо другимъ занятіемъ. Интересы Акакія Акакіевича были ничтожны. Онъ ни о чемъ не думалъ и автоматически выполнялъ свою нехитрую работу. Онъ такъ втянулся въ переписываніе бумагъ, что нѣкоторыя буквы сдѣлались его фаворитами и наполняли радостью его сердце: Акакій Акакіевичъ

подмигивалъ имъ, улыбался, и какъ будто бы въ это время появлялись у него намеки на человѣческія чувства. Однообразная переписка совершенно убила въ немъ всякую мысль, и когда ему однажды дали сочинить несложную бумагу, гдѣ требовалось лишь замѣнить одну форму другою, Акакій Акакіевичъ, какъ ни старался, ничего не могъ сдѣлать, и попросилъ лучше что нибудь переписать. За самимъ собою Акакій Акакіевичъ не признавалъ никакихъ талантовъ: скромно проходилъ въ канцелярію и садился на свое мѣсто. Чиновники его не замѣчали, а сторожа смѣялись. Такъ, безъ всякихъ волненій, незамѣтно и тихо протекала его жизнь до тѣхъ поръ, пока въ жизни Акакія Акакіевича не появилось заботы. Холода заставили его подумать о новой шинели, такъ какъ старая совсѣмъ износилась. Какъ ни просилъ онъ Петровича починить старую шинель, извѣстную въ кругу чиновниковъ подъ именемъ капота, но ничего подѣлать съ нею нельзя было. И онъ рѣшилъ сшить новую.

Съ этого времени жизнь Акакія Акакіевича измѣнилась. Въ ней явилось содержаніе, возникли заботы и ожиданіе. Акакій Акакіевичъ сталъ думать. Онъ еще больше ограничилъ свои потребности: дома не зажигалъ сальной свѣчи, а ходилъ переписывать бумаги къ хозяйкѣ, снималъ нижнее бѣлье, чтобы не тратить лишнихъ денегъ на прачку, осторожно ступалъ сапогами, стараясь не износить подошвы. Праздничная награда ускорила осуществленіе его стремленій. Сколько радостей испыталъ онъ, когда ходилъ по магазинамъ и присматривался къ матеріалу, а торжество по случаю новой шинели было прямо неописуемо. Акакій Акакіевичъ повеселѣлъ, въ глазахъ его появилась мысль, въ душѣ пробудилось желаніе. Онъ смотрѣлъ на себя какъ на человѣка. Чиновники имъ заинтересовались, непремѣнно желая отпраздновать обновку, и только столоначальникъ выручилъ растерявшагося Акакія Акакіевича, пригласивши

всѣхъ къ себѣ на чашку чая. Но восторженное состояніе Акакія Акакіевича продолжалось недолго. На пустынной площади города у Акакія Акакіевича шинель украли, когда онъ возвращался домой съ вечера. Никакія хлопоты и поиски не увѣнчались успѣхомъ, тѣмъ болѣе что на него, какъ на маленькаго чиновника, важныя лица не обращали вниманія и не понимали всей тяжести его горя. Вмѣстѣ съ шинелью Акакій Акакіевичъ потерялъ навсегда надежду быть человѣкомъ, исчезли его мимолетныя радости, и опять вставала во всей своей неприглядности сѣрая жизнь, мрачная и тяжелая. Горе сломило Акакія Акакіевича и онъ умеръ, сдѣлавшись жертвой мороза, вѣтра и вьюги.

Такимъ образомъ, жизнь Акакія Акакіевича раздѣляется на двѣ части: до рѣшенія сшить шинель и послѣ него. Между ними рѣзкая разница. Въ одномъ случаѣ мы видимъ автомата, а въ другомъ человѣка, убогаго, бѣднаго мыслями, съ ничтожными интересами, но живущаго чувствами удовлетворенняго самолюбія и надежды. Повѣсть показываетъ, какое великое значеніе имѣетъ мысль и душевное чувство. Они дѣлаютъ жизнь интереснѣе, даютъ человѣку радости и даже счастье.

Ученикамъ могутъ быть предложены слѣдующіе вопросы.

Какимъ событіемъ раздѣляется жизнь Акакія Акакіевича на двѣ части? Сравните ту и другую въ отношеніи Акакія Акакіевича къ самому себѣ, въ отношеніи къ нему другихъ людей и со стороны внутреннихъ переживаній Акакія Акакіевича?

Ревизоръ.

Предметомъ этой комедіи являются чиновники уѣзднаго города, которые объединены личными интересами провести ревизора. Способъ изученія ея такой же, какъ и другихъ сочиненій того же рода, т. е. группировка литературныхъ фактовъ вокругъ опредѣленныхъ лицъ.

Чиновники ждутъ ревизора. Объ этомъ былъ предувѣдомленъ городничій и потому всѣ чувствовали страхъ передъ грознымъ событіемъ, которое могло раскрыть ихъ злоупотребленія и положить конецъ личному благополучію. И было чего бояться.

Городничій признаетъ, что нѣтъ человѣка, который не имѣлъ бы за собою, мягко выражаясь, грѣшковъ. Полицейскіе вмѣсто водворенія порядка ставятъ фонари подъ глазами и правому, и виноватому, пьянствуютъ, такъ что два ушата холодной воды не могутъ привести въ чувство. По примѣру своего начальника, они тянутъ все, что плохо лежитъ: то ложки серебряныя, то штуку сукна. И городничій сердится лишь на то, что не по чину берутъ. А въ городѣ страшный безпорядокъ: улицы не выметены, около забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору; нечистота и кабакъ. Арестантамъ вотъ уже двѣ недѣли не выдавали провизіи; солдаты ходятъ безо всего, надѣнутъ лишь только сверхъ рубашки мундиръ. Казенныя деньги идутъ совсѣмъ не туда, куда предназначены. Было ассигновано на церковь при богоугодномъ заведеніи, но она такъ и не начинала строиться: пришлось писать рапортъ, что сгорѣла. Купечество особенно терпитъ на себѣ тяжелую руку городничаго: шуба его стоитъ пятьсотъ рублей; платья и шали, цѣлыя штуки сукна, все, что на глаза попадется, хотя бы гнилой черносливъ... все должны были поставлять купцы городничему,—даже именины для этого городничій праздновалъ два раза въ годъ: на Антона и на Онуфрія. Другія лица не меньше терпятъ тяжелую руку градоправителя: высѣкли унтеръ-офицерскую вдову, забрали въ солдаты мужа слесарши, освободивъ за деньги сына портного и за три штуки полотна сына купчихи Пантелеевой.

Другіе чиновники во всемъ слѣдовали примѣру Сквозникъ-Дмухановскаго. Судья, Тяпкинъ-Ляпкинъ, травитъ зайцевъ на землѣ тяжущихся и беретъ взятки борзыми щен-

ками, считая это совершенно безобиднымъ явленіемъ. Въ уѣздномъ судѣ такой безпорядокъ, что если заглянетъ кто въ какую-нибудь бумагу, то жизни не будетъ радъ. Отъ засѣдателя идетъ такой запахъ, какъ будто бы онъ сейчасъ только вышелъ изъ винокуреннаго завода.

Попечитель богоугодныхъ заведеній, Земляника, до того довелъ больныхъ, что они ходятъ, какъ кузнецы, грязные и замазанные. Лѣкарствъ никакихъ не прописывается, да и докторъ Гибнеръ ни слова не говоритъ по русски. Вмѣсто габеръ-супа по всѣмъ корридорамъ больницы несетъ кислой капустой.

Почмейстеръ, Шпекинъ, изъ любопытства читаетъ чужія письма, а наиболѣе интересныя даже оставляетъ на память.

Въ уѣздномъ училищѣ одинъ учитель ломаетъ стулья, объясняя ученикамъ про Александра Македонскаго, а другой дѣлаетъ рожи.

Поэтому понятенъ тотъ трепетъ, который охватилъ уѣздныхъ чиновниковъ, когда они услышали о ревизорѣ. Въ страхѣ они потеряли способность думать и перваго человѣка, который отличался необыкновенными поступками, неизвѣстно зачѣмъ пріѣхалъ въ городъ, готовы были принять за ревизора, путешествующаго инкогнито, тѣмъ болѣе что онъ уже другую недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копѣйки не платитъ, даже въ тарелки заглянулъ къ Добчинскому и Бобчинскому. Всѣхъ этихъ данныхъ было достаточно, чтобы Хлестакова приняли за настоящаго ревизора, о пріѣздѣ котораго городничій былъ предувѣдомленъ.

Паническій ужасъ охватилъ всѣхъ чиновниковъ, но больше другихъ растерялся самъ городничій. Судья предложилъ даже встрѣтить страннаго вершителя судебъ, поднесши впередъ голову, духовенство и купечество. Городничій чуть не надѣлъ на голову вмѣсто шляпы кардонку, приказалъ квартальному, чтобы каждый изъ сторожей взялъ въ руки по

улицѣ... „чортъ возьми, по улицѣ,—по метлѣ! и вымели бы всю улицу, что идетъ къ трактиру“. Послѣ осмотра богоугодныхъ заведеній городничій старался обратить вниманіе ревизора на заботы свои о состояніи подвѣдомственныхъ учрежденій, причемъ пущены были въ ходъ всѣ средства получить его расположеніе: и восхитительный завтракъ, и угодничество, и деньги, которыя всѣ чиновники спѣшили дать взаймы на видъ покладистому чиновнику. Еще въ большее замѣшательство пришелъ городничій и другіе чиновники, когда услышали, что Хлестаковъ знакомъ съ министрами, что его звали департаментомъ управлять, что его самъ государственный совѣтъ боится, а по улицамъ къ нему тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ скачетъ, по самымъ важнымъ дѣламъ государственнымъ.

Паническій ужасъ городничаго смѣнился, однако, радостью и честолюбивыми замыслами, когда Хлестаковъ попросилъ руки его дочери. Въ мечтахъ его уже рисовались генеральскія эполеты, ордена, знакомство съ князьями и графами, обѣды у губернатора, а тамъ—стой городничій! На станціяхъ дожидаются всѣ эти титулярные, капитаны; онъ несется себѣ на почтовыхъ, а передъ нимъ фельдъегеря и адъютанты скачутъ. „Вотъ что, капальство, заманчиво!“ Въ порывѣ своего восторга городничій готовъ даже простить купцамъ ихъ жалобу, тѣмъ болѣе что они выразили ему полное повиновеніе и раскаяніе, когда увидѣли, что городничій опять будетъ надъ ними властвовать.

Всѣ чиновники настолько сжились со взяткой, что ничего не могли придумать другого для предотвращенія тяжелыхъ послѣдствій ревизіи, какъ предложить ту же взятку и ревизору, кто сколько могъ, хотя и подъ благовидными предлогами.

Обманъ и взятка также прочно вошли въ обиходъ жизни населенія. Купцы обсчитываютъ казну, поставляя гнилое сукно; построятъ мостъ и напишутъ въ счетѣ дерева на сто

тысячъ рублей, тогда какъ его и на сто рублей не было. И все при помощи городничаго, который получаетъ львиную долю. Явившись съ жалобой на городничаго, они и Хлестакову принесли кузовъ вина и сахарныя головы, а, когда потребовалось, дали ему взаймы пятьсотъ рублей. Портной и купчиха Пантелеева взяткой освободили своего сына отъ солдатчины. Обиженная слесарша требуетъ съ городничаго деньги за неправильно взятаго въ солдаты мужа, не желая отказываться отъ своего счастья. Словомъ, на взяткѣ построена была вся жизнь, и безъ нея шагу нельзя ступить. Населеніе сжилось съ нею, какъ съ неизбѣжнымъ явленіемъ, хотя и изнывало подъ ея неимовѣрной тяжестью.

Хлестаковъ объединяетъ въ комедіи вокругъ себя всю эту жизнь, но въ тоже время представляетъ и своеобразный типъ времени. Это человѣкъ безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, который не прочь пожить въ свое удовольствіе, картежникъ и мотъ. Орудіемъ его карьеры является неимовѣрное хвастовство, лживость и смѣлость. Онъ искусно воспользовался обстоятельствами, когда увидѣлъ, что городскіе чиновники принимаютъ его за другое лицо. Наговорилъ имъ много всякаго вздора, пустилъ пыль въ глаза, обобралъ всѣхъ на значительную сумму подъ предлогомъ займа, ухаживалъ за женою и дочерью городничаго, посватался— и все въ одинъ день. Ловкость его поразительна, хотя непомѣрная ложь и сшита бѣлыми нитками. И только паническій страхъ передъ именемъ ревизора совершенно одурманилъ головы чиновниковъ, между которыми были и старые воробьи. Понятно по этому ихъ негодованіе, когда выяснилось, что Хлестаковъ совсѣмъ не ревизоръ, понятна и та высшая степень растерянности и отчаянія, когда жандармъ доложилъ о настоящей ревизіи.

Вотъ главныя характеристики персонажей комедіи. Способомъ изученія ихъ, какъ уже сказано, является группировка литературныхъ фактовъ вокругъ опредѣленныхъ лич-

ностей. Поэтому прежде всего необходимо предложить учащимся разсказать все, что они узнали о каждомъ изъ нихъ, основывая на фактахъ свои выводы о поступкахъ и характерахъ. Этимъ будетъ достигнуто знаніе литературнаго произведенія и пониманіе изображенной жизни, а воспитательное вліяніе она окажетъ уже сама собой.

Мертвыя души.

Въ курсѣ второго класса ученики уже познакомились съ характеристикой Коробочки и Пѣтуха. Слѣдовательно, на долю послѣдующихъ занятій придутся остальныя характеристики: Манилова, Ноздрева, Собакевича, Плюшкина и Чичикова. Къ нимъ нужно добавить описаніе губернскаго города и переполохъ среди чиновниковъ, когда распространилась вѣсть на губернскомъ балѣ о необыкновенныхъ покупкахъ Чичикова. Этимъ самымъ будетъ исчерпано главное содержаніе Мертвыхъ душъ и ученики получатъ достаточно полное представленіе объ этомъ произведеніи.

Картина губернскаго города, описаннаго въ первой главѣ поэмы, представляетъ типическія черты захолустья. Здѣсь и грязная гостинница, и убогія лавченки, и безграмотныя вывѣски, и площадь, засаженная тоненькими деревцами и называемая громкимъ именемъ сада, и благодарственныя слезы гражданъ, о которыхъ мѣстная газета писала, что онѣ лились потоками по случаю милостивыхъ заботъ градоправителя.

Въ губернскомъ городѣ Чичиковъ сдѣлалъ визиты губернатору и другимъ крупнымъ чиновникамъ, обворожилъ всѣхъ своей обходительностью, познакомился съ мѣстными помѣщиками и получилъ приглашеніе пріѣхать въ деревню.

Прежде всего Чичиковъ былъ у Манилова. Усадьба его не могла заманить своимъ расположеніемъ. Господскій домъ стоялъ одиночкой на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣт-

рамъ. Вокругъ подстриженный дернъ, двѣ-три клумбы съ кустами сирени и желтыхъ акацій, пять-шесть березъ, небольшими купами возносившихъ свои жиденькія вершины; бесѣдка съ надписью: „храмъ уединеннаго размышленія“; неподалеку прудъ, покрытый зеленью. Въ деревнѣ—полное отсутствіе деревьевъ и тѣни; сѣренькія бревенчатыя избы. Во всемъ видна была безхозяйственность, а на ряду съ нею проглядывала и сентиментальность. Хозяинъ встрѣтилъ Чичикова на крыльцѣ своего дома, какъ стараго пріятеля, и низачто не хотѣлъ пройти въ комнату прежде Павла Ивановича. Слащавая приторность сквозила въ его наружности, когда онъ смотрѣлъ на своего собесѣдника, записывая въ немъ расположенія и знакомства. Убожествомъ мысли поражалъ разговоръ его, не останавливавшійся подолгу ни на одномъ предметѣ. У Манилова не было никакихъ увлеченій, никакихъ интересовъ, и только иногда приходили ему въ голову глупыя мысли или объ устройствѣ черезъ прудъ моста, чтобы на немъ сидѣли купцы и торговали мелкимъ товаромъ, или о постройкѣ высокаго дома съ такимъ бельведеромъ, откуда можно было бы любоваться Москвой, распивая чай вмѣстѣ съ пріятелемъ. Въ кабинетѣ его всегда лежала какая-то книга, раскрытая на одной и той же страницѣ, въ гостиной стояла необитая мебель, рядомъ съ шелковыми диванами. Дѣтей своихъ Маниловъ воспитывалъ безсмысленно, безъ всякаго плана. И надъ всей этой жизнью царствовало въ немъ преклоненіе передъ вѣжливостью, что выходило, впрочемъ, только смѣшно, вслѣдствіе крайней глупости самого Манилова. Гоголь даетъ цѣлый рядъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно составить изложенное представленіе о Маниловѣ. Сюда войдетъ и встрѣча его съ Чичиковымъ, и разговоръ о знакомыхъ чиновникахъ, и домашній кругъ Манилова, и продажа имъ мертвыхъ душъ.

Ноздревъ—безшабашный кутила, картежникъ и шуллеръ. Съ нимъ Чичиковъ встрѣтился на постояломъ дворѣ и

Ноздревъ сразу же сталъ говорить ему „ты“. Кутежъ, игра и „исторіи“ были его стихіей. Безъ него не обходилась ни одна ярмарка, ни одинъ съѣздъ. Нерѣдко являлся онъ домой лишь только съ однимъ бакенбардомъ, но полныя щеки его вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что бакенбарды вновь выростали. Ноздревъ ни въ чемъ не зналъ удержу. Иногда онъ несетъ такую чушь, что слушать не хочется: вдругъ разскажетъ, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти или т. п. чепуху. Часто Ноздревъ проигрывался такъ сильно, что приходилось искать какого либо пріятеля, чтобы доѣхать съ нимъ до дому. Хозяйство его шло кое-какъ, во всемъ видно было отсутствіе руководства и вниманія. Даже дома онъ готовъ былъ наговорить своему гостю дерзостей, если только тотъ не соглашался во всемъ слѣдовать его волѣ. Плутовалъ въ игрѣ, дрался, а потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣчался пріятелемъ. Ноздревъ всегда готовъ былъ создать исторію, втянуть въ нее человѣка и съ него же содрать въ свою пользу хорошій кушъ; напримѣръ, онъ предложилъ увезти Чичикову губернаторскую дочку.

Собакевичъ уже съ перваго взгляда поражалъ своей грубостью и кулачествомъ. Въ деревнѣ у него стояли крѣпкія избы и мужики жили исправно, потому что держать ихъ впроголодь было невыгодно. Помѣщичій домъ отличался безобразіемъ, покоившемся на удобствахъ жизни: вмѣсто двухъ фронтоновъ былъ только одинъ, рядомъ съ большими окнами по фасаду ютилось маленькое, приспособленное для чулана. Всему этому соотвѣтствовала внѣшность помѣщика, большого и грузнаго, который почти всегда наступалъ своему собесѣднику на ногу. Комнаты его дома были заставлены такою мебелью, которая, казалось, говорила гостю: „и я тоже медвѣдь“. Жена Собакевича походила на своего мужа. Варенье варила изъ рѣдьки, руки мыла огуречнымъ разсоломъ. За обѣдомъ у нихъ были поданы не какія ни-

будь тонкія блюда, а щи съ кашей, бараній желудокъ и т. п. Почти ни о комъ Собакевичъ не отзывался сочувственно, въ противоположность Манилову. Каждаго онъ считалъ воромъ или мошенникомъ и не довѣрялъ людямъ. Все это соотвѣтствовало его кулачеству, выразившемуся такъ пышно въ торговлѣ съ Чичиковымъ, когда тотъ предложилъ ему продать мертвыя души. Собакевичъ не довѣрялъ Чичикову и только тогда сталъ писать расписку въ полученіи задатка, когда тотъ далъ ему деньги. При этомъ Собакевичъ положилъ ихъ на конторку и прикрылъ рукой. Словомъ, все—и хозяйство, и домашній укладъ, и поступки обличали въ Собакевичѣ грубость, отсутствіе вкуса и кулачество.

Плюшкинъ рѣзко отличается отъ другихъ помѣщиковъ до болѣзненности развитымъ скряжничествомъ. Въ усадьбѣ его стоятъ громадныя скирды хлѣба, который гніетъ безъ употребленія, на дворѣ и въ подвалахъ груды всякаго добра, обращающагося въ пыль и прахъ. Окна въ домѣ заколочены, въ углу одной изъ комнатъ свалена въ кучу всякая дрянь, которую Плюшкинъ усердно подбиралъ на дворѣ и на улицѣ. Крестьянскія избы безъ крышъ, полуразрушены, а деревенская мостовая до того разбита и запущена, что бревна ея поднимались, какъ клавиши, и проѣзжающій получалъ себѣ шишки на лобъ и затылокъ.

Нарядъ Плюшкина отличался особеннымъ неряшествомъ и ветхостью: засаленныя верхнія полы, разодранныя нижнія, набрюшникъ вмѣсто галстуха.

Плюшкинъ никому не довѣрялъ и маленькія глазки его бѣгали, какъ мыши, изъ подъ нависшихъ бровей, высматривая опасность. Недовѣріе стало развиваться въ немъ послѣ смерти жены, когда всѣ мелкія заботы легли на него, а крупныя части хозяйства выскользали изъ рукъ. Дѣти не пользовались его довѣріемъ. Дочь убѣжала съ штабъ-ротмистромъ Богъ вѣсть какого полка, а сынъ поступилъ въ

военную службу, несмотря на то, что Плюшкинъ считалъ всѣхъ военныхъ картежниками и мотами. Отецъ порвалъ съ ними всякія отношенія и остался одинокимъ хранителемъ своихъ богатствъ, которыя были накоплены трудами тысячи крѣпостныхъ. Покупщики къ нему перестали ѣздить, говоря, что это бѣсъ, а не человѣкъ, такъ какъ Плюшкинъ торговался отчаянно.

Чичикова онъ встрѣтилъ совсѣмъ не гостепріимно, говоря, что угостить его ничѣмъ не можетъ, такъ какъ въ кухнѣ труба развалилась, а для лошадей во всемъ хозяйствѣ клока сѣна нѣтъ. Но когда узналъ, что гость его совсѣмъ не претендуетъ на угощеніе, а наоборотъ изъ человѣколюбія хочетъ принять на себя платежи за мертвыхъ крестьянъ, числящихся живыми по послѣдней ревизіи, то сталъ считать его благодѣтелемъ и пожелалъ угостить чаемъ съ черствымъ сухаремъ, который уже успѣлъ заплѣсневѣть отъ времени, и остатками какой то настойки, хотя въ графинѣ и плавали мухи, только что вытащенныя хозяиномъ. Когда же Чичиковъ отказался отъ этого угощенія, то Плюшкинъ хотѣлъ подарить ему на память карманные часы, хотя и сломанные, но все же серебреные. Впрочемъ онъ и здѣсь передумалъ и рѣшилъ оставить ихъ Чичикову по духовному завѣщанію.

Скряжничество Плюшкина доходитъ до высшей степени въ мольбахъ его прибавить хоть по двѣ копѣечки, на бѣдность, къ цѣнѣ за мертвыхъ крестьянъ; въ заботахъ о томъ, чтобы ни одна крошка знаменитаго сухаря, привезеннаго дочерью, не пропала даромъ и не была сворована комнатнымъ мальчикомъ; наконецъ въ безпокойствѣ его о запропавшемъ лоскуткѣ бумажки и въ желаніи растопить сургучъ для запечатанія на лучинѣ, а не на огаркѣ свѣчи, потому что онъ денегъ стоитъ.

И до всего этого можетъ дойти человѣкъ! Можетъ, гово-

ритъ Гоголь, и совѣтуетъ юношамъ забирать съ собою въ жизнь человѣческія движенія: не подымете потомъ.

Наконецъ немалый интересъ представляетъ и характеристика самого Чичикова. Гоголь разсказываетъ его біографію, начиная съ дѣтскихъ лѣтъ Павла Ивановича. Мальчикъ еще на школьной скамьѣ обнаружилъ задатки, развившіеся у него въ зрѣломъ возрастѣ до высокихъ размѣровъ. Съ товарищами онъ не дружилъ; не чувства, а расчетъ были положены у него въ отношенія къ нимъ; учителю угождалъ, ожидая отъ этого всякихъ милостей. Во всемъ этомъ Чичиковъ достигъ совершенства. Онъ зналъ, когда можно выгодно продать булку, и потому предварительно дразнилъ аппетитъ товарища; понималъ, что какая нибудь диковинка, въ родѣ дрессированной мыши, можетъ принести ему хорошій доходъ, и потому цѣлые мѣсяцы готовъ былъ тратить на ея выучку. Судьба Чичикова прежде всего зависѣла отъ аттестаціи учителя, и потому онъ дѣйствовалъ такъ, чтобы пріобрѣсти его расположеніе: никогда не шевелился на урокѣ, подавалъ учителю шляпу, нѣсколько разъ въ день раскланивался, нарочно попадаясь на дорогѣ. На самомъ дѣлѣ Чичиковъ былъ черствый и корыстный человѣкъ. Это вытекаетъ изъ его поступка съ тѣмъ же учителемъ, когда съ нимъ случилось несчастіе и онъ потерялъ мѣсто. Бывшіе ученики собрали ему немного денегъ, а Чичиковъ далъ лишь мѣдный пятакъ. Это вытекаетъ и изъ другихъ случаевъ жизни Чичикова. Наиболѣе яркимъ изъ нихъ является поведеніе Чичикова по отношенію къ своему начальнику въ присутствіи, повытчику. Онъ сталъ прислуживать этому человѣку, обнаружилъ желаніе жениться на его дочери, даже переѣхалъ къ нему на квартиру, а когда добился при помощи этого повышенія по службѣ и самъ сдѣлался такимъ же повытчикомъ, — сразу измѣнилъ свое поведеніе: съѣхалъ съ квартиры и о женитьбѣ больше не намекалъ.

Затѣмъ Чичикову не повезло, и онъ былъ уволенъ за взятки, но это не измѣнило Чичикова, а лишь только заставило его быть осторожнымъ. На новой службѣ, въ таможнѣ, Павелъ Ивановичъ показалъ свои способности. Сначала онъ добился полнаго довѣрія образцовымъ отношеніемъ къ дѣлу, а когда занялъ высокій постъ, то за большія деньги пропустилъ контрабанду и сдѣлался обладателемъ крупнаго капитала. Судьба однако вторично подшутила надъ Чичиковымъ. Мошенничество его раскрылось, и Павелъ Ивановичъ лишился мѣста, лишь кое-какъ увернувшись изъ подъ уголовнаго суда. Во время занятій адвокатурою Чичиковъ натолкнулся на мысль скупать за безцѣнокъ мертвыя души, т. е. такихъ крестьянъ, которыя числились живыми по документамъ ревизіи, хотя уже и умерли. Онъ предполагалъ заложить эти души въ опекунскій совѣтъ и нажить такимъ образомъ большія деньги. Хотя этотъ планъ въ концѣ концовъ тоже потерпѣлъ крушеніе, но тѣмъ не менѣе Чичиковъ обнаружилъ въ немъ свою изобрѣтательность, настойчивость и большія способности.

Познакомившись съ Чичиковымъ, и отъ него, какъ отъ Плюшкина, съ омерзѣніемъ отвернется благородный юноша. И если по отношенію къ Плюшкину еще можетъ проявиться въ чувствительной душѣ искра жалости, то по отношенію къ Чичикову—нѣтъ; мѣсто ея всецѣло займетъ отвращеніе.

Такимъ образомъ будутъ разсмотрѣны главныя характеристики изъ Мертвыхъ душъ. Классная работа учащихся при этомъ должна состоять въ группировкѣ литературныхъ фактовъ, выясняющихъ типическія черты того или другого лица. И учителю придется лишь слѣдить, чтобы эта группировка производилась правильно.

Переходя къ біографіи Гоголя, прежде всего слѣдуетъ раздѣлить разсмотрѣнныя сочиненія его на категоріи, вы-

ясняющія, какихъ сторонъ жизни касался этотъ писатель. У него мы встрѣчаемъ описаніе помѣщиковъ стараго времени и порядковъ стариннаго уклада жизни (Старосвѣтскіе помѣщики, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ), описаніе народной жизни Малороссіи, съ ея бытомъ, природой и повѣрьями (Ночь передъ Рождествомъ, Майская ночь), подъ его перомъ воскресаетъ старинное казачество (Тарасъ Бульба); онъ же рисуетъ современную жизнь маленькихъ людей (Шинель) и провинціальныхъ чиновниковъ (Ревизоръ); наконецъ въ большомъ романѣ сразу охватываетъ всю русскую жизнь, отразивъ въ немъ и помѣщиковъ, и чиновниковъ, и другихъ людей, включая и крѣпостныхъ стараго времени (Мертвыя души).

Такимъ образомъ, въ біографіи Гоголя нужно разъяснить всѣ эти стороны, связавъ ихъ съ личностью писателя. Для этого необходимо указать происхожденіе Гоголя, описать его дѣтскіе годы, любовь къ театру, Нѣжинскій лицей, поѣздки въ родную Васильевку, природу Малороссіи, товарищескую среду, мечты о практической дѣятельности, первые шаги въ Петербургѣ, литературныя знакомства и славу.

А. В. Кольцовъ.

Въ курсѣ второго и третьяго классовъ предполагалось прочитать лишь только нѣкоторыя стихотворенія Кольцова, какъ, напримѣръ, Міръ музыки, Урожай. Кое что изъ Кольцова прочитано было съ дѣтьми въ начальной школѣ. Но какъ тѣхъ, такъ и другихъ стихотвореній слишкомъ недостаточно для выясненія личности писателя. А потому, разбирая Кольцова, необходимо познакомить учащихся съ его поэзіей въ цѣломъ, включая сюда и прочитанныя раньше стихотворенія. При этомъ чтеніе стихотвореній Кольцова въ этомъ возрастѣ слѣдуетъ соединить съ изложеніемъ его

біографіи, чтобы лучше оттѣнить настроенія поэта и глубже разобрать основные мотивы его поэзіи. Такими мотивами являются земледѣльческій трудъ и природа, счастливая молодость и горькая доля.

Земледѣльческій трудъ и природа тѣсно слиты въ стихахъ Кольцова, потому что природа—источникъ труда, а слѣдовательно и восторженное отношеніе къ ея красотамъ должно отразиться на трудовыхъ настроеніяхъ человѣка. Въ „Пѣснѣ пахаря“ Кольцовъ рисуетъ не только поэтическую картину полевыхъ работъ, но и цѣльность міровоззрѣнія земледѣльца, которому весело на пашнѣ не только потому что красавица-зорька въ небѣ загорѣлась, изъ большого лѣса солнышко выходитъ, но также и оттого, что онъ самъ-другъ съ своею сивкой, слуга и хозяинъ. Это чувство особенно богато переживаніями, такъ какъ тѣсно слиты въ одно гармоничное цѣлое и человѣкъ, и природа. Земледѣлецъ царитъ на своей пашнѣ и никто не стоитъ между нимъ и его землею, которой онъ безраздѣльно отдаетъ свои чувства и думы. Сознаніе, что онъ хозяинъ на своей пашнѣ наполняетъ сердце земледѣльца радостью, а признаніе служебнаго положенія въ общемъ порядкѣ трудовой жизни сливаетъ его личность съ природой.

Въ стихотвореніи „Урожай“ нарисована реальная картина земледѣльческаго труда на фонѣ поэтическихъ красотъ природы. Напилась воды земля досыта. Люди сельскіе Божьей милости ждали съ трепетомъ и молитвою. Чѣмъ свѣтъ по полю всѣ разѣхались и пошли гулять, другъ за дружкою, горстью полною хлѣбъ раскидывать, и давай пахать землю плугами, да кривой сохой перепахивать, бороны зубьемъ порасчесывать. И послалъ Господь за труды людямъ выше пояса рожь зернистую... Все это художественно соединяетъ Кольцова съ тѣмъ, какъ рожь зернистая дремитъ колосомъ почти до земли, вѣтерокъ по ней плыветъ—лоснится, какъ краснымъ полымемъ заря вспыхнула, по лицу

земли туманъ стелется, разгорѣлся день огнемъ солнечнымъ и т. п. Словомъ, рожь зернистая, думы мирныя... все это художественно соединено съ описаніемъ крестьянскихъ полевыхъ работъ, отчего послѣднія пріобрѣтаютъ особый отпечатокъ красоты и поэзіи.

Но особенно сильно соединена красота природы съ личностью человѣка въ стихотвореніи „Косарь“. Тамъ разсказано, какъ въ края дальніе пойдетъ молодецъ, что внизъ по Дону, по набережью. „Мнѣ давно гулять по травѣ степной вдоль и поперекъ съ ней хотѣлося... Раззудись плечо! Размахнись рука!..“ Чувствуется, что необъятный просторъ широкой степи заражаетъ своей мощью удаль молодецкую.

Поэтому совершенно послѣдовательно ожидать у Кольцова описаніе довольства крестьянской жизни, что онъ и дѣлаетъ въ своемъ стихотвореніи: „Крестьянская пирушка“.

Идеалистическое изображеніе крестьянской жизни объясняется личнымъ преклоненіемъ Кольцова передъ красотой природы и тѣми художественными переживаніями, которыми полна была его душа во время степныхъ поѣздокъ. Поэтому понятно, что въ стихотвореніяхъ его выливалось именно идеалистическое настроеніе. И оно несомнѣнно свойственно человѣку, хотя бы въ результатѣ трудовъ его и не было того полнаго довольства, какое изображено въ „крестьянской пирушкѣ“. Среди разнообразныхъ переживаній, у человѣка, соприкасаающагося съ природой, имѣются несомнѣнно и художественныя. Кольцовъ описываетъ только ихъ. Другихъ сторонъ крестьянской жизни онъ не отражаетъ. Но это не значитъ, что ихъ нѣтъ въ дѣйствительности. И учителю нужно выяснить учащимся какъ то, что у Кольцова описана лишь одна поэтическая сторона земледѣльческой жизни крестьянина, такъ и то, почему это произошло. Послѣднее обясняется біографическими чертами писателя, увлекавшагося природой и ея красотами.

Для разъясненія идеалистическаго изображенія земледѣльческаго труда можно задать слѣдующіе вопросы.

Перечислите послѣдовательно тѣ крестьянскія роботы, которыя изображены Кольцовымъ въ „Пѣснѣ пахаря“? Въ „Урожаѣ“? Какія изъ этихъ работъ происходятъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ природой? Какъ описывается при этомъ Кольцовымъ раннее утро? День? Какое отношеніе у земледѣльца къ проливному дождю? Къ землѣматери? Къ слугѣ и хозяину— сивкѣ? Почему между земледѣльцемъ и его лошадью установились такія, повидимому, исключающія другъ друга отношенія? Какъ соединяетъ земледѣльца съ природой хлѣбъ—его богатство? Почему думы земледѣльца о посѣвѣ считаются завѣтными? Въ какой былинѣ изображается селянинъ-богатырь? Какъ? Изображаетъ ли Кольцовъ въ этихъ стихотвореніяхъ темныя стороны земледѣльческаго труда? Какъ можно объяснить такое одностороннее описаніе біографическими чертами писателя?

Отъ поэтическихъ красотъ природы и земледѣльческаго труда такъ свойственно перейти къ счастливой молодости. Она гармонируетъ съ красотой природы и отражаетъ на себѣ ея поэзію. Въ „Первой пѣсни Лихача Кудрявича“ основаніемъ счастья служитъ золотая доля и удаль молодецкая. И то и другое дѣлаютъ жизнь веселой и привлекательной. Въ стихотвореніи „Косарь“ удаль молодецкая открываетъ дорогу къ счастью доброму молодцу и, соединившись съ трудомъ на просторѣ широкой степи, лѣчитъ сердечныя раны. Горе забывается. Впрочемъ со счастливой долей соединяется иногда и оттѣнокъ грусти, который у Кольцова поэтически слитъ въ стихотвореніи „Молодая жница“ съ тѣмъ, какъ высоко стоитъ солнце на небѣ, горячо печетъ землюматушку. Душно дѣвицѣ, грустно на полѣ, нѣтъ охоты жать золотистой ржи... Лѣсомъ шла она по малинушку; повстрѣчался ей добрый молодецъ... Охъ, болитъ у ней сердце бѣдное. Но въ этой грусти нѣтъ безнадежной тоски, кото-

рая сдѣлала бы несчастной молодость. Другое настроеніе отражено Кольцовымъ пѣсней „Въ полѣ вѣтеръ воетъ“. Тамъ „молодецъ удалый соловьемъ засвищетъ—безъ пути, безъ свѣта свою долю сыщетъ. Что ему дорога, тучи громовыя, какъ придутъ по сердцу очи голубыя!..“

Зато отъ горькой доли въ сердцѣ кровь застыпетъ. „Какъ былинку, вѣтеръ молодца шатаетъ. Зима лицо знобитъ солнце—сожигаетъ. А все потому, что „соловьемъ залетнымъ юность пролетѣла, волной въ непогоду радость прошумѣла“.

Горюетъ молодая женщина, что безъ ума, безъ разума ее замужъ выдали, золотой вѣкъ дѣвичій силой укоротили. „Для того-ли молодость соблюдали, нѣжили... чтобы вѣкъ свой замужемъ горевала, плакала, безъ любви, безъ радости сокрушалась, мучилась?“ Эта тема несчастнаго замужества вполнѣ совпадаетъ съ содержаніемъ народныхъ пѣсенъ, гдѣ тоже часто слышутся жалобы молодой женщины. Напримѣръ: Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка! Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы; Ни въ умѣ было ни въ разумѣ и т. п.

У добраго молодца своя причина горькой доли: „спитъ могильнымъ сномъ красна-дѣвица!... Уже незачѣмъ собирать добро и не для чего богатѣть теперь. „Не шуми ты рожь, спѣлымъ колосомъ! Ты не пой, косарь, про широку степь“.

Различіе этихъ причинъ тяжелой доли такъ характерно подмѣчено Кольцовымъ. Женщина несчастна, потому что ея судьбою распоряжаются другіе, добрый же молодецъ, повидимому, болѣе независимъ въ этомъ отношеніи.

Но какъ тому, такъ и другому бѣда можетъ принести слишкомъ много горя. „Объ руку съ тобою пойдетъ и поѣдетъ... И щемитъ, и ноетъ, болитъ ретивое: все изъ рукъ вонъ плохо, нѣтъ ни въ чемъ удачи“...

Счастливая молодость и горькая доля, какъ и опоэтизированіе земледѣльческаго труда, находятъ художественное отраженіе въ стихотвореніи Кольцова вслѣдствіе аналогичныхъ переживаній писателя. Дѣйствительно, въ жизни у

него были радости, но было и горе, тяжелое, мрачное. Оно связывалось съ особенностями въ положеніи этого самородка русской жизни, съ постояннымъ сознаніемъ недостатковъ образованія, даже матеріальными неудачами, но больше всего—съ личной неудовлетворенностью. И ученики хорошо поймутъ на біографіи этого писателя связь между душевными переживаніями человѣка и его поэзіей.

И. С. Никитинъ.

Въ стихотвореніяхъ Никитина съ природой соединяется не художественное преклоненіе, какъ это мы видѣли у Кольцова, а отдохновеніе отъ тяжелыхъ думъ и мрачныхъ настроеній, свойственныхъ пѣвцу городской бѣдноты. Прекрасное утро, „когда солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ; за морями ночлегъ свой покинуло; на поля, на луга, на макушки ракитъ золотыми потоками хлынуло“... умиротворяюще дѣйствуетъ на писателя, успокаиваетъ больную душу и отвлекаетъ отъ повседневныхъ заботъ. У Кольцова природа возбуждаетъ энергію, заставляетъ работать мысль, обѣщаетъ счастье, а у Никитина лишь только уменьшаетъ страданія. Даже веселье не выходитъ у него увлекательнымъ, и въ немъ звучатъ тоскливыя ноты. Такъ, въ стихотвореніи „Ярко звѣздъ мерцанье въ синевѣ небесъ; мѣсяца сіянье падаетъ на лѣсъ“... описана пляска косарей. Но нѣтъ въ ней той молодецкой удали и широкаго размаха, какіе находимъ въ „Косарѣ“ Кольцова, хотя „звѣзды надъ полями, глушь да камыши... такъ и льются сами пѣсни изъ души“. Въ „Пахарѣ“ слышится уже и не тоска, а тяжелое горе: „съ ранней зорьки пашня черная бороздами подымается; конь идетъ, понурилъ голову; мужичекъ идетъ, шатается“... Горе сопровождаетъ его тяжелую работу на каменистой почвѣ, заботу о ржи-кормилицѣ, „какъ бы градомъ

не побилася, безъ дождей въ жары не высохла, отъ дождей не положилася"; наконецъ горе не отстаетъ отъ крестьянина даже въ урожайный годъ — купцы спесивятся, а въ годъ плохой — въ семьѣ всѣ мучатся. Словомъ, въ стихотвореніяхъ Никитина нѣтъ поэзіи земледѣльческаго труда. Имъ описана другая сторона жизни. И какъ Кольцову свойственно было отразить поэзію, такъ и Никитину—бѣдность и горе. Стихотворенія того и другого находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ личными условіями жизни каждаго изъ нихъ: степь—и постоялый дворъ, просторъ полей—и душная атмосфера города.

Даже гимнъ сохѣ-матушкѣ отражаетъ на себѣ это различіе. У Никитина она лишь горькой бѣдности помощница, неизмѣнная кормилица. И покоитъ соху-матушку одна ноченька беззвѣздная!

Въ безысходной нуждѣ Никитинъ видитъ, однако, и могучія силы народныя, силы вѣрить и терпѣть. Стихотвореніе „Ночлегъ въ деревнѣ" рисуетъ обыденную картину крестьянской хаты: „душный воздухъ, дымъ лучины, подъ ногами соръ... закоптѣлыя палати, черствый хлѣбъ, вода"... но могущество вѣры и терпѣнья не отнимаетъ надежды на лучшее, и оно кажется достижимымъ, благодаря неизсякаемому запасу этой силы.

Бѣдность горемычная накладываетъ тяжелую печать на всю повседневную жизнь человѣка: „Ахъ ты бѣдность горемычная, дома въ горѣ терпѣливая, къ куску черному привычная, въ чужихъ людяхъ боязливая. Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь, сирота, стыдомъ убитая, къ богачу придешь—въ углу стоишь, безпривѣтная, забытая"...

И человѣкъ отъ безысходной нужды и тоски можетъ дойти до отчаянія. Оно слышится въ пѣснѣ бобыля, хотя и прикрывается искусственностью веселья: „ни кола, ни двора, зипунъ — весь пожитокъ... Эхъ, живи — не тужи, умрешь—не убытокъ"!..

Только постоянная борьба и непрерывное напряженіе силъ можетъ поддержать человѣка въ тяжелой долѣ. Объ этомъ говоритъ Никитинъ въ стихотвореніи „Бурлакъ“. Пѣсня веселая вызывала въ немъ слезы, но разгуляли тоску Волги-матушки синія волны. „Есть разгулъ молодцу: Волга съ шумомъ бѣжитъ и про волю поетъ на просторѣ: ретивое забьется — и вспыхнешь огнемъ! Осень, холодъ, не надобна шуба! Сядешь въ лодку — гуляй! размахнешься весломъ, силой съ бурей помѣряться любо! И летишь по волнамъ, только брызги кругомъ... Крикнешь: „Ну, теперь Божія воля! Коли жить — будемъ жить, умереть — такъ умремъ!“ И въ душѣ словно не было горя“.

Гдѣ же лежитъ основная причина такого ужасающаго горя, которое отражено Никитинымъ въ цѣломъ рядѣ его стиховъ? Гдѣ основная причина этой ужасающей бѣдности и страданій? Вопросъ этотъ поставленъ поэмой „Кулакъ“ и въ ней находимъ матеріалъ для его разрѣшенія.

Поэма Никитина является въ сущности біографіей Лукича, жизнь котораго проходитъ передъ читателемъ, начиная съ ранняго дѣтства. „Еще ребенкомъ, не стѣсненный въ привычкахъ жизни обыденной, Лукичъ бездѣлье полюбилъ“. Вмѣсто того, чтобы заниматься въ школѣ, онъ катался по горамъ, обманывая и родителей, и учителя. Къ бездѣлью и обману присоединились другіе пороки. Лукичъ научился воровать и мошенничать. Сдѣлавшись приказчикомъ, онъ изучилъ всѣ изворотливости торговыхъ плутней и кошелекъ казной хозяйскою, какъ могъ, наполнилъ.

Родители не могли заниматься воспитаніемъ Лукича, такъ какъ и отецъ и мать постоянно были заняты своими дѣлами: торгашествомъ или хозяйствомъ. Поэтому Лукичъ росъ совершенно заброшеннымъ мальчикомъ. Въ жизни его не было ни одного свѣтлаго вліянія и ребенокъ погибалъ духовно. Дѣйствительно, нравственныя переживанія ему были чужды. Жизнь текла слишкомъ внѣшнимъ путемъ.

„Но вотъ за пень задѣло: тутъ неудача, тамъ сплошалъ... спустилъ, какъ въ воду, капиталъ“. И Лукичъ обратился въ человѣка безъ опредѣленныхъ занятій. Работа его сосредоточилась на рынкѣ: мелкая перепродажа, обмѣриваніе, обсчитываніе, посредничество въ разныхъ дѣлахъ — вотъ кругъ его дѣятельности. Такое занятіе давало и невѣрный, и ничтожный заработокъ. А потому Лукичъ и его семья бѣдствовали. Отсюда возникала раздраженность; отсутствіе теплыхъ привязанностей, любви, создавало тяжелую атмосферу, а грубость, попреки и издѣвательства пьянаго Лукича дѣлали совмѣстную жизнь и совсѣмъ невозможною.

Единственнымъ выходомъ изъ тажелаго положенія могло быть замужество дочери, тѣмъ болѣе что у ней ужъ былъ женихъ, котораго она любила, человѣкъ работящій, но небогатый. А Лукичъ расчитывалъ замужествомъ дочери поправить свое положеніе и потому, пользуясь родительской властью, отдалъ дочь замужъ за состоятельнаго купца. Тяжела была для дѣвушки эта продажа, но она покорилась своей участи. Однако Лукичъ ошибся въ расчетѣ. Зять его оказался человѣкомъ скупымъ и жестокосерднымъ. Онъ не только не помогалъ своему тестю, но даже отказалъ ему въ деньгахъ и тогда, когда тотъ пришелъ къ нему проспть на погребеніе несчастной страдалицы—жены.

Только теперь понялъ Лукичъ свое одиночество, только теперь оглянулся онъ на прожитое время и увидѣлъ всю мерзость, наполнявшую его жизнь. Но передѣлать уже ничего было нельзя: жизнь прожита.

Такимъ образомъ Никитинъ нарисовалъ въ этомъ произведеніи несчастнаго человѣка, который дѣлаетъ несчастными и близкихъ ему людей. Тяжелая жизнь Лукича сложилась такой подъ вліяніемъ отрицательныхъ сторонъ его воспитанія, заброшенности, невѣжества, порочности, грубости и отсутствія нравственныхъ идеаловъ.

Поэма даетъ яркія картины несчастной жизни, создавшейся на этихъ основахъ. Здѣсь мы видимъ болѣзнь и страданіе жены Лукича и горе дочери, которой запрещаютъ любить хорошаго человѣка и выдаютъ за немилаго, видимъ грубое самодурство Лукича и издѣвательство пьянаго человѣка надъ своими домашними; видимъ наконецъ и тяжелые результаты такой жизни по отношенію къ Лукичу и его дочери, когда та вышла замужъ за купца по приказанію родителя.

Нарисованная Никитинымъ жизнь и теперь еще не принадлежитъ исторіи. Современность часто воспроизводитъ описанныя картины. А потому изученіе поэмы можетъ имѣть благотворное воспитательное вліяніе на юношество, раскрывъ ихъ глаза на причины несчастья.

Едва ли слѣдуетъ особенно долго останавливаться на „Кулакѣ“ Никитина, такъ какъ это произведеніе нельзя отнести къ числу высоко художественныхъ. Изучая его по другимъ причинамъ, слѣдуетъ ограничиться лишь выясненіемъ содержанія и разборомъ причинной зависимости между изложенными въ немъ фактами, и тѣмъ самымъ остановить вниманіе учащихся уже не на высокихъ переживаніяхъ человѣка, а показать имъ темныя стороны.

Было бы, однако, слишкомъ тяжело остановиться только на этомъ моментѣ поэзіи Никитина, который вѣрилъ и въ лучшее будущее. Поэтому необходимо въ классѣ прочитать стихотвореніе: „Медленно движется время,—вѣруй, надѣйся и жди... Зрѣй наше юное племя! Путь твой широкъ впереди. Молніи насъ освѣтили, мы на распутьи стоимъ... Мертвые въ мірѣ почили, дѣло настало живымъ...“

Съ этой вѣрой въ лучшее у Никитина соединяется мрачный взглядъ на настоящее. Онъ отразился въ стихахъ его о крестьянскомъ трудѣ, о жизни отдѣльнаго человѣка и въ стихахъ біографическаго характера, какъ напримѣръ: „Вырыта заступомъ яма глубокая: жизнь невеселая,

жизнь одинокая, жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая, жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,—горько она, моя бѣдная, шла и, какъ степной огонекъ, замерла...“

Въ первыхъ двухъ классахъ предполагалось прочитать немного стихотвореній Никитина: Нищій, Соха, Бобыль, Молитва въ Геѳсиманскомъ саду, Въ лѣсу, а потому главное знакомство съ этимъ писателемъ падаетъ на занятія третьяго и четвертаго классовъ.

И. С. Тургеневъ.

Тургеневъ доступенъ для серьезнаго изученія въ четырехклассной общеобразовательной школѣ только своими разсказами и стихотвореніями въ прозѣ. Романы его могутъ лишь только отчасти понять наиболѣе развитые ученики старшаго класса, а потому романы могутъ быть рекомендованы для чтенія только немногимъ. Въ классѣ же слѣдуетъ прочитать: Хорь и Калинычъ, Бирюкъ, Льговъ, Живыя мощи, Касьянъ съ Красивой Мечи, Бѣжинъ лугъ, Пѣвцы и Муму. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ полностью или въ значительной части уже прочитаны въ первомъ и во второмъ классѣ: Бѣжинъ Лугъ, Живыя мощи, Касьянъ съ Красивой Мечи, Пѣвцы, Муму (въ сокращеніи). Слѣдовательно, на долю третьяго и четвертаго классовъ останутся лишь Хорь и Калинычъ, Бирюкъ, Льговъ и Муму (безъ сокращеній).

Хорь и Калинычъ.

Въ этомъ разсказѣ даны два совершенно противоположныхъ типа. „Хорь былъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ; Калинычъ, напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ“. Различіе этихъ основныхъ особенностей сказалось рѣшительно во

всѣхъ сторонахъ жизни того и другого: въ зависимости отъ помѣщика, въ занятіяхъ, въ домашнемъ быту и личныхъ интересахъ.

Хорь перешелъ на оброкъ и, поселившись вдали отъ помѣщика, фактически сдѣлался отъ него независимымъ. Хорю даже выгодно было оставаться въ крѣпостной зависимости, потому что она спасала его отъ всякаго начальства, которое иначе мѣшало бы ему покойно жить; всѣ отношенія его къ помѣщику сводились къ своевременной уплатѣ оброка.

Устроившись независимо, Хорь сталъ заниматься дегтярнымъ промысломъ и торговлей. Онъ построилъ себѣ крѣпкую усадьбу, которая изобличала достатокъ хозяина, и разумно велъ большое хозяйство. Дѣти были у него въ послушаніи, бабы боялись. Хорь интересовался и внѣшней жизнью. Онъ съ интересомъ разспрашивалъ у Тургенева, какъ люди за границей живутъ, и разумно разбиралъ, что изъ всего этого для насъ можетъ быть пригоднымъ и что нѣтъ.

Калинычъ жилъ совершенно иначе. Хотя избушка его и стояла въ лѣсу, но независимости отъ помѣщика у него не было: Калинычъ каждый день ходилъ съ помѣщикомъ на охоту. Это занятіе отвлекало его отъ личнаго дѣла, и Калинычъ не имѣлъ своего хозяйства, тѣмъ болѣе, что жилъ одиноко. Правда, пчелы у него водились, но, какъ увѣрялъ Хорь, только потому, что „рука легкая“. И дѣйствительно, любя это занятіе, удѣляя ему много времени, Калинычъ не сдѣлалъ пчеловодство промысловымъ предпріятіемъ. Душа Калиныча была открыта для созерцательной жизни, онъ чувствовалъ красоту, понималъ природу, зналъ грамоту, находилъ интересъ въ чтеніи и восторгался красивыми описаніями въ разсказѣ Тургенева о заграничной жизни. Калинычъ былъ немного знахаремъ, немного лѣкаремъ; все это изобличаетъ въ немъ человѣка, не

замыкающагося по преимуществу въ сферу личной жизни, какъ то дѣлаетъ Хорь, а интересующагося жизнью другихъ. Онъ не стыдится выраженія своихъ чувствъ, иногда являясь къ своему другу съ пучкомъ земляники, и живетъ просто, безъ зависти, находя интересъ въ собственныхъ переживаніяхъ и сердечныхъ влеченіяхъ.

Такимъ образомъ, изучая Хоря и Калиныча, можно установить съ учениками разницу этихъ типическихъ личностей. Ученики сами могутъ сгруппировать литературный матеріалъ и сдѣлать надлежащіе выводы, необходимо лишь ясно опредѣлить предварительно, съ какихъ сторонъ можно Хоря и Калиныча сравнивать. Мы разсматривали ихъ въ отношеніи къ помѣщику, со стороны занятій, домашняго быта и личныхъ интересовъ. Литературный матеріалъ группируется около этихъ основныхъ сторонъ и ученикамъ уже нетрудно самостоятельно разсказать, что къ тому или другому относится. Послѣ такихъ разсказовъ своевременно поставить вопросы: какая разница между Хоремъ и Калинычемъ въ отношеніи къ помѣщику; какая разница между ними въ занятіяхъ, въ домашнемъ быту и въ личныхъ интересахъ.

Этотъ разсказъ лучше всего прочитать послѣ другихъ, помѣщенныхъ въ „Запискахъ охотника“, чтобы удобнѣе произвести раздѣленіе литературныхъ персонажей Тургенева на Хорей и Калинычей. Такое раздѣленіе намѣчается уже въ средѣ мальчиковъ, описанныхъ въ Бѣжиномъ Лугѣ: къ типу Хоря принадлежитъ Павлуша и Ѳедя; къ типу Калиныча—Ваня. Къ Хорю отчасти примыкаетъ Бирюкъ, а Лукерья, Касьянъ съ Красивой Мечи и Яковъ Турокъ въ „Пѣвцахъ“—къ Калинычу. Такое раздѣленіе можно было бы указать и среди другихъ лицъ въ „Запискахъ охотника“, но ограничимся только названными выше разсказами.

Бирюкъ.

Бирюкъ принадлежитъ къ типу Хоря своей разсудительностью, положительностью рѣшеній и строгимъ отношеніемъ къ дѣлу. Онъ сторожитъ лѣсъ помѣщика. Обязанности свои Бирюкъ выполняетъ прекрасно. Не смотря на проливной дождь, громъ и молнію, не смотря на темную ночь, Бирюкъ дозоромъ обходитъ лѣсной участокъ и не ускользнуть отъ его зоркаго глаза ни случайному проѣзжему, ни вору. А между тѣмъ домашняя жизнь этого человѣка, казалось бы, могла отвлекать его вниманіе отъ исполненія обязанностей. Несчастная семейная жизнь, покинутыя дѣти, бѣдность... все это отнюдь не помогло Бирюку въ его работѣ. И удивительно то, что Бирюкъ остался вѣренъ своему дѣлу, не смотря на все это. Въ темную ночь онъ услышалъ въ лѣсу стукъ топора, и нимало не медля отправился на мѣсто порубки. Поймать вора и привести его къ себѣ въ хату—для него не составляло труда: онъ выполнялъ долгъ своей службы. Ни мольбы, ни угрозы не могли поколебать его воли. И только пробудившееся гдѣ то тамъ, глубоко, сознаніе обязанностей человѣка восторжествовало надъ требованіями профессіонала. Бирюкъ видѣлъ передъ собою на этотъ разъ не типичнаго вора, а несчастнаго крестьянина, выѣхавшаго впервые за чужимъ добромъ, потому что разоренная приказчикомъ семья голодала. И потому Бирюкъ отпустилъ крестьянина на свободу.

Тургеневъ почти не принималъ участія во всемъ этомъ происшествіи. И потому объясненія разсказа можно связать съ характеромъ его наблюденій. Учащихся можно спрашивать: въ какихъ случаяхъ, описанныхъ въ разсказѣ, Тургеневъ могъ видѣть строгое отношеніе Бирюка къ своему долгу? Мѣшала ли въ этомъ Бирюку домашняя жизнь? Помогла ли? Какъ можно объяснить прекрасный поступокъ

Бирюка съ несчастнымъ крестьяниномъ, застигнутымъ на мѣстѣ порубки?

Этими вопросами, въ сущности, исчерпывается главное содержаніе разсказа. И если дѣти поймутъ Бирюка, съ его строгимъ, но въ тоже время человѣческимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, чему не мѣшаетъ даже удручающая домашняя обстановка,—они владѣютъ разсказомъ.

Л ь г о в ъ.

Преимущественное вниманіе учениковъ придется сосредоточить въ этомъ разсказѣ на личности Сучка, исторія котораго проходитъ передъ глазами читателя. Этимъ человѣкомъ играли, какъ мячикомъ. Дѣлали изъ него казачка, фалетора, садовника, доѣзжачаго, сапожника, повара, кофишенка, актера, кучера и рыболова. Сучекъ безропотно и безучастно перемѣнялъ родъ своей дѣятельности и совершенно растерялъ способности чувствовать. Онъ съ одинаковымъ равнодушіемъ могъ разговаривать съ Тургеневымъ и булькать въ глубокомъ мѣстѣ пруда, когда неудачная охота въ Льговѣ окончилась катастрофою лодки. Привычка подчиняться заставила его поднять кверху шестъ, когда охотники подняли ружья, чтобы не замочить ихъ водою. Внѣдрившаяся съ дѣтства боязнь останавливала его казалось бы естественныя движенія схватиться за полы сюртука Тургенева, когда вода почти совсѣмъ покрывала голову и Сучекъ начиналъ тонуть. Сознаніе того, что барскій гнѣвъ по всякому поводу долженъ вылиться на крѣпостного, перепугало Сучка гораздо болѣе, чѣмъ опасность. Сучекъ не имѣлъ своей личности, не имѣлъ семьи, потому что барыня считала женитьбу совсѣмъ ненужной, и обратился въ живую машину, кое-какъ отправлявшую несложныя потребности организма. И все это сдѣлало съ Сучкомъ

крѣпостное право, позволившее ряду помѣщиковъ бросать этого человѣка изъ стороны въ сторону, не справляясь съ его желаніями и склонностями.

Крѣпостное право воспитало и безучастное отношеніе къ несчастному человѣку въ бывшемъ дворовомъ Владимирѣ, что такъ ярко видно изъ того случая, когда онъ равнодушно сказалъ про Сучка: „утонетъ“, узнавши, что Сучекъ не умѣлъ плавать. Оно воспитало въ томъ же Владимирѣ пренебрежительно—высокомѣрное отношеніе къ людямъ, стоявшимъ ниже его въ общественномъ положеніи, какъ это можно видѣть изъ отношенія его къ Сучку, и развило угодничество по отношенію къ выше стоящему, что вытекаетъ изъ характера разговоровъ его съ Тургеневымъ. Кромѣ того, крѣпостная жизнь развратила Владимира и сдѣлала его человѣкомъ ничтожнымъ, старающимся въ тоже время схватить верхушки уѣздной цивилизаціи, что въ соединеніи съ глупостью даетъ самодовольное существованіе.

Изъ характера этого разбора вытекаютъ и вопросы учащимся, чтобы руководить ихъ самостоятельнымъ изученіемъ того и другого типа.

Какія должности проходилъ Сучекъ? По чьему желанію? Справлялись ли при этомъ съ его склонностями? Въ какомъ эпизодѣ видѣнъ его страхъ передъ бариномъ? Рабское подчиненіе? Равнодушіе къ самому себѣ? Гдѣ лежитъ причина полнаго обезличенія и духовной смерти этого человѣка? Какъ это можно объяснить разсказомъ Тургенева?

Изъ какой среды происходилъ Владиміръ? Чѣмъ отличалась жизнь дворовыхъ отъ жизни другихъ крѣпостныхъ? Какія отрицательныя черты этого человѣка описаны Тургеневымъ? Откуда видно его пренебрежительно-высокомѣрное отношеніе къ низшимъ? Предупредительная угодливость къ высшимъ? Какія черты Владимира развились на крѣпостномъ правѣ?

Муму.

Хотя этотъ разсказъ и разобранъ уже въ курсѣ перваго и второго классовъ, но тамъ онъ былъ данъ въ извлеченіи. Между тѣмъ необходимо сопоставить его съ другими разсказами Тургенева въ полномъ видѣ, отнеся вторичное прочтеніе хотя бы на внѣклассное время.

Тургеневъ описываетъ несчастье глухо-нѣмого Герасима. По приказу барыни, его оторвали отъ любимыхъ занятій въ деревнѣ и сдѣлали городскимъ дворникомъ. Такая перемѣна работы крайне тяжело отозвалась на внутреннемъ мірѣ этого человѣка. Онъ сжился съ природой и земледѣльческимъ бытомъ; полюбилъ трудъ, который какъ бы составлялъ часть его жизни. А потому обязанности дворника казались Герасиму несерьезными, даже обидными.

Какъ глухо-нѣмой, Герасимъ одиноко жилъ среди городской дворни, и только забитая прачка Татьяна пользовалась его расположеніемъ, можетъ быть потому, что Герасимъ могъ чувствовать себя полезнымъ только для несчастныхъ и заброшенныхъ, а здоровые и счастливые не нуждались въ его заботахъ. Однако Татьяну по приказу барыни выдали замужъ за пьяницу Капитона и даже отправили на жительство въ деревню. И Герасимъ потерялъ человѣка, которому могъ отдавать частицу своей души.

Вскорѣ Герасимъ пріобрѣлъ новаго друга. Это была выросценная имъ собачка, Муму. Она доставляла глухо-нѣмому радости и принимала его ласки. Однако по распоряженію барыни Муму со двора удалили. Ее сбыли обманомъ, потому что боялись Герасима. Дѣйствительно, горе его было неописуемо. И тѣмъ большей радостью было переполнено его сердце, когда онъ увидѣлъ возвратившуюся Муму.

Несмотря на всѣ предосторожности Герасима, Муму выдала себя лаемъ, и барыня опять потребовала ея удаленія.

Герасиму ничего не оставалось дѣлать, какъ выдать свою любимицу. Онъ самъ рѣшился утопить ее.

Такимъ образомъ, Герасимъ послѣдовательно перенесъ одно за другимъ три серьезныхъ лишенія. Во первыхъ, его отняли отъ земли и сдѣлали дворникомъ, во вторыхъ, отъ него оторвали человѣка, къ которому онъ почувствовалъ душевное влеченіе, и въ третьихъ, лишили единственнаго друга, Муму. Все это дѣлалось по приказанію барыни, которая совсѣмъ не была злымъ человѣкомъ и не желала Герасиму ничего худого. Но она пользовалась правомъ распоряжаться личностью крѣпостного и осуществляла это право, такъ губительно отражавшееся на человѣкѣ.

Ученикамъ можно предложить слѣдующіе вопросы.

Въ чемъ состояло первое горе Герасима, созданное крѣпостнымъ правомъ? Второе? Третье? Какъ объяснить, что основная причина его несчастій именно крѣпостное право, а не что либо иное? Объясните подробнѣе, въ чемъ выражалось первое горе Герасима, сравнивъ деревенскую его жизнь съ городскою? Почему замужество и отъѣздъ Татьяны Герасимъ чувствовалъ особенно остро, можетъ быть даже больнѣе, чѣмъ чувствовалъ бы другой человѣкъ на его мѣстѣ? Почему Герасимъ привязался къ человѣку забитому и несчастному? Почему Герасимъ послѣ отъѣзда Татьяны привязался уже не къ человѣку, а къ собакѣ? Почему одиночество его сдѣлалось наиболѣе тяжелымъ со времени утраты Муму? Въ чемъ нашелъ Герасимъ нѣкоторое облегченіе своего горя?

Объединяя разсказы Тургенева и соединяя ихъ съ біографіей писателя, видимъ, что всѣ они имѣютъ одну цѣль— показать связь между личностью человѣка и крѣпостнымъ правомъ. Наиболѣе яркое выраженіе крестьянство получило въ разсказѣ „Хорь и Калинычъ", гдѣ люди раздѣлены на

двѣ основныхъ психологическихъ группы: людей практическихъ и романтиковъ. Эти двѣ группы можно прослѣдить и во всѣхъ другихъ разсказахъ Тургенева. Живя въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, Хорь и Калинычъ имѣли возможность наиболѣе свободно развить и выразить свои душевныя склонности. Но во многихъ другихъ случаяхъ крѣпостное право накладывало на людей болѣе тяжелую печать. Еще въ дѣтскіе годы крестьянскіе мальчики (Бѣжинъ лугъ) уже запуганы и забиты, уже въ это время умомъ ихъ безраздѣльно владѣетъ вѣковое суевѣріе и держитъ въ цѣпяхъ невѣжество, несмотря на благопріятныя условія жизни среди природы. И только немногіе изъ нихъ, наиболѣе крѣпкіе и способные, какъ Павлуша и Ѳедя, могутъ противостоять безотчетному страху.

Находясь въ сравнительно сносныхъ условіяхъ (Пѣвцы), талантъ не погибалъ окончательно. И хотя способности не могли получить естественнаго развитія, но все же человѣкъ оставался живымъ. Не то въ условіяхъ, болѣе худшихъ (Льговъ). Крѣпостное право часто совершенно подавляло личность, гасило душу и вырабатывало автомата, не способнаго думать и трудиться. И только значительный запасъ духовной силы (Живыя мощи, Касьянъ съ Красивой Мечи, Муму) сохранилъ русскій народъ отъ погибели, открывая возможность возрожденія и расцвѣта способностей послѣ освобожденія.

Распредѣленіе литературнаго матеріала въ курсѣ третьяго и четвертаго классовъ.

Предметомъ литературнаго изученія въ курсѣ третьяго и четвертаго классовъ является человѣкъ, не бытовая жизнь его, а духовный міръ. Дѣтямъ доступны разныя стороны этого міра, и было бы грубой ошибкой вводить какую либо

постепенность въ изученіе чувствованій и мысли, кромѣ совершенно естественнаго критерія сложности душевныхъ переживаній. Ясно, что Бориса Годунова не слѣдуетъ читать раньше Капитанской дочки, а Героя нашего времени раньше Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ и т. п. Но что прочитать прежде: Муму или Галуба, Полтаву или Мѣднаго Всадника—почти безразлично, такъ какъ въ этомъ возрастѣ понятно и то, и другое. Поэтому для раздѣленія литературнаго матеріала по классамъ слѣдуетъ основываться въ данномъ случаѣ лишь на степени трудности литературныхъ произведеній. Наиболѣе трудными являются Борисъ Годуновъ, Горе отъ ума, Евгеній Онѣгинъ и Герой нашего времени, а потому съ ними слѣдуетъ ознакомить учащихся въ четвертомъ классѣ. Весь остальной матеріалъ можно распредѣлить въ томъ или другомъ порядкѣ въ зависимости отъ совокупности разныхъ причинъ: интересъ учащихся въ данное время, интересъ учителя, тѣ или другіе юбилеи и т. п. Но выбравши опредѣленнаго писателя, нужно использовать уже весь матеріалъ, способный послужить для синтетическаго обобщенія. Такъ, Ночь передъ Рождествомъ необходимо соединить съ Майской ночью, чтобы ярче оттѣнить бытовую жизнь Малороссіи, сравнить характеры. Если что нибудь прочитано на эту тему еще во второмъ классѣ, слѣдуетъ вспомнить. Ссору Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича необходимо связать съ общей картиной жизни Старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Галуба слѣдуетъ прочитать одновременно съ Кавказскимъ плѣнникомъ и Цыганами, чтобы сопоставить типическія черты горцевъ и т. п.

Указывая лишь общія основанія распредѣленія матеріала, мы опредѣленно высказались, что всякая система, не основанная на степени трудности литературныхъ произведеній, будетъ навязанной классу. И лучше систему это создавать для каждаго курса самостоятельно, въ зависимости отъ ука-

занныхъ выше условій, лучше сдѣлать ее подвижной и не считать преступленіемъ, если почему либо покажется, что вмѣсто намѣченнаго раньше произведенія лучше прочесть другое. Достаточно лишь точно опредѣлить задачи литературнаго чтенія, выяснить объемъ курса и установить методическіе пріемы. Все остальное должно быть подвижно, отражая на себѣ жизнь класса или даже отдѣльныхъ лицъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

стр.

Предисловіе:
Основныя задачи литературнаго чтенія. 1
Общій планъ построенія курса 10
Курсъ перваго и второго классовъ 18
Дѣтскій міръ 19
Человѣкъ и животныя 31
Изъ міра сказокъ и легендъ 36
Человѣкъ и природа 45
Искусство. 68
Изъ жизни замѣчательныхъ людей 73
Человѣкъ, его мысли, чувства и настроенія. 77
Изъ жизни крестьянъ и помѣщиковъ во времена крѣпостного права. 100
Изъ жизни деревни 110
Изъ жизни рабочихъ 115
Изъ русской исторіи. 118
Распредѣленіе литературнаго матеріала между первымъ и вторымъ классами. 126
Курсъ третьяго и четвертаго классовъ. 130
Народная словесность 133
До-Петровская словесность 139
М. В. Ломоносовъ 145
Г. Р. Державинъ 148
Д. И. Фонвизинъ 150
И. А. Крыловъ 155
В. А. Жуковскій 158
А. С. Грибоѣдовъ. 163
А. С. Пушкинъ. 181
Капитанская дочка 182
Полтава 186

Кавказскій плѣнникъ. Галубъ. Цыганы. 188
Скупой рыцарь 190
Борисъ Годуновъ 192
Евгеній Онѣгинъ 199
М. Ю. Лермонтовъ 208
Демонъ 208
Мцыри 211
Бела. Максимъ Максимычъ 212
Н. В. Гоголь 214
Тарасъ Бульба 214
Майская ночь. Ночь передъ Рождествомъ. 217
Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. . 220
Шинель 222
Ревизоръ. 224
Мертвыя души 229
А. В. Кольцовъ 236
И. С. Никитинъ 241
И. С. Тургеневъ 246
Хорь и Калинычъ. 246
Бирюкъ 249
Льговъ 250
Муму 252
Распредѣленіе литературнаго матеріала въ курсѣ третьяго и четвертаго классовъ 254

В. А. Самсоновъ.

МЕТОДИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

ДЛЯ ВЕДЕНІЯ

ШКОЛЬНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

исправленное и значительно дополненное статьями
о самостоятельныхъ работахъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Изъ предисловія къ 1-му изданію. Вмѣсто предисловія ко 2-му изданію. Общія замѣчанія. Подготовительныя упражненія. Повѣствованіе. Описаніе. Характеристика. Разсужденіе. Лирическій элементъ. Самостоятельныя работы съ литературнымъ содержаніемъ. Самостоятельныя работы съ содержаніемъ изъ личныхъ наблюденій. Исправленіе стилистическихъ работъ. Примѣрный планъ занятій на всѣхъ ступеняхъ обученія.

Уч. Ком. М. Н. Пр. допущена въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ (29 дек. 1910 г. № 36345) и всѣхъ вообще низшихъ учебныхъ заведеній (16 февр. 1911 г. № 5909), а Уч. Ком. вѣдомства Императрицы Маріи—въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній (11 февр. 1911 г. № 3432).

С.-Петербургъ, 1911 г., стр. IV+214+1.

Цѣна 1 руб.

Жизнь и Слово.

ХРЕСТОМАТІЯ

для первыхъ двухъ классовъ городскихъ училищъ, для среднихъ учебныхъ заведеній, для второго класса двухклассныхъ народныхъ училищъ и для воскресныхъ школъ.

Составили:

Л. Зевигъ, М. Лопырева, В. Самсоновъ, Е. Соловьева, Н. Тамамшева, С. Тамамшева, Е. Тихѣева и Л. Тихѣева.

С.-Петербургъ. 745 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ОТДѢЛЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Цѣна 50 коп.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать*
28	2 сверху	воспитателя какъ	воспитателя
33	19 „	всясемь я	вся семья
98	9 „	„Войны и міра“	„Войны и мира“
98	20 „	„	„
163	21 „	и представляетъ	представляетъ
166	3 „	осаждаетъ	осуждаетъ
175	13 „	Максимыча	Петровича
175	17, 18, 19 сверху	Максимъ Максимычъ	Максимъ Петровичъ
186	24 сверху	зарею ясной	зарею новой
221	12 „	пустынный хлѣвъ	гусиный хлѣвъ

Жизнь и Слово.

ХРЕСТОМАТІЯ

ОТДѢЛЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Цѣна 50 коп.

Въ книжныхъ магазинахъ „Т-ВА. Н. П. КАРБАСНИКОВЪ“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ Гостиный, 19 — МОСКВА Моховая, 24 — ВАРШАВА Нов. Свѣтъ 69
продаются, между прочими, слѣдующія книги.

ТРУДЫ

Перваго Всероссійскаго Съѣзда Учителей

городскихъ по Положенію 1872 г. училищъ.

Подъ общей редакціей

В. А. Самсонова и Г. Г. Тумима.

Въ двухъ томахъ.

Первый томъ посвященъ вопросамъ учебно-административнымъ. Второй томъ посвященъ вопросамъ педагогическимъ и раздѣляется на двѣ части: въ первой части сгруппированы преимущественно предметы гуманитарные, во второй естественно-математическіе и дополнительные.

Томъ I, стр. 592, цѣна 2 руб. 50 коп. Томъ II-й, ч. 1-я, стр. 480, цѣна 2 руб. Томъ II-й, ч. 2-я, стр. 504, цѣна 2 руб.

Типографія Монтвида. Гончарная, 7.